

ИЗБРАННИКИ КАИССЫ

И. КАГАН

И. Каган

ИЗБРАННИКИ
КАИССЫ

И. Каган

ИЗБРАННИКИ ҚАИССЫ

ПЕТРОЗАВОДСК «КАРЕЛИЯ»

1983

75.581
К12

Под редакцией
международного гроссмейстера
М. Е. Тайманова

Рецензент
мастер спорта СССР
В. К. Лявданский

К $\frac{4202000000-087}{M127[03]-83}$ 91—83

© «Карелия», 1983.

Притягательная сила шахмат безгранична. Она распространяется на людей самых разных профессий, интеллектов и общественных воззрений. Не удалось избежать воздействия шахматных чар и видному английскому ориенталисту Уильяму Джонсу (1746—1794). Изучая эпическую поэзию Индии, насыщенную описаниями чатуранги (прародительницы шахмат), Джонс сам написал красивую поэму о происхождении шахмат, в которой бог войны Марс, очарованный красотой лесной нимфы Каиссы, склоняет ее к взаимности лишь изобретением шахматной игры. Образ, придуманный Джонсом, понравился шахматистам, и в 1855 г. английский журнал «The chess player's chronicle» провозгласил Каиссу — богиней, покровительницей шахмат.

Итак, появилась богиня, но достойного ее земного избранника шахматисты выявляли еще 31 год. Наконец, в

1886 г. пятидесятилетний подданный США, выходец из Вены, Вильгельм Стейниц был удостоен официального титула — чемпион мира по шахматам, став первым избранником Каиссы.

С той поры до нынешних дней чемпионами мира были лишь двенадцать шахматистов: Стейниц, Ласкер, Капабланка, Алехин, Эйве, Ботвинник, Смыслов, Таль, Петросян, Спасский, Фишер и Карпов. Обычно их называют шахматными королями. Образно, но вряд ли верно, ибо королевская корона передается, как правило, по наследству, а если за нее ведется борьба, то далеко не всегда королевские регалии получает достойный. История свидетельствует о том, что все чемпионы мира по шахматам были достойны своего звания, так как завоевывали его в острейшей борьбе, требующей колоссальной теоретической, психологической и спортивной

СТЕЙНИЦ

Народная мудрость гласит: «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты». Маленькая реконструкция — и пословица превращается в шахматную аксиому: «Скажи мне, кого ты обыграл, и я скажу, какой ты шахматист». Адольф Андерсен, Джозеф Генри Блекберн, Иоганн Герман Цукерторт, Михаил Чигорин. Пожалуй, достаточно только этих блистательных имен, чтобы понять

«убойную» силу первого чемпиона мира по шахматам Вильгельма Стейница.

Адольф Андерсен (1818 — 1879), учитель математики из Бреслава (ныне Вроцлав), — победитель первого в истории международного турнира (Лондон, 1851), гений шахматной комбинации. Его партии с Кизерицким (1851) и с Дюфренем (1852) вошли в золотой фонд шахматного искусства и названы соответственно «бессмертной» и «невывядаемой». До проигрыша матча Морфи в 1858 г. он считался сильнейшим шахматистом мира.

Джозеф Генри Блекберн (1841 — 1925) — выдающийся английский гроссмейстер, один из сильнейших шахматистов мира второй половины XIX в., яркий комбинационный шахматист. Его партии часто отмечались призами «За красоту игры» — такой приз он получил и за знаменитую победу над чемпионом мира Эмануилом Ласкером в 1899 г. Любопытный портрет Блекберна во время крупного международного турнира в Вене в 1873 г. нарисовал австрийский шахматный журнал: «...бледный, худой, стройный

человек — железный Блекберн, «черная смерть» шахматистов. Только изредка срывается лаконичное слово с его губ, оттененных тонкими усиками. Быстрым взглядом окидывает он положение, и иногда на его лице проскальзывает лукавая усмешка...»

Иоганн Герман Цукерторт (1842 — 1888) — шахматный ученик Андерсена, дипломированный военный врач, после удачного выступления на очень сильном по составу международном турнире в Лондоне в 1872 г. (3-е место после Стейница и Блекберна) бросивший врачебную практику и ставший шахматным профессионалом. Цукерторт был необыкновенно одаренным человеком: он владел английским, немецким, испанским, французским, итальянским, польским, русским, латинским, древнегреческим, арабским и древнееврейским языками, санскритом, играл в... домино лучше всех в Берлине, на расстоянии пятнадцати шагов простреливал червонного туза...

Удивительная память Цукерторта вмещала сотни партий старых мастеров, от первого до последнего хода. Не

было равных ему и в игре «вслепую» (на 16 досках одновременно). В 1883 г. Цукерторт с отрывом в 3 очка от Стейница выиграл первый приз на международном турнире в Лондоне, где был собран весь цвет тогдашнего шахматного мира.

Михаил Чигорин (1850 — 1908) — великий русский шахматист, один из основных претендентов на мировое первенство в конце XIX в., основоположник отечественной шахматной школы. Чигорин был выдающимся популяризатором шахмат в своей стране. Отношение же к его таланту ведущих шахматных стран того времени может быть проиллюстрировано выдержкой из английского журнала «Бритиш чесс мэгезин»: «По стилю своему Чигорин — блестящий игрок, смелый и отважный, и он редко позволяет этим качествам переходить в неосторожность. Он обладает глубоким знанием игры, и, принимая многие принципы так называемой «новой школы», он в то же время не допускает, чтобы по отношению к его гению эти принципы играли роль оков. Он не педантичен, его кон-

цепции глубоки, идеи величественны, стиль правилен».

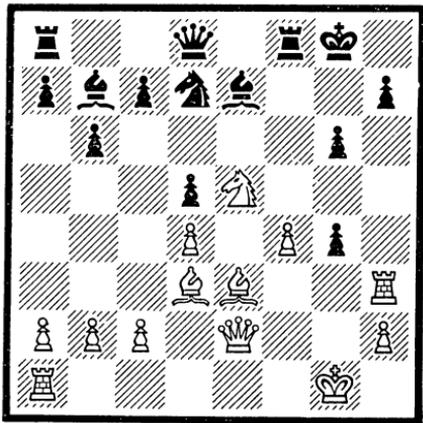
Вена 50 — 60-х годов XIX в. жила во власти прекрасных мелодий Иоганна Штрауса (младшего), «короля вальса», автора очаровательных оперетт. Венцы и не догадывались, что в скромном кафе «Куропатка» именно тогда начинал свою карьеру другой «король» другого, не менее замечательного, чем музыка, искусства — первый чемпион мира по шахматам Вильгельм Стейниц.

Уроженец Праги, Стейниц после окончания реальной школы переехал в Вену, где поступил в политехническую школу (высшее учебное заведение) с тем, чтобы стать инженером. Однако этому не суждено было сбыться: успешно выступив в ряде турниров Венского шахматного общества, Стейниц решил всю оставшуюся жизнь посвятить шахматам. На такой шаг в те времена мог решиться только человек, готовый к лишениям, нужде, разочарованиям и неудачам. И, конечно, вступая на дорогу шахматного профессионала, нужно было безумно любить шахматы и верить в окончательный успех.

В 1862 г. 26-летний Стейниц прибыл в Лондон для участия во II международном турнире. Главным фаворитом этого соревнования был Адольф Андерсен, несмотря на то, что его акции были ощутимо подорваны страшным поражением в матче с гениальным американским шахматистом Полом Морфи в 1858 г. Неожиданный уход Морфи из шахмат вновь сделал Андерсена некоронованным шахматным королем. Фаворит ожидания оправдал — он без особого труда завоевал первый приз, на втором месте оказался известный немецкий маэстро Луи Паульсен. Стейницу достался шестой приз, зато и титул «маэстро».

Маэстро Стейниц сыграл на этом турнире несколько красивых партий. Комбинация, которую он привел в партии с Монгредиеном, была названа в одной из газет «бриллиантом австрийского чемпиона» (см. диаграмму).

16. Л: h7! (конечно, преимущества белым давал и ход 16 Ф: g4, но жертва ладьи приводит к победе значительно быстрее). 16... К: e5 (разменивая на всякий случай од-

ну из атакующих фигур противника) 17. fe Кр: h7 18. Ф: g4 Лg8 (проигрывает и 18... Фе8 из-за 19. Фh5+ Крг8 20. С: g6 Лf7 21. Кph1 и подключенная к атаке белая ладья быстро решает исход борьбы или 18... Лf5 19. С: f5 gf 20. Ф: f5+ Кph8 21. Фh5+ Крг7 22. Кph1) 19. Фh5+ Крг7 20. Фh6+ Кpf7 21. Фh7+ Кре6 (если 21... Лg7, то 22. С: g6+ Кpf8 23. Фh8+ Лg8 24. Ch6x или 22... Кре6 23. Фh3x). 22. Фh3+ Кpf7 23. Лf1+ Кре8 24. Фе6! Лg7 25. Сg5 Фd7 26. С: g6+ Л: g6 27. Ф: g6+ Кpd8 28. Лf8+ Фе8 29. Ф: e8x.

Шахматный Лондон приглянулся Стейницу: здесь вы-

ходил шахматный журнал, в газетах публиковались шахматные сообщения, функционировал ряд шахматных клубов. И он принимает решение остаться в Англии. Британский шахматный «лев» Говард Стаунтон (1810—1874) в те годы уже перестал выступать в соревнованиях, и лидером английских шахматистов стал Джозеф Генри Блекберн. В январе 1863 года Стейниц сыграл с ним матч и учинил своему молодому коллеге полный разгром: +7, —1, =2. В том же году он победил в матче и представителя старшего поколения английских мастеров Августа Монгредиа со счетом 7:0.

«Покорение» Англии Стейниц завершил победой в не-большом гандикап-турнире в Лондоне в 1866 г., проводившемся по кубковой системе (с выбыванием проигравших). В этом же году руководители лондонских шахматных клубов приняли решение организовать интереснейший матч, в котором сильнейшему теперь уже английскому маэстро Стейницу должен был противостоять выдающийся немецкий маэстро, победитель двух самых

значительных до той поры международных турниров — Адольф Андерсен. Это была мечта Стейница. Андерсен без колебаний принял предложение — в своей победе он не сомневался. Только иронией судьбы и недалечностью организаторов можно объяснить тот факт, что матч этих двух шахматных титанов не был матчем на звание чемпиона мира.

Матч начался 18 июля 1866 г. Непревзойденный до той поры классик шахматного романтизма Андерсен встретил в лице Стейница более чем достойного оппонента. Сначала вперед вырвался Стейниц: проиграв первую партию, он затем торжествовал победу в четырех партиях подряд. Но боевой дух Андерсена не был сломлен: и он одержал подряд четыре победы. Настала очередь отыгрываться Стейницу. Две победы вновь вывели его вперед (6:5), но Андерсен тут же нанес ответный удар — и счет стал равным. Матчу суждено было стать не только эталоном шахматной романтики, но и образцом бескомпромиссной борьбы. Выиграв тринадцатую и четырнадцатую

партии, Стейниц одержал окончательную победу со счетом 8:6.

Победа над Андерсеном принесла Стейницу признание. Но признание это было не без капли яда: «А что было бы, если бы не оставил шахматы Морфи?»

Слава Морфи не давала Стейницу покоя, и чтобы развеять миф о стопроцентной непогрешимости американца, он засел за анализы его побед. Тщательно изучал Стейниц и творчество сильнейших шахматистов того времени. Выводы оказались потрясающими: результат каждой партии, выигранной Морфи, по мнению Стейница, определялся не только сильной игрой победителя, но и беспомощностью побежденного. Пожалуй, впервые в шахматной истории Стейниц стал серьезно задумываться о значении стратегии в шахматной партии. Он понял, что гениальные комбинации Морфи возникали зачастую благодаря примитивной стратегии его противников, в том числе самого Андерсена. Стейниц заметил, что Морфи тоже допускал иногда позиционные «вольности», но это оказыва-

лось безнаказанным из-за стратегической неграмотности его партнеров...

В 1867 г. в английском городе Данди состоялся небольшой турнир, в котором Стейниц занял второе место. Первым был известный немецкий мастер Нейман. Для истории шахмат этот турнир остался бы незаметным, если бы не удивительная партия, сыгранная между победителями. Нейман, игравший черными, был, вероятно, поражен, когда после ходов: 1. e4 e5 2. Кс3 Кс6 3. f4 ef Стейниц сыграл 4. d4?! Последовало: 4... Фh4+ 5. Кре2 — до Стейница такого «неуважения» к собственному королю еще никто не демонстрировал. Партия завершилась на 34-м ходу победой белых, а дебют, разыгранный в ней, вошел в историю под названием «Гамбит Стейница». Современная теория поставила под сомнение его корректность. Но идея, проведенная Стейницем и заключающаяся в том, что определенные позиционные завоевания (владение центром, быстрое развитие фигур) зачастую с лихвой компенсируют внешне ненадежное положение короля, стала азбуч-

ной истиной современной стратегии.

Первые турнирные выступления Стейница после победы над легендарным Андерсеном не были впечатляющими. Огорчение принес ему международный турнир в Париже, посвященный открытию Всемирной выставки 1867 г. Выдающимся этот турнир назвать было нельзя — отсутствовали Андерсен и Паульсен. Первое место занял австрийский маэстро Игнац Колиш, а второе — варшавский коммерсант Шимон Винавер, выдвинувшийся впоследствии в число сильнейших шахматистов мира. Стейниц стал лишь третьим (при 13 участниках). Моральное поражение потерпел Стейниц и на международном турнире в Баден-Бадене, где он уступил первый приз ветерану Андерсену, проиграв ему обе партии.

Титаническая исследовательская работа, которую вел Стейниц, не могла не принести плоды. В 1872 г. на международном турнире в Лондоне, выиграв все партии, он занял первое место. Вторым был Блекберн, третьим — восходящая звезда И. Цукерторт. За год до лондонского турнира

Цукерторт выиграл матч у своего шахматного учителя Адольфа Андерсена с результатом $+5, -2$. Сразу же по окончании лондонского международного турнира был организован гандикап-турнир, в котором Цукерторт нанес поражение и самому Стейницу. Задетый «за живое», Стейниц вызвал своего «обидчика» на матч и разгромил его: $+7, -1, =4$.

Матч со Стейницем разбудил самолюбие и в Цукерторте — он тоже решил вступить на путь шахматного профессионала и, бросив ради этого врачебную практику, остался в Лондоне...

«У Стейница один лишь недостаток, пожалуй, и был — тот, что он опередил свое поколение по крайней мере на пятьдесят лет!» — эти слова выдающегося шахматного мыслителя, гроссмейстера А. Нимцовича (1886—1935) с достаточной степенью объективности определяют место Стейница в ряду сильнейших шахматистов 70—80-х гг. прошлого столетия.

В 1873 г. Вена принимала участников уникального по составу международного турнира. Среди них были и неста-

реующий Андерсен, и выдающийся турнирный боец Блекберн, и тончайший позиционный игрок Паульсен, и сильнейший шахматист Франции Розенталь... Формула турнира почти исключала компромиссы: участники по круговой системе играли матчи на большинство из трех партий; победа в матче давала очко, поражение — ноль, ничья — полочка.

Первое-второе места разделили Стейниц и Блекберн. Оба выиграли по десять матчей и проиграли по одному. И хотя Стейниц выиграл с «сухим счетом» восемь матчей, а Блекберн — только три, моральным победителем считали Блекберна: он выиграл матч у Стейница (2,5 : 0,5). Победители вновь сели за доску, чтобы в двух партиях определить сильнейшего. Жестокое разочарование ожидало Блекберна: он проиграл обе партии.

Именно Блекберну суждено было, исходя из собственного горького опыта, по достоинству оценить методы и изыскания Стейница. И если он в этом не признался публично, то внутренне понял наверняка. А помог ему в этом

матч со Стейницем, сыгранный в марте 1876 г. в Лондоне. Матч игрался до семи побед. Блекберн, «железный Блекберн», «черная смерть шахматистов», проиграл семь партий подряд!

Выиграв матч у Блекберна, Стейниц на какое-то время оставил турнирную практику и занялся активной работой в шахматном отделе лондонской спортивной газеты «Филд». Впоследствии, познакомившись с анализами и статьями Стейница в этой газете, его преемник на шахматном троне Эм. Ласкер сказал: «Стейниц был мыслителем, достойным университетской кафедры».

В достейнищевские времена понятие «позиционный шахматист» считалось синонимом трусости. Разве могли шахматные романтики спокойно видеть возле себя игроков, аккуратно расставляющих свои пешечные фаланги, осторожно маневрирующих фигурами и идущих в рукопашную лишь тогда, когда противник позволил себе определенные ослабления. Сколько упреков довелось слышать великому английскому шахматисту Стаунтону, иг-

равшему в солидные шахматы, почти начисто исключаящие внешние эффекты! Восторгаясь игрой Лабурдоннэ (1797—1840) и особенно стилем Морфи, поклонники комбинационной игры тогда еще не понимали, что победы и французского, и американского шахматистов базировались на прекрасном понимании позиции и что свои впечатляющие атаки они проводили, достигнув предварительно большого позиционного перевеса (сильный центр, лучшее развитие, необеспеченность позиции неприятельского короля при надежном прикрытии собственного, обладание ключевыми пунктами и т. п.).

Именно практическое творчество Лабурдоннэ, Стаунтона и Морфи, а также известные, но тогда еще не оцененные по достоинству теоретические изыскания француза Филидора (1726—1795) о роли пешек в шахматной партии легли в основу учения Стейница. В двух книгах и многочисленных статьях он установил и сформулировал законы позиционной игры, без знания которых немислимо подлинное шахматное мастерство. Квалифицированные шахматисты зна-

ют, что два слона в открытой позиции, как правило, сильнее двух коней или коня и слона, что пешечное преимущество на ферзевом фланге зачастую обеспечивает лучшие шансы в эндшпиле, что лучший «блкер» изолированной пешки — конь, что наиболее эффективным средством борьбы с фланговой атакой является контрудар в центре... Все это почти сто лет тому назад установлено Стейницем. Однако неверно считать учение Стейница абсолютно непогрешимым. Были в нем и догматические моменты, были и спорные мысли. Но в целом учение Стейница имело революционизирующее действие и стало основой современных законов позиционной борьбы.

А между тем соревнования шахматистов шли своим чередом. В 1880 г. Цукерторт разгромил в матче Розенталя: $+7, -1, =11$, а в 1881 г. — неумолимо Блекберна: $+7, -2, =5$. Было в активе Цукерторта и первое место в весьма представительном турнире в Париже в 1878 г. Триумфальным стало выступление его на IV Лондонском международном тур-

нире 1883 г. Среди участников этого выдающегося турнира, помимо Цукерторта, были Стейниц, Блекберн, Винавер, Эглиш, Розенталь, Чигорин и другие. Цукерторт, набрав 22 очка из 26 возможных, на целых 3 очка опередил занявшего второе место Стейница.

Шахматному миру стало ясно, что более сильных шахматистов, чем Стейниц и Цукерторт, нет. А раз так, шахматные меценаты взялись за организацию матча между ними, тем более, что под впечатлением сравнительной неудачи в IV Лондонском международном турнире Стейниц сам бросил вызов Цукерторту.

После длительных переговоров было решено провести матч в трех американских городах: Нью-Йорке, Сан-Луи и Новом Орлеане. Специальный комитет Манхэттенского шахматного клуба разработал скрупулезный регламент матча. В основу его было положено предложение Стейница играть до десяти побед одного из участников; при счете побед 9:9 в первоначальном варианте регламента матч признавался закончившимся

вничью, но впоследствии в самый разгар борьбы в матче участники договорились продолжать в этом случае борьбу еще до восьми побед. Контроль времени был близок к современному — 2 часа на 30 ходов, а затем — 1 час на 15 ходов. 11 января 1886 г. в Нью-Йорке начался первый в истории шахматный матч на звание чемпиона мира.

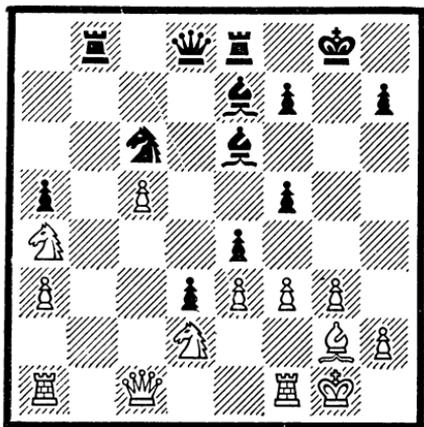
Почти все матчи на звание чемпиона мира характеризуются неожиданными поворотами в ходе борьбы. Не был исключением и этот матч. Первую партию в великолепном стиле выиграл Стейниц, в остальных четырех партиях, сыгранных в Нью-Йорке, победу торжествовал Цукерторт... После небольшого перерыва матч при счете 4:1 продолжился в Сан-Луи.

В 6, 7 и 9-й партиях матча Цукерторт был переигран по всем правилам позиционного искусства (8-я партия завершилась ничьей). Из всех партий матча особо должны быть отмечены 7 и 9-я, в которых с перестановкой ходов возникли позиции принятого ферзевого гамбита, характеризующегося наличием изолирован-

ной пешки и более свободной игрой у белых при прочной позиции у черных. План, примененный в этих партиях Стейницем, игравшим черными, полностью соответствует современным шахматным воззрениям и принят на вооружение почти всеми квалифицированными шахматистами наших дней.

Заключительный цикл исторического матча начался в Новом Орлеане 10-й по счету партией, которая длилась не многим более часа и завершилась ничьей. Дальнейшая борьба шла уже без компромиссов, несмотря на ничьи в 14, 15 и 17-й партиях. Стейниц выиграл 11 и 12-ю партии, но допустил ряд ошибок и проиграл стоящую на выигрыш 13-ю партию. Отличная победа, одержанная Стейницем в 16-й партии, была в полном смысле слова учебным примером, иллюстрирующим мощь двух слов.

Изобретательной защитой Стейницу удалось спасти 17-ю партию, а в 18 и 19-й партиях он уже был полным хозяином положения. Особенно впечатляет финал 19-й партии.

На первый взгляд позиция кажется обоюдоострой: белые несколько стеснены, и один из коней на «отшибе», зато они подорвали пешечную фалангу черных, а позиция черного короля имеет скомпрометированный вид. Однако Стейниц (черные), идя на эту позицию, наверняка интуитивно чувствовал возможность ее тактического решения в свою пользу.

20... Kd4! 21. ed (чуть-чуть сложнее была бы задача черных после 21. Kph1; например: 21... Kc2 22. fe! K:e3! 23. ef, но и здесь после 23... Cd5 позиция белых безнадежна) 21... Ф:d4+ 22. Kph1 e3! (теперь две связанные проходные чер-

ных сметают все на своем пути...) 23. Kc3 Cf6! 24. Kdb1 d2 25. Фc2 Cb3 26. Ф:f5 d1Ф 27. K:d1 C:d1 28. Kc3 e2 29. Ла:d1 Ф:c3! Цукерторт сдался.

В 20-й партии Стейниц применил белыми «запатентованный» им гамбит, которому вконец деморализованный Цукерторт противостоять уже не мог. Окончательный итог матча: +10, —5, =5 в пользу Стейница. В истории шахмат появился первый чемпион мира.

Стейниц прекрасно понимал, что моральной обязанностью чемпиона мира является участие в наиболее представительных турнирах и в матчах с достойными соперниками. Стройной системы отбора претендентов ни тогда, ни в последующие времена (вплоть до 1948 г.) не существовало, а потому чемпиону мира предстояло самому выбирать достойных. Нельзя было, конечно, не считаться и с общественным мнением. Когда в 1888 г. гостящему в Гаване Стейницу местные меценаты предложили провести матч с достойным, по его мнению, соперником, чемпион мира назвал русского чемпиона М. И. Чигорина.

Матч Стейниц — Чигорин начался в Гаване в январе 1889 г. Будучи отличным тактиком, Чигорин доставил наибольшие неприятности своему противнику в открытых дебютах. В закрытых же дебютах превосходство Стейница было подавляющим. Итог матча отражал, пожалуй, действительное соотношение сил: 10,5 : 6,5 в пользу Стейница. Любопытно, что ничейный исход был зафиксирован лишь в одной (!) партии.

На стыке 1890—1891 гг. в шахматную историю был вписан еще один матч на звание чемпиона мира. На этот раз противником 54-летнего Стейница стал 36-летний Исидор Гунсберг. На счету английского маэстро был ряд крупных успехов: первые призы на международных турнирах в Гамбурге (1885 г.) и в Брэдфорде (1888 г.), выигрыши матчей у Берда (+5, —1, =3) и Блекберна (+5, —2, =6). Стейниц принял вызов Гунсберга лишь после того, как последний сыграл вничью (+9, —9, =5) матч с Чигориним.

Матч Стейниц — Гунсберг проводился на большинство

из 20 партий и завершился трудной победой Стейница: +6, —4, =9. Объективный Стейниц по окончании матча назвал Гунсберга «выдающимся шахматным мастером нашего времени», а Зигберт Тарраш (подробнее о нем — в следующей главе), комментируя итоги матча, подметил весьма тревожный для чемпиона мира симптом: «Гунсберг не победил Стейница, но показал, что Стейниц может быть побежден. Немного больше остроты в атаке, немного больше упорства в защите, и это ему удалось бы». Любопытно, что именно так действовал против Стейница в 1894 г. Эмануил Ласкер...

Особое место в шахматной истории занимает второй матч Стейница с Чигориним, состоявшийся в 1892 г. в той же Гаване. Этот матч был поединком двух приблизительно равных по силе шахматных корифеев, каждый из которых отстаивал свои шахматные принципы. Трудно согласиться с некоторыми историками шахмат, утверждающими, что эти принципы противоречили друг другу. Скорее они были взаимодополняющими. Глав-

ным достоинством Чигорина было его поразительное умение находить за доской исключение из общепринятых правил, когда, например, два его коня вдруг становились сильнее двух слонов противника, «разорванная» пешечная конфигурация оказывалась более удачной, чем стройная пешечная цепь у противника, а легкая фигура приобретала неожиданно больший атакующий потенциал, чем ладья... Но все это лишь подтверждение общеизвестной истины: исключение из правила — подтверждение самого правила. К сожалению, самобытный и уникальный талант Чигорина не подкреплялся, выражаясь современным языком, спортивной устойчивостью — Чигорин пренебрегал режимом, не выдерживал длительных нервных нагрузок. Вероятно, по этой причине при счете: $+9$, -8 , $=5$ в пользу Стейница Чигорин, добившись превосходного положения в 23-й партии матча, стал нервничать и самым примитивным образом «зевнул» мат в два хода, потерпев поражение в матче, который игрался до десяти побед. По окончании матча с Чигориним

Стейниц заявил, что это его последний матч. Чемпиона мира можно было понять: после матча ему исполнилось 56 лет — возраст, явно не способствующий успехам в длинных и изнурительных матчах.

И все же бескорыстная преданность первого чемпиона мира шахматному искусству оказалась выше престижных соображений. В 1893 г. на предложение Гаванского шахматного клуба о проведении еще одного матча на звание чемпиона мира, на этот раз с молодым Эмануилом Ласкером, Стейниц ответил согласием. Видя, что Ласкер не может собрать 5000 долларов — сумму призового фонда, установленную чемпионом мира, Стейниц согласился на 3000 долларов. Уступил Стейниц Ласкеру и в выборе места матча.

О том, как проходил матч между Стейнцем и Ласкером, рассказано в следующей очерке, о втором чемпионе мира. 58-летний Стейниц сдал свои «королевские полномочия» достойному, но полномочий шахматного борца он не сдал почти до конца жизни...

Спустя несколько месяцев после утраты титула чемпиона мира Стейниц побеждает на турнире в Нью-Йорке с результатом 8,5 очка из 10 возможных. Кроме Стейница в этом турнире участвовали известный венгерский маэстро С. Альбин и девять американских мастеров, одному из которых — Гарри Нельсону Пильсбери (1872—1906) — суждено было стать несбывшейся надеждой Америки на мировой шахматный трон: тяжелая болезнь очень рано прервала удивительно яркую шахматную карьеру этого талантливейшего гроссмейстера.

Еще два великих турнира подарил будущему XIX век: турнир в Гастингсе (1895 г.) и матч-турнир в Петербурге (1895/96 г.). Гастингский турнир завершился победой Пильсбери и Чигорина. Американец занял первое место, набрав 16,5 очка из 21, русский чемпион был вторым — 16 очков. Лишь третьим пришел к финишу чемпион мира Ласкер, а четвертый приз достался выдающемуся немецкому гроссмейстеру Таррашу.

Стейниц с 13 очками занял пятое место. Для шахма-

тиста, только что потерявшего шахматную корону, это была неудача. Для человека, перешагнувшего 59-летний рубеж, — выдающийся результат. Стейниц, конечно же, был недоволен. Он еще льстил себя надеждой вернуть титул чемпиона мира в предстоящем матч-реванше с Ласкером.

Три первых призера Гастингса и Стейниц сыграли в шесть кругов матч-турнир в Петербурге. Почетное второе место Стейница в этом соревновании, с одной стороны, как бы подтверждало справедливость его притязаний на матч-реванш с Ласкером, а с другой, наводило на мысль об их тщетности, ибо первое место в Петербурге легко и уверенно занял сам Ласкер.

Вряд ли стоило Стейницу играть матч-реванш с Ласкером. Это понимали все, кроме самого Стейница. Он же это понял только во время матч-реванша, начавшегося в Москве в ноябре 1896 г. Как благородная исповедь и как прощание с большими шахматами звучит корреспонденция Стейница, опубликованная в те дни в нью-йоркской газете «Сан»: «Почему я проигрываю

с таким треском? Потому что Ласкер — величайший игрок, с которым я когда-либо встречался, и, вероятно, лучший из когда-либо существовавших. Я хотел бы сказать это более определенно, но тогда может показаться, что я пытаюсь таким путем объяснить мой проигрыш и принизить других соперников в такое время, когда я сам уже не в состоянии состязаться с первыми игроками. Шахматный мастер имеет не больше права быть больным, чем генерал на поле битвы, — писал я и теперь готов это подтвердить». Из-за плохого состояния здоровья Стейница матч затянулся более чем на два месяца и закончился его поражением: $+2, -10, =5$.

В дальнейшем, несмотря на часто повторяющиеся приступы болезни, Стейниц стремился доказать шахматному миру, что из элиты сильнейших его исключать еще рано. И действительно, два сравнительно удачных выступления

на очень представительных международных турнирах летом 1898 г. в Вене (4-е место при 19 участниках) и в Кельне (5-е место при 16 участниках) несколько подняли совсем было упавший престиж экс-чемпиона, но следующий турнир летом 1899 г. в Лондоне поставил точку на все надежды. Он завершился блестящей победой Ласкера, опередившего на 4,5 очка занявших 2—4-е места Пильсбери, Мароци и Яновского. Стейниц же разделил 10—11-е места (при 15 участниках). В последнем туре этого турнира 10 июля 1899 г. первый чемпион мира по шахматам сыграл последнюю в своей жизни турнирную партию — он выиграл у одного из победителей турнира гроссмейстера Давида Яновского.

12 августа 1900 г. на острове Уорд неподалеку от Нью-Йорка в приюте для душевнобольных Стейниц скончался от сердечного приступа.

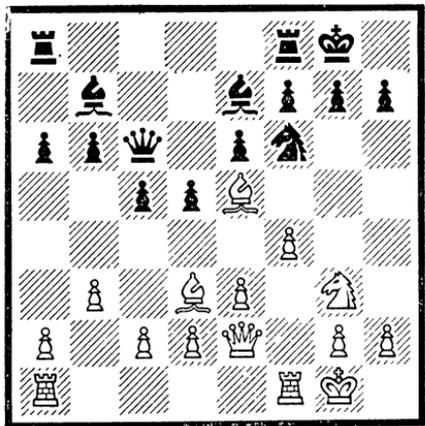
ЛАСКЕР

Как и Стейниц, свой первый турнир Эмануил Ласкер сыграл в кафе. В берлинском кафе «Кайзергоф» в целях рекламы был организован турнир с заманчивыми призами. Первое место, занятое 20-летним Ласкером в этом турнире любителей, не было случайностью. Просто первые уроки старшего брата Бертольда, данные еще 12-летнему Эмануилу, подаренный братом популярный шахмат-

ный учебник и шахматное общение с преподавателем математики в школе профессором Кевицем оказались весьма эффективными.

Импульсом для последующей удивительной шахматной карьеры Ласкера стал турнир в Бреславле летом 1889 г. Кто знает, как сложилась бы дальнейшая судьба Ласкера, если бы лидер турнира Файерфейл не восстановил по памяти свою отложенную позицию с Липке, забыв поставить на поле $h2$ свою пешку! Благодаря забывчивости лидера, Липке, на 121-м ходу одержал победу, которая позволила Ласкеру набрать равное количество очков с Файерфейлом. Так как только первое место давало право на звание маэстро, была проведена дополнительная партия между победителями. Ласкер выиграл и как победитель бреславльского турнира был приглашен на международный турнир в Амстердам. Второе место в этом турнире с результатом 6 очков из 8 возможных — совсем неплохо для начала. Имя другого участника амстердамского турнира — австрийца Бауэра — вписано почти во все шахматные учебники, и

«повинен» в этом Ласкер... Посмотрите, какую комбинацию провел в этой партии игравший белыми Ласкер:

14. Kh5! K:h5 (последующие анализы показали, что и другие продолжения не спасали черных) 15. С:h7+!! Kр:h7 16. Ф:h5+ Kpg8 17. С:g7!! (жертва второго слона, окончательно раскрывающая позицию черного короля) 17... Kр:g7 18. Фg4+ Kрh7 19. Лf3 e5 20. Лh3+ Фh6 21. Л:h6+ Kр:h6 22. Фd7! Комбинация закончена: черные должны распрощаться с одним из слонов. Бауэр сделал еще одиннадцать ходов, которые, разумеется, для

шахматной истории уже не имели значения... Интересно, что патент Ласкера (жертва двух слонов с последующей атакой позиции раскрытого короля тяжелыми фигурами) был полностью использован в партиях Нимцович—Тарраш (Петербург, 1914 г.), Алехин—Дрюитт (Портсмут, 1923 г.) и во многих других менее известных партиях.

В конце 1889 г. и в начале 1890 г. Ласкер сыграл серию матчей. В Германии он победил известных мастеров Барделебена (+2, —1, =1) и Мизеса (+5, —0, =3), в Англии его «жертвами» оказались Берд (+7, —2, =3), Миниати (+4, —1, =0) и Энглиш (+2, —0, =3).

Неожиданную лепту в шахматное становление Ласкера внесли в 1891 г. немецкие промышленники. Их предложение — выехать в Лондон на открывающуюся всемирную выставку и играть в шахматы с каждым желающим посетителем было с удовольствием принято Ласкером, тем более, что на оплату этого мероприятия промышленники не поспешили. 23-летнему маэстро настолько приглянулся шахматный Лондон, что он

решил перебраться туда на постоянное жительство.

Столица «туманного Альбиона» спустя тринадцать лет после приема Стейница приняла в ряды своих шахматных рыцарей и будущего второго чемпиона мира. Только один английский «рыцарь», неустаревающий и всегда готовый к бескомпромиссной борьбе Джозеф Генри Блекберн, не оказал Ласкеру должного гостеприимства: он демонстративно отказался участвовать в турнире Британского шахматного союза, на который, вопреки традициям, был приглашен только что поселившийся в Англии Ласкер. Ласкера такой жест ничуть не шокировал, и он, набрав 9 очков из 10 возможных, стал чемпионом Британского шахматного союза.

Сильнейших английских шахматистов Блекберна, Гунсберга, Мезона и Берда этот успех иностранца не очень устраивал, и они решили дать ему бой в специальном матч-турнире, в котором каждый с каждым играл по две партии. И здесь Ласкер оказался первым — 6,5 очков из 8 возможных. И опять гордый, но уже не «железный», как 25

лет тому назад, Блекберн, забыв урок, полученный в свое время у Стейница, предлагает Ласкеру матч из десяти партий. Что ж, Ласкер вызов принимает и побеждает Блекберна с таким же счетом, как и некогда Стейниц — 8 : 2. Разгром учинил Ласкер и Берду: +5, —0, =0. И если до того времени главными соперниками Стейница считались Тарраш и Чигорин, то после английского триумфа Ласкера стало ясно, что трио, составляющее шахматную элиту, превратилось в квартет. Приняв это, Ласкер посылает вызов на матч Таррашу.

Зигберт Тарраш (1862—1934) в 1883 г. одержал победу на побочном турнире конгресса Германского шахматного союза в Нюрнберге. В последующих турнирах он регулярно показывал неплохие результаты, демонстрируя острокомбинационную игру, но первых мест не брал. «Незрелая позиционная игра» — так отозвался Стейниц об игре Тарраша тех лет. Замечание шахматного короля оказалось колоссальным «допингом» для самолюбивого немецкого шахматиста, и он, базируясь на учении Стейница, вплотную за-

сел за исследование шахмат. Успехи не заставили себя ждать: последовали четыре рядовые победы в крупных международных турнирах (Бреславль, 1889 г.; Манчестер, 1890 г.; Дрезден, 1892 г. и Лейпциг, 1894 г.). Шахматный мир обрел нового мэтра — пропагандиста учения Стейница и в ряде вопросов значительно расширившего рамки законов, установленных Стейнцем.

Появление Ласкера «спутало все карты» Таррашу, ибо шансы победить стареющего Стейница были у него, безусловно, велики. Поэтому понятна нервная реакция Тарраша на вызов Ласкера: «Молодой человек должен сначала привести доказательства, что он имеет право играть с таким человеком, как я, посредством больших побед в интернациональных турнирах».

Так как отказ от матча никогда не был свидетельством силы, оптимистичный Ласкер, считая, что барьер по имени «Тарраш» остался позади, отправился в октябре 1892 г. завоевывать шахматную Америку.

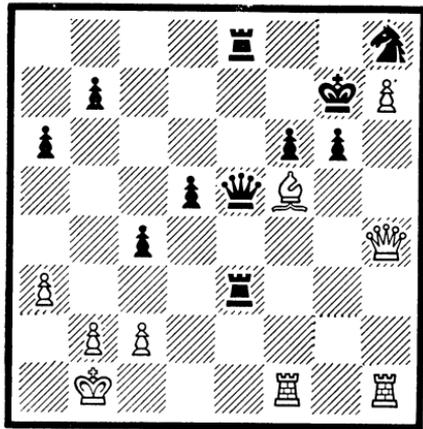
Для начала Ласкер «побил» в матче американского чем-

пиона Джексона Уипса Шовальтера со счетом +6, —2, =2, а затем учинил разгром «всей Америке» на турнире в Нью-Йорке, набрав 13 очков из 13 возможных, несмотря на то, что в числе участников соревнования были такие отличные мастера, как Альбин, Шовальтер и молодой Пильсбери.

Положение дел на шахматном Олимпе было довольно странным. Сыграв второй матч с Чигориным, Стейниц заявил, что это его последний матч. Когда Тарраш и Чигорин уверились в том, что Стейниц не намерен больше играть матчей, они решили сыграть матч друг с другом, который и состоялся осенью 1893 г. в Петербурге. Ни Чигорину, ни Таррашу не могло прийти в голову, что 57-летний чемпион мира может изменить свое решение. И тем не менее это произошло: осенью 1893 г. Стейниц, получив вызов на матч от Ласкера и предложение об организации этого матча от Гаванского шахматного клуба, неожиданно дал положительный ответ. Впоследствии Гавана была заменена Нью-Йорком, Филадельфией и Монреалем.

15 марта 1894 г. матч Стейниц — Ласкер начался. Шесть первых партий матча из восьми, сыгранных в Нью-Йорке, предвещали напряженнейшую борьбу. Молодой претендент победил в 1-й партии, 2-ю партию в отличном стиле выиграл Стейниц, Ласкер взял верх в 3-й партии, в 4-й успех вновь был на стороне 58-летнего чемпиона мира. В 5-й и 6-й партиях бескомпромиссные бойцы разошлись мирно. Переломной в матче стала 7-я партия, в которой Ласкер белыми беспечно разыграл дебют и позволил Стейницу не очень сложной, но изящной комбинацией выиграть две пешки.

Изобретательность, с которой Ласкер провел оставшуюся часть партии, можно назвать классической. После 33-го хода белых эта злополучная для Стейница партия пришла к довольно сложной позиции, в которой Стейницу для достижения победы предстояло сделать несколько хороших защитительных ходов — с этой задачей он, утомленный предыдущим головоломным ходом борьбы, не справился:

33... Kpf7 (неточность, после правильного 33... Лg3! дела Ласкера были бы совсем плохи) 34. Лhg1 gf? (а это уже решающая ошибка; правильными и примерно равнозначными продолжениями были ходы: 34... b5 и 34... c3) 35. Фh5+ Kpe7 36. Лg8 Kpd6 37. Л:f5 Фе6 38. Л:e8 Ф:e8 39. Л:f6+ Kpc5 40. Фh6 Ле7 41. Фh2! Фd7 (не спасал партию и ход 41... Фd8 из-за 42. Фf2+ и 43. Лf8) 42. Фg1+ d4 43. Фg5+ Фd5 44. Лf5 Ф:f5 45. Ф:f5+ Kpd6 46. Фf6+ Черные сдались.

Потерпев столь сокрушительное фиаско в выигранной позиции, Стейниц совершенно деморализовался и проиграл

8-ю — последнюю партию Нью-Йоркского цикла матча, а затем три партии подряд в Филадельфии. Счет матча стал +7, —2, =2 в пользу Ласкера. Для достижения цели ему оставалось выиграть еще три партии (матч игрался до десяти побед одного из противников).

Самым упорным оказался Монреальский цикл. После спокойной ничьей в 12-й партии Стейниц вдруг заиграл так, как будто ничего не произошло — его победы в 13 и 14-й партиях были превосходны. Перед Ласкером встала задача показать шахматному миру, что он может побеждать не только деморализованного «шахматного короля», но и вдохновенного. В 15-й и 16-й партиях Ласкер убедительно продемонстрировал решение этой задачи, и счет результативных партий стал 9:4. Но и на этот раз Стейниц не деморализовался — 17-ю партию можно назвать лучшей его партией в матче: победа была одержана черными (Стейницем) в полном соответствии с учением Стейница.

Маленькая передышка в 18-й партии — ничья, а 19-й

партией матч Стейниц — Ласкер завершился: Ласкер проиграл этот поединок в стиле лучших партий своего предшественника на шахматном троне. Сдав партию, Стейниц торжественно встал со своего кресла и провозгласил троекратно «ура» в честь нового чемпиона мира. Первый чемпион мира мужественно и красиво сдал свои полномочия второму.

Дистанция между дебютом Ласкера в международных турнирах и завоеванием мировой короны оказалась равной всего пяти годам.

Разве мог честолюбивый Тарраш, которому казалось, что звание чемпиона мира у него вырвали из рук, признать справедливость перемен на шахматном троне? Полностью признать Ласкера не мог, конечно, и Чигорин, который на равных провел свой второй матч со Стейницем в ту пору, когда, по мнению большинства специалистов, Стейниц был явно сильнее, чем в период матча с Ласкером.

5 августа 1895 г. в английском городе Гастингсе стартовал международный турнир всех шахматных звезд конца

XIX в. Здесь были и Тарраш, и Чигорин, и мечтающий о возвращении короны Стейниц. Были среди участников «исторического Гастингса» и прекрасный российский маэстро Шифферс, и опытни- шие шахматные бойцы Блекберн, Тейхман, Гунсберг... В таком турнире с удовольствием принял участие и чемпион мира.

После 18-го тура казалось, что «табель о рангах» будет почти соблюдена. «Почти» — ибо третьим шел малоизвестный американский маэстро Пильсбери с 13 очками, но впереди были Ласкер — 14,5 очка и Чигорин — 14. В 19-м туре впервые встретились за шахматной доской Тарраш и Ласкер. Поединок двух шахматных антиподов прошел в нервной и небезошибочной борьбе, в результате которой возник благоприятный для Ласкера эндшпиль. Удивительно, что ни Ласкер, ни Тарраш во время партии этого не поняли, и Тарраш вместо того чтобы бороться за ничью сделал «активный» ход королем, который должен был привести его к немедленному поражению. Ложный оптимизм противника Ласкер при-

нял за реальность, сыграл прямолинейно и проиграл. Поражение, да еще такое досадное, настолько деморализовало чемпиона мира, что на следующий день он был разгромлен Блекберном. В результате победителем Гастингского турнира стал Г. Пильсбери, вторым призером, отстав лишь на пол-очка от победителя и выиграв у него и у Ласкера личные встречи, был М. Чигорин, и лишь третье место досталось Ласкеру...

А затем был Петербург — знаменитый петербургский матч-турнир четырех (Ласкер, Стейниц, Чигорин и Пильсбери), в котором должен был играть весь великий «квинтет», но Тарраш, сославшись на невозможность оставить врачебную практику, в последний момент отказался. Участники матч-турнира играли друг с другом по шесть партий. Результат Ласкера был превосходителен — 11,5 из 18 возможных (он выиграл все матчи), вторым был Стейниц, отставший от Ласкера на два очка, третье место досталось Пильсбери — 8 очков, и лишь четвертое место с 7 очками занял Чигорин.

Летом 1896 г. на турнире в Нюрнберге собрался уже весь «квнтет». И вновь первым стал Ласкер, а вот вторым совершенно неожиданно финишировал талантливый 26-летний венгр Геза Мароци. Третье — четвертое места разделили Пильсбери и Тарраш, шестым стал Стейниц, девятым — Чигорин. И, наконец, когда в январе 1897 г. Ласкер легко выиграл матч-реванш у Стейница (+10, —2, =5), всем, и даже неисправимым скептикам, стало ясно, что сильнее Ласкера шахматиста нет.

Удивительно, но почти всю свою жизнь Ласкер утверждал, что прежде всего он — математик и философ, а шахматы для него — лишь способ получения материальной независимости, необходимой для занятий математикой и философией по своему усмотрению. Насколько это было искренне, судить трудно, но, утвердившись на вершине шахматного Олимпа, в 1897 г. он на целых два с половиной года оставил шахматы ради занятий математикой и философией в Гейдельбергском университете.

Квалифицированные шах-

матисты хорошо понимают, что значит в практических выступлениях перерыв длиной в два с половиной года. Однако для Ласкера это, казалось, не имело значения. В середине 1899 г. он — в Лондоне, где проводился весьма сильный по составу международный турнир. 15 участников его играли друг с другом по две партии.

«Там был Ласкер, Ласкер первый, Ласкер единственный» — эти красивые и лаконичные слова написал по окончании Лондонского турнира известный шахматный мастер Г. Марко. И было чему восторгаться — за четыре тура до конца турнира Ласкер обеспечил себе первое место. Результат чемпиона — 22,5 очка, т. е. 80% возможных очков против шахматной элиты! На 4,5 очка от Ласкера отстали Мароци, Пильсбери и Яновский.

Спустя год Ласкер вновь первый, с великолепным результатом: 14,5 из 16 возможных. Это был Парижский международный турнир. На два очка отстал Пильсбери. Третье — четвертое места достались новой американской звезде — Фрэнку Маршаллу и

прогрессирующему от турнира к турниру Гезе Мароци.

Показав полное превосходство над всеми конкурентами на шахматной доске, Ласкер вновь окунается в мир математических формул и философских мыслей. В 1902 г. в Эрлангенском университете он с блеском защищает диссертацию на звание доктора философии и математики.

А между тем в шахматном мире идет существенная переоценка ценностей. В 1900 г. умер Стейниц, значительно утратили свой боевой потенциал стареющие Чигорин, Блекберн и Гунсберг. На смену уходящему поколению приходят подающие большие надежды представители молодежи: американцы Пильсбери и Маршалл, венгр Мароци, французский шахматист русского происхождения Яновский, австриец Шлехтер и представитель России Рубинштейн. По-прежнему остается в шахматной элите и академичный, но приближающийся к критическому возрасту Тарраш.

Весной 1904 г. американский курорт Кембридж-Спрингс принимал участников

международного турнира, среди которых был и чемпион мира. На этот раз четырехлетний тайм-аут, взятый Ласкером, безусловно повлиял на его результат. Победителем турнира к огромной радости американских шахматных болельщиков стал их 27-летний соотечественник Фрэнк Маршалл, набравший 13 очков из 15 возможных. Ласкеру с огромным трудом удалось разделить 2—3 места с Яновским (оба они набрали по 11 очков).

Ценители шахмат мечтали увидеть матчи чемпиона мира с наиболее яркими представителями новой школы и, конечно, матч с апологетом новой школы Зигбертом Таррашем. И тут жаждающих зрелищ ждал сюрприз. Ласкер, тот самый Ласкер, который еще десять лет назад испытывал на себе трудности финансирования матча со Стейнцем и сыгравший этот матч благодаря доброте и уступчивости шахматного рыцаря Стейница, вдруг сам стал предъявлять фантастические по тем временам финансовые требования к желающим оспаривать у него мировую корону.

В 1904 и 1905 гг. финансо-

вый барьер, воздвигнутый Ласкером, помешал сыграть с ним матчи Таррашу, Мароци и Маршаллу. Естественно, шахматный мир протестовал. В прессе появилась серия статей, категорически осуждавших поведение чемпиона мира. Отмалчиваться Ласкер не собирался, и весной 1904 г. один из популярных американских журналов «Checkmate» в ответ на очередную статью, критикующую меркантильные методы чемпиона мира, получил письмо Ласкера, в котором тот подробно разъяснив свою позицию в этом вопросе, в частности, написал: «...Вы упускаете из виду одно очень важное обстоятельство. Если шахматный мир хочет получить от подобного матча все то удовольствие, то возбуждение и извлечь все поучительное, которое такой матч влечет за собой и которое становится достоянием сотен тысяч шахматистов, влияя даже в некоторой степени на последующие поколения, — не должен ли он платить за это? Почему же шахматный мир ждет, чтобы маэстро несли все жертвы, почему он не организует что-нибудь, раз все дело вертится в конце концов

вокруг какой-то несчастной суммы денег?»

Прав или не прав был Ласкер?

Сомневающимся в его правоте, возможно, убедит другое, значительно более позднее объяснение Ласкера: «Я был готов играть матч с любым претендентом, лишь бы только шахматный мир пожелал видеть этот матч, и готов был подтвердить это желание не только словами, но и жертвами со своей стороны. Я отнюдь, конечно, не желал быть объектом эксплуатации. Мне угрожала участь шахматистов, которые либо умирали с голоду, как Кизерицкий, Цукерторт, Мекензи, либо, подобно Пильсбери и Стейницу, попадали на общественное призрение и, опустившиеся, в душевном расстройстве, кончали свою жизнь в больнице. Я готов был отдать мое искусство и мысль шахматному миру и тем оживить его, содействуя развитию игры, но я требовал, чтобы он взял на себя ответственность за это и нес ее до конца».

В 1905 г. Пильсбери был уже тяжело болен, и место шахматной надежды Америки занял Маршалл. Его яркая по-

беда в Кембридже-Спрингсе подогрела страсти американских поклонников шахмат, которые жаждали увидеть матч своего кумира с Ласкером. Не сумев обеспечить финансовой стороны такого матча, Маршалл встретил своеобразную поддержку со стороны Тарраша, который изъявил желание скрестить шпаги с представителем Нового Света. Матч с Таррашем казался самоуверенному Маршаллу последней каплей, которая подточит финансовый барьер Ласкера, сделав его более сговорчивым. Но никак не ожидал Маршалл, что эта «капля» предназначена будет не для него, а для неувыдающего Тарраша. Тарраш разгромил американца с результатом $+8, -1, =8$.

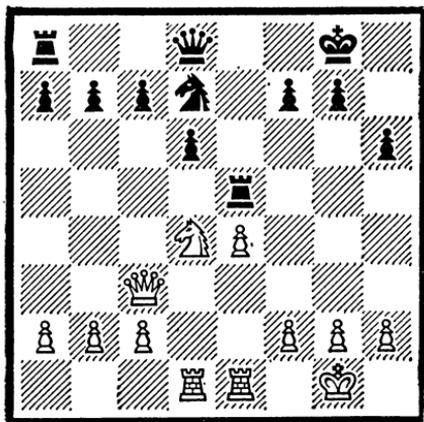
Тогда Маршалл пошел по другому пути: через несколько месяцев после окончания матча с Таррашем он с блеском выиграл международный турнир в Нюрнберге и сделал повторный вызов Ласкеру. Морального права отказать Маршаллу у Ласкера не было, и, несмотря на небольшой финансовый фонд, обеспеченный Маршаллом, матч состоялся.

Ласкер победил, одержав восемь безответных побед

(матч игрался до восьми побед одного из соперников) и сделал семь ничьих. «Недостаточная репутация» Ласкера (определение Тарраша) была снята с повестки дня.

Чья же репутация выше? 17 августа 1908 г. в Дюссельдорфе начался матч Ласкер—Тарраш. Почти во всех партиях, где Ласкеру принадлежал черный цвет, он получал весьма сомнительные позиции. Как оказалось, именно эта «сомнительность» была самым верным оружием против догматичного Тарраша.

Нетрудно представить, как был доволен Тарраш, получив после своего 16-го хода в 4-й партии матча следующую позицию:

Белые (Тарраш) расположены идеально: пешечная структура не имеет слабостей, обе ладьи заняли самые нужные вертикали, конь доминирует в центре... Что же делает Ласкер? На редкость «некрасивый», а значит (по Таррашу) слабый ход: 16... Лс5!? Ладья впереди всех своих фигур! «Какое пренебрежение к элементарным принципам игры!» — подумал, вероятно, Тарраш и начал строить «козни» против «зарвавшейся» черной ладьи: 17. Фb3 Kb6 18. f4 Фf6 19. Фf3 Ле8 20. с3 а5 21. b3 а4 22. b4 Лс4 23. g3 Лd8 24. Ле3 с5 25. Kb5. Материальное соотношение на доске то же, что и было девять ходов назад, но что произошло со стройной пешечной структурой белых!? И все это «сотворил» академичный Тарраш в погоне за дерзкой черной ладьей! Возмездие было достойно чемпиона мира: 25... сb 26. Л: d6 (начало неверной комбинации, но дела белых все равно плохи) 26... Л: d6 27. е5 Л: f4!! (а вот и контркомбинация — «зарвавшаяся» ладья наносит решающий удар) 28. gf Фg6+ 29. Kph1 Фb1+ 30. Kpg2 Лd2+ 31. Ле2 Ф: а2 32. Л: d2 Ф: d2+

33. Kpg3 а3 34. е6 (жест отчаяния) Фе1+ 35. Kpg4 Ф: е6+ 36. f5 Фс4+ 37. Kd4 а2 38. Фd1 Kd5 39. Фа4 Кс3 40. Фе8+ Kph7 41. Kph5 а1Ф — и Тарраш сдался. Восемь побед при трех поражениях и пяти ничьих — более убедительного триумфа чемпиона мира шахматный мир и не ожидал.

Конечно, главной причиной поражения Тарраша был не столько присущий ему догматизм, сколько чисто шахматное превосходство чемпиона мира. В чем же оно заключалось? «Он не имел «вкуса», не имел «стиля», он все делал одинаково сильно, одинаково хорошо — в защите и атаке, в спокойных позициях и бурных осложнениях, в миттельшпиле и эндшпиле» — краткая и в то же время удивительно емкая шахматная характеристика Ласкера. Автор ее — шестой (в хронологическом порядке) чемпион мира по шахматам Михаил Ботвинник. Комментарии, как говорится в таких случаях, излишни...

Сорок один год — возраст отнюдь не шахматного заката, если вспомнить, что Стейниц стал чемпионом мира в

пятьдесят. Но нельзя не учесть и того, что шахматы при Стейнице не были столь динамичны и спортивны, как при Ласкере. Не было при Стейнице и такого своеобразного шахматного бума, в возникновении которого решающую роль сыграла, конечно, яркая и самобытная фигура Ласкера. А раз был бум, значит все время появлялись и новые яркие имена. Об одном из таких имен заговорил шахматный мир по окончании международного шахматного турнира памяти М. И. Чигорина в Петербурге в 1909 г. Ласкер стал победителем этого турнира, но не единственным. Равное с ним количество очков набрал представитель России Акиба Рубинштейн, выиграв у чемпиона мира личную встречу. Забегая вперед, можно назвать Рубинштейна одной из трагических фигур в шахматной истории: болезнь подкралась к нему в расцвете его шахматного гения; кроме того, в человеческом плане он был начисто лишен честолюбия и энергии — именно поэтому так и не состоялся ожидаемый всем миром его матч с Ласкером, а позднее и с Капабланкой.

Высочайший шахматный класс стал показывать почти во всех турнирах, начиная с 1900 г., чемпион Австрии Карл Шлехтер. Стиль его был универсален: он прекрасно играл дебют, изобретательно и последовательно — миттельшпиль и на редкость технично эндшпиль. В 1906 г. Ласкер писал: «Шлехтер обладает, быть может, достаточным для борьбы за мировое первенство дарованием, но слишком ценит спокойную жизнь, не наделен достаточным темпераментом и, по-видимому, не способен на решительное усилие воли, чтобы вырвать из рук другого мировое первенство».

В 1910 г. Ласкеру предоставилась возможность доказать правоту своего высказывания. Матч Ласкер — Шлехтер игрался в Вене и Берлине на «кабальных условиях» для претендента: из-за недостатка средств вместо тридцати было решено играть лишь десять партий, и, чтобы стать чемпионом мира, Шлехтеру надо было выиграть матч с перевесом не менее чем в 2 очка.

Кто бы мог подумать, что со своей задачей Шлехтер почти справится! После девяти

ти партий счет был 5:4 в пользу Шлехтера, а в 10-й, последней, партии матча после 35-го хода позиция Шлехтера, игравшего черными, была подавляющей... Но Ласкер и в такой ситуации оказался на высоте: стремящийся к победе Шлехтер соблазнился заманчивой жертвой качества, которая оказалась ошибочной. Реализация же материального преимущества была проведена чемпионом мира виртуозно.

В 1910 г. до шахматной Европы стали доноситься вести из-за океана о появлении новой «звезды». Имя ее было Хосе Рауль Капабланка, а представлял он маленькую экзотическую Кубу. Разгромив в матче Маршалла (+8, —1, =14) и выиграв в 1911 г. гроссмейстерский турнир в Сан-Себастьяне (вторым был Рубинштейн), молодой кубинец послал официальный вызов на матч Ласкеру. Нет, дерзостью это не было. В шахматной истории уже был прецедент, когда только начинающий карьеру шахматист бросил вызов чемпиону мира. Автором того прецедента был сам Ласкер... Вероятно поэтому принципиальное со-

гласие Капабланка получил, но при условии обеспечения материальной стороны матча и при включении в регламент пункта о том, что претендент становится чемпионом только в случае перевеса в два очка. Эти злополучные два очка показали Капабланке кощунством, и свое возмущение он выразил в личном письме Ласкеру. Тот принял это как оскорбление, и вопрос о матче «повис в воздухе».

В 1914 г. лучшие шахматисты мира собрались в Петербурге, где им предстояло выявить сильнейшего по весьма оригинальной системе: 11 участников должны были сыграть обычный турнир, 5 победителей которого образовывали финальный турнир, где игралось два круга. Очки, набранные в предварительном и финальном турнирах, суммировались. Регламентом, согласованным с Ласкером, было оговорено право победителя на матч с чемпионом мира на условиях, разработанных Германским шахматным союзом и Британской шахматной федерацией.

Доказательством незаурядной шахматной силы участников Петербургского турнира

является то обстоятельство, что предварительный турнир оказался непреодолимым барьером для таких асов, как Рубинштейн, Гунсберг и Яновский. В финал вышли: Капабланка, набравший 8 очков, Ласкер и Тарраш — по 6,5 очка, Алехин и Маршалл — по 6 очков.

Обращали на себя внимание исключительные легкость и простота, с которыми проводил свои партии Капабланка. Финальный матч-турнир начал, имея на 1,5 очка больше, чем Ласкер и Тарраш, и казалось, что предстоящие восемь партий финального турнира ничего изменить не могут. Так казалось почти всем, но не Ласкеру. Сыграв с Капабланкой во 2-м туре финала вничью, Ласкер «перехитрил» молодого кубинца в 7-м туре. Применяв в этой партии вариант Испанской партии, имеющий репутацию ничейного, Ласкер как-то незаметно переиграл беспечного Капабланку и одержал важнейшую победу, ценность которой еще больше увеличилась в следующем, 8-м, туре, когда деморализованный Капабланка проиграл еще и Таррашу. В результате Ласкер

закончил турнир первым — 13,5 очка, Капабланка вторым — 13 очков, третьим был Александр Алехин — 10 очков.

Первая мировая война, начавшаяся почти одновременно с окончанием Петербургского турнира, без малого на пять с половиной лет прервала активную шахматную жизнь Европы, если не считать матча Ласкера с Таррашем, сыгранного в ноябре 1916 г. и закончившегося легкой победой чемпиона мира: $+5$, -0 , $=1$, и небольшого четвертого матч-турнира 1918 г., в котором также победил Ласкер, опередивший Рубинштейна, Шлехтера и Тарраша.

В 1920 г. возобновились переговоры о матче между Капабланкой и Ласкером. Когда Гаванский шахматный клуб обеспечил финансирование матча неслыханной по тем временам суммой — 20 000 долларов, из которых 11 000 предназначались Ласкеру, договор о матче был подписан.

15 марта 1921 г. в Гаване матч Ласкер — Капабланка начался. Ласкер отлично понимал, что его 53 года, физический тонус, подорванный военным временем, и некото-

рая растренированность делают его шансы в предстоящем матче низкими. Но понимал Ласкер и то, что более достойного преемника, нежели Капабланка, у него нет и что отсрочка матча тоже была бы благоприятна для молодого, полного сил соперника. Значительно повышал шансы Капабланки и климат Газаны, который был для него столь же привычным, сколь непривычным для пожилого противника.

Матч Ласкер — Капабланка продолжался 14 партий, десять из которых закончились вничью, а в четырех победил Капабланка. Ласкер признал поражение в матче, не дожидаясь, когда противник наберет еще 3,5 очка (матч игрался на большинство из 24 партий). Шахматный мир обрел нового чемпиона — им стал Хосе Рауль Капабланка. Царствование Ласкера в шахматах, длившееся 27 лет, закончилось...

Спустя два года после матча с Капабланкой, на международном турнире в чешском городе Остраве Моравской, Ласкер доказал, что в Европе равных ему по-прежнему нет: экс-чемпион мира

пришел к финишу первым с превосходным результатом: 10,5 очка из 13 возможных; позади остались и классики — Тарраш и Рубинштейн, и так называемые гипермодернисты — гроссмейстеры Рети и Тартаковер, и неоромантик Боголюбов, и ряд других известных шахматистов. А весной 1924 года Ласкер убедительно показал всему миру, что на Капабланке «свет клином не сошелся». Это был турнир турниров. Помимо Ласкера и Капабланки, здесь были выдающийся стратег Р. Рети, один из наиболее вероятных претендентов на мировую корону А. Алехин, разносторонний шахматный боец Г. Мароци, неунывающий Ф. Маршалл и другие испытанные шахматные бойцы. Два круга сыграли 11 участников Нью-Йоркского турнира. 16 очков из 20 возможных набрал Ласкер, опередив занявшего второе место Капабланку на 1,5 очка и занявшего третье место Алехина на целых 4 (!) очка.

В феврале 1925 г. состоялся I Московский международный турнир. И вновь Ласкер опережает Капабланку. Первым был Е. Боголюбов, на-

бравший 15,5 очка из 20, вторым с 14 очками — Ласкер и третьим Капабланка — 13,5 очка.

Итак, в течение четырех лет после матча экс-чемпион мира был, безусловно, удачливее чемпиона, несмотря на большую разницу между ними в возрасте. Но когда раздался голоса шахматной общестственности с требованием проведения матч-реванша между Ласкером и Капабланкой, Ласкер неожиданно отошел от шахмат...

Отход Ласкера от шахмат продолжался девять лет. Конечно, это было не праздное времяпрепровождение. Мастерство Ласкера-литератора общеизвестно: еще в 1897 г. он издал свою первую книгу «Здравый смысл в шахматах»; в 1907 г. была опубликована его первая философская работа «Борьба», содержащая очень интересные и оригинальные мысли о философских аспектах шахмат; в 1912 г. увидела свет новая работа Ласкера — «Понимание мира», в которой затрагивались исторические корни возникновения шахмат, высказывались любопытные гипотезы. 1925 г. был годом изда-

ния двух интереснейших шахматных трудов Ласкера, первый из которых назывался «Мой матч с Капабланкой», а второй — «Учебник шахматной игры».

«Учебник шахматной игры» Ласкера — книга выдающаяся. Она не похожа ни на один из учебников, вышедших до и после нее. Это в основе своей трактовка Ласкером учения Стейница. И тот, кто внимательно познакомится с этой книгой, не может не понять, насколько был велик Стейниц, создавший фундаментальное учение, лежащее в основе современных шахмат, и насколько гениален Ласкер, развивший это учение, внесший в него поистине гигантский вклад.

Возвращение Ласкера в шахматы для того, чтобы больше никогда с ними не расставаться, состоялось в 1934 г. К тому времени шахматный трон уже занял Алехин, и тем больший интерес представлял турнир в швейцарском городе Цюрихе, где, помимо Алехина, участвовали перспективный голландский гроссмейстер Макс Эйве, один из претендентов на звание чемпиона мира — чешский гроссмейстер Сало Флор, талантливый швед-

ский маэстро Геден Штальберг, опытные гроссмейстеры Арон Нимцович и Осип Бернштейн и несколько швейцарских мастеров.

Всю первую половину турнира 65-летний экс-чемпион мира был в лидирующей группе, но в конце концов сказался жесточайший регламент (восьмичасовая игра каждый день без доигрывания и выходов) — и Ласкер занял лишь пятое место, опередив, правда, Нимцовича, Бернштейна, Штальберга и всех швейцарских мастеров. Но шахматному миру предстояло быть свидетелем еще одного шахматного подвига почти 70-летнего Ласкера.

Капабланка, Ботвинник, Флор, Шпильман, Лилиенталь, Штальберг, Пирц — такое «созвездие» отлично зарекомендовавших себя гроссмейстеров собрал в 1935 г. II Московский международный турнир. Среди участников были прекрасные советские молодые мастера: Рагозин, Рюмин, Алаторцев, Кан, Лисицын и представители старшего поколения советских шахматистов: Левенфиш, Романовский и Рабинович. Первое — второе места в этом турнире разделили Бот-

винник и Флор, набравшие по 13 очков из 19 возможных. Но настоящим героем турнира был 67-летний Ласкер: он занял третье место, отстав от победителей всего на пол-очка. Только ему и Флору удалось пройти всю длинную дистанцию турнира без поражений. На пол-очка отстал от Ласкера (в который раз!) Капабланка, который хотя и утратил уже титул чемпиона мира, но котировался на одном уровне с основными претендентами на это звание.

В 1934 г. Ласкер с женой эмигрировали из фашистской Германии, а в 1936 г. их приютом стала Москва. В Москве Ласкер занимался математикой, являясь сотрудником Института математики Академии наук СССР, и одновременно был тренером нашей сборной шахматной команды. Два международных турнира — в Москве (6-е место) и Ноттингеме (7—8-е места) сыграл Ласкер, представляя СССР. Осенью 1937 г. супруги Ласкер выехали в США, планируя через несколько месяцев вернуться в свой московский дом, но ухудшившееся состояние их здоровья нарушило эти планы.

Последние четыре года своей жизни Ласкер провел в Нью-Йорке. Там же, в Нью-Йорке, в начале 1940 г. он сыграл свой последний турнир, итог которого был совсем неплох для 72-летнего гроссмейстера — дележ 5—6-го мест при 17 участниках (первый приз взял Р. Файн).

Почти до последнего дня своей жизни Ласкер посещал шахматный клуб имени Маршалла, зарабатывая на жизнь сеансами одновременной игры. Работал над популярным учебником по математике, но к сожалению, успел написать лишь первую главу... Умер Ласкер 11 января 1941 г.

КАПАБЛАНКА

В далеком 1893 г. порог Гаванского шахматного клуба перешагнул маленький черноволосый мальчишка. Сопровождал его ликующий отец, который накануне с удивлением обнаружил, что его четырехлетний малыш неплохо играет в шахматы. Желающего проверить способности вундеркинда найти было не сложно. Завсегдатай клуба некто Иглесиас с улыбкой занял место за шахматным столиком,

взял себе белые фигуры, сняв при этом ферзя. Через несколько ходов он пожалел о предложенной форе, но было уже поздно. Продемонстрировав бесхитростную технику реализации материального преимущества, Хосе (так звали мальчика) одержал легкую победу. Вряд ли сконфуженный Иглесиас думал тогда, что стал свидетелем шахматного рождения чемпиона мира...

Итак, откуда он и кто он — этот третий в истории шахмат чемпион мира? Хосе Рауль Капабланка-и-Граупера родился в зажиточной креольской семье 19 ноября 1888 г. Когда человеку в жизни сопутствует удача, то говорят, что он «родился в рубашке». Если это так, то Капабланка родился в «шахматной рубашке», ибо место его рождения — столица Кубы Гавана славились на весь мир своим великоколепным и богатым шахматным клубом, в котором в годы младенчества Капабланки было сыграно два матча на звание чемпиона мира. В этом же клубе 13-летний Капабланка выиграл принципиальный матч у чемпиона Кубы Корцо...

Только Манхэттенский шахматный клуб Нью-Йорка мог соперничать с Гаванским клубом по популярности, и потому, вероятно, истории было угодно, чтобы вхождение Капабланки в большие шахматы произошло именно в этом клубе. В Нью-Йорк Капабланка приехал в возрасте 15 лет. Цель его была изучить английский и немецкий языки и подготовиться к поступлению в университет. Этой программ минимум, начертанной родителями для юного Хосе, суждено было осуществиться, и в 1906 г. он поступил в Колумбийский университет на химико-инженерный факультет, с блеском сдав приемные испытания.

За год до поступления в университет Капабланка зашел в Манхэттенский шахматный клуб, не подозревая, что этот шаг предопределит всю его дальнейшую судьбу... Правда, юный кубинец посещал клуб лишь по воскресеньям, но этого было достаточно, чтобы стать объектом пристального внимания его завсегдатаев. Яркий самобытный стиль, отличная техника ведения эндшпиля и невиданная быстрота мышления не

могли не вызывать восхищения. Не было Капабланке достойного противника в блиц-партиях. А когда он легко выиграл блиц-турнир, среди участников которого наряду с известными американскими мастерами был сам Эмануил Ласкер, то стал просто личностью легендарной.

«Большие шахматы и наука несовместимы» — к такому выводу, очевидно, пришел Капабланка, когда в 1908 г. оставил университет. Сколько прекрасного потеряло бы шахматное искусство, если бы Капабланка не принял столь ответственного решения!

Не получивший высшего образования Капабланка производил на своих современников впечатление на редкость интеллектуального человека. Его внешнее обаяние, безукоризненные светские манеры, остроумие, свободное владение несколькими языками очаровывали всех, кто с ним общался.

Зимой на стыке 1908 — 1909 гг. шахматная Америка познакомилась со своей 20-летней «надеждой» поближе. 130 показательных партий сыграл Капабланка с чемпиона-

ми разных городов и штатов. В 126 поединках он вышел победителем, два проиграл и два закончил вничью. В сеансах одновременной игры он сыграл в общей сложности 560 партий. Итог был великолепен: +530, —12, =18. Такого результата никто из известных шахматистов в Америке не показывал. Чемпионом США был в те годы Фрэнк Маршалл. Он имел в своем активе несколько первых мест в международных турнирах и, в частности, первое место на крупнейшем турнире в Кембридж-Спрингсе (1904 г.), впереди Ласкера, Яновского, Пильсбери, Шлехтера, Чигорина и др. Несмотря на сокрушительное поражение в матче с Ласкером (1907 г.), Маршалл все еще продолжал «приглядываться» к мировой короне.

Нетрудно представить, какой ажиотаж вызвало у американских любителей шахмат сообщение о предстоящем матче Маршалл — Капабланка. Матч стартовал 19 апреля 1909 г. и длился два месяца. 23 партии, сыгранные в различных городах США, принесли безоговорочный успех Капабланке: +8, —1, =14.

«Могу с уверенностью сказать, — писал впоследствии Капабланка, — что ни один игрок до сей поры не достигал такого успеха, принимая во внимание, что это была моя первая встреча с маэстро, притом такой силы, одним из первого десятка в целом мире».

В феврале 1909 г. Ласкер, находившийся на международном турнире в Петербурге, сказал своим поклонникам, что скоро ему придется, по-видимому, играть матч за мировое первенство с Капабланкой. Победив Маршалла, Капабланка словно подтвердил удивительную прозорливость Ласкера. Но для обоснования претензий на шахматный трон необходимо было показать превосходство над сильнейшими шахматистами Европы.

Шахматные меценаты испанского курорта Сан-Себастьян, сами того не подозревая, значительно сократили для Капабланки срок «покорения шахматной Европы». Их усилиями был создан турнир, совершенно выдающийся по составу: Берн (Англия), Бернштейн, Нимцович и Рубинштейн (Россия), Дурас, Мароци, Шлехтер и Шпильман

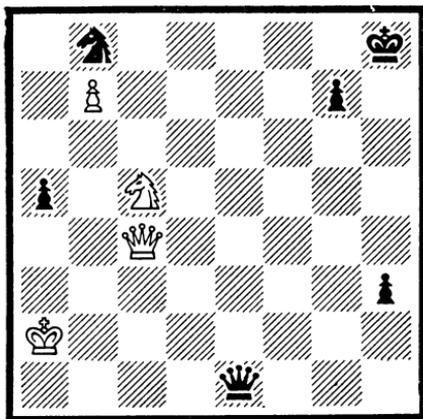
(Австро-Венгрия), Видмар (Сербия), Маршалл (США), Тарраш, Тейхман и Леонгардт (Германия), Яновский (Франция) и... Капабланка. 23-летний кубинец был в этом списке последним, как исключение (за победу в матче над Маршаллом). Доступ в турнир открывался лишь шахматистам, взявшим по меньшей мере дважды не ниже третьего места в ранее проводимых международных турнирах. Этому требованию, кроме Капабланки, соответствовали все участники Сан-Себастьянского турнира.

Когда в первом туре Капабланка в разгромном стиле победил гроссмейстера Бернштейна, участникам турнира стало ясно, что в Сан-Себастьяне запахло сенсацией. И сенсация состоялась: набрав 9,5 очка из 14 возможных, победителем стал Капабланка. Второе — третье места разделили фаворит турнира Рубинштейн и Видмар.

В конце 1911 г. чемпион мира Эмануил Ласкер получил официальный вызов на матч за первенство мира. Автором вызова был Капабланка. Кто тогда мог подумать, что этому великому матчу

предстоит состояться лишь через 10 лет? Что было причиной столь долгой отсрочки? Причина № 1 — Ласкер предложил молодому претенденту, мягко говоря, неравные условия (см. предыдущую главу). Причина № 2 (пожалуй, главная) — первая мировая война.

Техника Капабланки! Сегодня эти слова стали шахматным термином, а конкретнее — высшей похвалой для шахматиста любого ранга, сумевшего выиграть сложный эндшпиль не очевидным, а порой просто фантастическим образом. В Сан-Себастьяне «технику Капабланки» почувствовал на себе один из сильнейших гроссмейстеров того времени — Яновский.

В позиции на диаграмме материальный перевес у черных (Яновского), но шансы их на выигрыш сводятся на нет сильной проходной пешкой белых и необеспеченной позицией короля. Капабланка же доказывает, что шансов на ничью у черных нет тоже. «Должен заметить, что следующий конец, быть может, — самый тонкий из всех, когда-либо игранных, и что по непонятной причине он не был еще как следует оценен. Это — один из шедевров, которым я очень горжусь и который заслуживает внимательного изучения», — после этой своеобразной исповеди Капабланки остается только воочию убедиться в его неповторимой технике.

58. Ke4! (во-первых, конь занял естественную централизованную позицию, во-вторых, он защищает своего «монарха» от шахов, в-третьих, препятствует продвижению пешки черных h в ферзи; например: 58... h2 59. Фс8+ Kph7 60. Фh3+ Kpg8 61. Фе6+ Kph8 62. Фе8+ Kph7 63. Kg5+ и белые выигрывают) 58... Kph7 59. Фd3 g6 (проигрывало и 59... Фh4 из-за 60. Kg5+ Kph6 61. Kf7+ Kph5 62. Фf5+ g5

63. Ke5, а на 59... Kpg8 решало 60. Фd5+ Kpf8 61. Фf5+ Kpe7 62. Фе5+) 60. Ф:h3+ Kpg7 61. Фf3! — ход, подчеркивающий безвыходность позиции черных: их ферзь и конь играют роли статистов 61... Фс1 (легко убедиться, что не спасают и другие ходы) 62. Фf6+ Kph7 63. Фf7+ Kph6 64. Фf8+ Kph5 65. Фh8+ Kpg4 66. Фс8+. Яновский сдался.

В январе 1913 г. с фантастическим результатом — 13 очков из 13 — Капабланка выиграл турнир в Нью-Йорке. «Правда, — как признался он позднее, — за исключением Дураса я не встретил в этом турнире первоклассных противников, но все же там были сильные игроки, которых одолеть было не особенно легко».

«Баловень судьбы», «любимец богов» — такими и подобными эпитетами сопровождала пресса тех лет имя Капабланки. Может быть поэтому у следующих поколений сложилось впечатление о легкости, с которой Капабланка прошеествовал весь свой путь до завоевания звания чемпиона мира. Впечатление это ложное. Были у Капабланки и

трудности, и неудачи, и сомнения. Ни один из его биографов почему-то не обратил внимания на то, что такой важнейший компонент успеха, как здоровье, было у него далеко не в порядке. Известно, что в связи с неожиданно ухудшившимся состоянием здоровья Капабланка отказался от первого в жизни приглашения на международный турнир летом 1910 г.

«Я чувствовал себя плохо в течение второй половины турнира и потому по окончании его, съездив на два дня в Бильбао, затем отдыхал несколько дней, прежде чем предпринять короткую поездку по Германии», — в этом признании Капабланки речь идет о его самочувствии во время триумфального для него турнира в Сан-Себастьяне.

За несколько дней до начала Петербургского турнира 1914 г. на вопрос гроссмейстера Бернштейна о шансах Капабланки на первый приз кубинец ответил: «...я сейчас в очень плохой форме. Мое здоровье как раз теперь не совсем в порядке, и я буду доволен, если займу второе место». Можно привести еще не-

сколько примеров нездоровья Капабланки в самые критические моменты его шахматных выступлений. Какой же сильной надо было быть личностью, чтобы производить на окружающих впечатление пышущего здоровьем, беспечного человека! Этот артистизм Капабланки в сочетании с его титанической деятельностью, связанной с популяризацией шахмат (изнурительные многодневные туры по США, Европе и России с сеансами одновременной игры на большом количестве досок и бесчисленные показательные партии) делают его образ особенно притягательным. Капабланке, оказывается, совсем не чужда была и «работа на износ»...

Международный турнир в Петербурге 1914 г. многими шахматными историками рассматривается как относительная неудача Капабланки. Так ли это? Попробуем разобраться. Турнир этот, несомненно, — один из самых выдающихся турниров первой половины XX в. Россия на нем была представлена Алехиным, Рубинштейном, Нимцовичем и Бернштейном, Германия — Таррашем, США — Маршаллом,

Франция — Яновским, и хотя Англия прислала гроссмейстеров-ветеранов Блекберна и Гунсберга, значимость турнира поднимало на самую большую высоту участие в нем чемпиона мира Ласкера.

Нюансы борьбы на Петербургском турнире изложены в предыдущей главе. Напомним лишь, что второе место Капабланки, отставшего от Ласкера на пол-очка, было не столько следствием превосходства чемпиона мира, сколько результатом непростительной беспечности молодого кубинца. Известно, например, что в день, предшествующий решающей партии с Ласкером, Капабланка кутил со своими поклонниками и поклонницами в одном из фешенебельных петербургских ресторанов. Шахматная репутация Капабланки Петербургским турниром подорвана не была, скорее наоборот: всем стало ясно, что более достойного противника, чем он, у Ласкера нет — ведь разница между занявшим в Петербурге третье место Алехиным и Капабланкой составляла целых 3 очка.

В чем же заключалась сила Капабланки? Какие компо-

ненты шахматного мастерства позволяли ему показывать выдающиеся результаты?

След, оставленный Капабланкой в теории дебютов, менее значителен, чем изыскания его предшественников на шахматном троне, и поэтому можно согласиться с утверждением, что изучению этой стадии партии он особого значения не придавал. Однако его дебютные экспромты зачастую были удивительно глубоки, а некоторые из них злободневны и сегодня. Стратегический талант был у Капабланки, как говорится, «от бога». Что же касается эндшпиля, то возможно, как утверждали его современники, книг он в руки не брал, но самостоятельно эту стадию шахматной партии наверняка изучал досконально. В своих советах молодым шахматистам современник Капабланки гроссмейстер Нимцович писал: «Анализируйте также разные типичные позиции... Капабланка именно так и работает. Он вечно анализирует, и всегда именно типичные позиции. Капабланка знаком с массой таких положений (главным образом из области ферзевого и ладейного эндшпиля)».

Вряд ли Нимцович был свидетелем работы Капабланки над шахматами в домашних условиях, но анализы его непосредственно после окончания турнирных партий он видел наверняка. Именно такие анализы кубинского гроссмейстера восхищали очевидцев.

...Европа — в огне первой мировой войны. Капабланка между тем ведет другую войну, самую мирную разновидность «войны» — на 64 черных и белых полях шахматной доски. В апреле 1915 г. он легко выигрывает несильный по составу турнир в Нью-Йорке (13 очков из 14 возможных), а затем, в ноябре, — турнир памяти известного шахматного мецената Райса, в котором, кроме Яновского, серьезных противников у него не было.

Перед первым послевоенным вояжем в Европу Капабланка сыграл в турнире маэстро Манхэттенского шахматного клуба, где кроме него участвовали Маршалл, Яновский, чемпион Сербии — перспективный маэстро Костиц, чемпион Канады Моррисон, а также американские маэстро Чейес и Блек. В первом туре этого интересного двухкругового соревнования была

сыграна знаменитая партия Капабланка — Маршалл, в которой Капабланка «попался» на заранее заготовленный и тщательно разработанный Маршаллом вариант Испанской партии, сумел за доской найти «противоядие», продемонстрировав буквально чудеса защиты, и победить. Турнир закончился очередным триумфом Капабланки: в двенадцати партиях он одержал девять побед, сделав лишь три ничьи.

В 1919 г. осенью английские меценаты организовали турнир в Гастингсе, посвященный победе над кайзеровской Германией. Турнир не был сильным, так как представители побежденных стран, которые в шахматы играли лучше всех в Европе, в Гастингс приглашены не были. Результат Капабланки на этом турнире говорит сам за себя: 10,5 очка из 11 возможных.

В 1920 г. в Голландии Капабланка встретился с Ласкером. Именно в это время вышел шахматный бестселлер Капабланки «Моя шахматная карьера», содержащий, между прочим, и такой «крик души»: «Я надеюсь, что такой матч [речь идет о матче Ласкер —

Капабланка—И. К.] вскоре состоится, и чем скорее, тем лучше, ибо я желал бы играть его не со старым человеком, а с игроком в расцвете сил». Не согласиться с этим было трудно. Ласкер, Капабланка и правление Голландского шахматного союза подписали документ о том, что матч Ласкер—Капабланка будет играть на большинство из 30 партий. Документ документом, но для претворения его в жизнь надо было определить и место для проведения матча. Это оказалось далеко не простым делом: послевоенная Европа для матча была явно неуютна, а в Аргентине и на Кубе, в связи с непривычным для европейца климатом, Ласкер играть категорически отказался. Чтобы снять с себя обвинения общественной несговорчивости, прибегнул к неуклюжему жесту, заявив, что отказывается от звания чемпиона мира в пользу Капабланки. Несколько позднее Ласкер, очевидно, поняв нелепость этого решения, осознал, что свой долг перед шахматами чемпион должен выполнять до конца. И когда пришло повторное предложение от Гаванского шахматного

клуба, заключавшееся в том, чтобы играть матч весной 1921 г. на Кубе на большинство из 24 партий при обеспеченном Ласкеру гонораре 11 000 долларов, чемпион мира дал согласие.

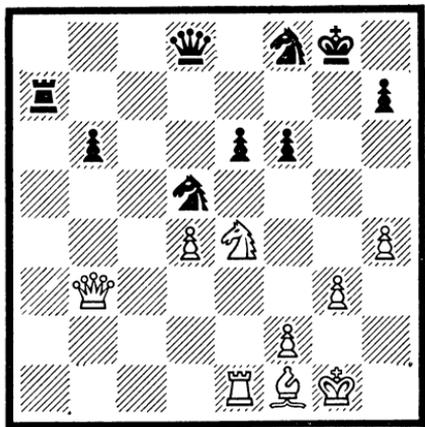
Долгожданный матч Ласкер—Капабланка начался в Гаванском шахматном клубе 15 марта 1921 г. Фаворитом был, конечно, Капабланка. Условия для матча были, по признанию самого Ласкера, идеальными, а климат, на который он сетовал после матча, в марте-апреле на Кубе считается чуть ли не целебным.

После четырех стартовых ничьих Ласкер бросился в решительный бой в 5-й партии. В ферзевом гамбите, играя черными, он уже в дебюте предложил претенденту остроумную жертву пешки. Казалось, что в случае принятия жертвы у черных будет за нее более чем достаточная компенсация. Тем не менее Капабланка жертву принял. Отказавшись от варианта, приводящего к вероятной ничьей, Ласкер после серии прекрасных ходов Капабланки попал в худшее положение, в котором до определенного момента демонстрировал такти-

ческую изворотливость наивысшего класса и, когда ничья была уже близка, допустил решающую ошибку и после ответного хода Капабланки признал свое поражение.

Следующие четыре партии матча прошли в равной борьбе. Судьбу матча решила, пожалуй, 10-я партия, которую Капабланка, игравший черными, провел в превосходном стиле: вначале он уравнивал позиции, а затем после пассивного 23-го хода белых перехватил инициативу, перевел игру в несколько лучшее окончание, в котором, продемонстрировав филигранную технику, добился победы. «Игра Капабланки, — по мнению самого Ласкера, — была в этой партии выше всяких упреков». Деморализованный Ласкер вычурно разыграл черными дебют в следующей, 11-й, партии матча, но получив трудную позицию, поставил перед Капабланкой ряд серьезных проблем. Финал этого поединка претендент провел превосходно: 37. Сс4 Ла5 (защищаясь от угрозы 38. С : d5 еd 39. Ф : d5+ Ф : d5 40. К : f6+) 38. Кс3 К : с3 39. Ф : с3 Крf7 40. Фе3 Фd6 41. Фе4 Ла4 (ошибка в трудном положе-

нии; следовало играть 41... Ла7) 42. Фb7+ Крg6 43. Фс8 Фb4 44. Лс1! Фе7 45. Cd3+ Крh6 46. Лс7 Ла1+ 47. Крg2 Фd6 48. Ф : f8+! Черные сдались.

После двух быстрых ничьих в 12 и 13-й партиях Ласкер попал в сильный цейтнот в 14-й партии и, просмотрев потерю качества, вынужден был сдаться.

Ласкеру стало ясно, что продолжать матч не имеет смысла. Сославшись на недомогание, вызванное влиянием кубинского климата, он закончил борьбу в матче. Шахматный мир обрел нового чемпиона. В последней своей

корреспонденции из Гаваны Ласкер писал: «Несмотря на все трудности, с шахматной точки зрения матч явился для меня наслаждением. Правда, внешние условия были неблагоприятны, но игра Капабланки ставила предо мной подлинные задачи. Его ходы ясны, логичны и сильны... Капабланка не любит ни запутанных положений, ни авантюр. Он заранее хочет знать, куда он придет. Глубина его игры — глубина математика, а не поэта. У него душа римлянина, а не грека». Закончил эту свою корреспонденцию Ласкер словами: «Я рад был иметь противника упорного, как железо, хотя обстоятельства не позволили мне играть так, как я предполагал».

Завоевание Капабланкой титула сильнейшего шахматиста мира требовало подтверждения в соревновании и с другими претендентами. Сильнейшие шахматисты мира были в основном европейцами, которых в большей или меньшей степени коснулись тяготы первой мировой войны. К 1922 г. почти все они вернули былую форму, а кое-кто и прибавил в классе. В этой связи особое место в мораль-

ном утверждении Капабланки на высшей ступени шахматного Олимпа занимает турнир 1922 г. в Лондоне, на котором ему противостояли Алехин, Рубинштейн, Видмар, Мароци, Боголюбов, Рети, подававший большие надежды Эйве и лучшие английские мастера. 11 побед и 4 ничьи — так расправился Капабланка со столь солидной компанией. Во время Лондонского турнира он предложил вероятным претендентам на мировое первенство — Алехину, Боголюбову, Видмару и Рубинштейну — подписать разработанный им регламент борьбы за мировое первенство. Документ этот, оставшийся в истории шахмат как «Лондонский протокол», был подписан перечисленными гроссмейстерами и Капабланкой. А «царский» жест Капабланки, попытавшегося впервые регламентировать порядок вызова на матч с чемпионом мира и порядок проведения матча, был по достоинству оценен его современниками. Оговаривалась в «Протоколе» и финансовая сторона матча, суть которой сводилась в основном к тому, что «чемпион мира не может быть принужден к защите

своего звания, если призовой фонд не достигает 10 000 долларов».

Покончив дела с шахматной Европой, Капабланка вернулся в США, где изредка баловал публику эффектными публичными выступлениями, вроде сеанса одновременной игры на 103 досках, проведенного чемпионом мира в 1922 г. в Кливленде с результатом $+102, =1$.

В конце 1922 г. Капабланка получил официальный вызов на матч от Рубинштейна. Чемпион мира был не против, хотя понимал, что непрактичному Рубинштейну будет очень трудно обеспечить финансовую сторону матча. В декабре 1923 г. Капабланка получил письмо от Алехина, в котором тот сообщил, что прибывает в США для подготовки финансирования матча на первенство мира и что официальный вызов он вышлет после Нового года, когда истечет срок вызова Рубинштейна, так и не сумевшего собрать нужной суммы. Однако в 1923 и 1924 гг. Алехину не удалось подготовить финансовую базу, и матч оттянулся на неопределенный срок.

С осени 1922 г. и до весны 1924 г. Капабланка в официальных соревнованиях не участвовал. Некоторые исследователи его творчества считают этот период в жизни Капабланки периодом беспечного времяпрепровождения и «почивания на лаврах».

Более логична на этот счет другая точка зрения. Став чемпионом мира и показав полное превосходство над европейскими шахматными звездами, Капабланка решил просто как следует отдохнуть — здоровье надо было беречь для последующих выступлений.

16 марта 1924 г. в Нью-Йорке начался супер-турнир выдающихся шахматистов мира. Кроме Капабланки в этом двухкруговом состязании участвовали: Ласкер, Алехин, Рети, Боголюбов, Мароци, Маршалл, Тартаковер, Яновский, Ейтс и однофамилец экс-чемпиона мира американский маэстро Эдуард Ласкер.

Любопытно, что первые три места на турнире в Нью-Йорке распределились в полном соответствии с турниром 1914 г. в Петербурге: 1-е место — Ласкер, 2-е — Капабланка, 3-е — Алехин. Но на этот

раз второе место Капабланки стало для него моральным поражением, хотя и имевшим серьезное оправдание: перед турниром Капабланка перенес тяжелый грипп и первые туры играл с повышенной температурой. И все-таки, если вспомнить Стейница («Шахматный мастер имеет не больше права быть больным, чем генерал на поле битвы»), то можно понять меланхолию Капабланки, написавшего после окончания Нью-Йоркского турнира такие слова: «Крайне сомнительно, выступлю ли я еще в международном турнире. Лишь тот факт, что это был первый большой турнир в Соединенных Штатах за последние двадцать лет, побудил меня участвовать в нем, несмотря на то, что я после смерти отца решил отказаться от серьезной турнирной игры. В дальнейшем мои выступления могут носить характер только публичных представлений. Я с радостью откажусь от звания чемпиона мира, но так как сознаю, что молодые шахматисты имеют право оспаривать его, то терпеливо подожду несколько лет, пока кто-нибудь не победит меня в матче. Если же я удер-

жу свое звание, то подумаю, какие шаги предпринять, чтобы самоустраниться».

К счастью для поклонников шахматного искусства свою «угрозу» Капабланка не выполнил....

10 ноября 1925 г. он уже сидел за шахматным столиком в роскошно оформленном зале гостиницы «Метрополь» в Москве, где проводился первый в истории советских шахмат международный турнир. Десять сильнейших шахматистов молодой советской страны получили возможность испытать свои силы в борьбе с шахматными звездами Запада: Капабланкой, Ласкером, Рубинштейном, Маршаллом, Рети, Грюнфельдом, Шпильманом, Тартаковым и др. В этом турнире всегда уравновешенного Капабланку было трудно узнать. Нет, из иностранных участников победить его никто не смог, но в партиях с советскими мастерами чемпион мира был не на высоте: он проиграл ленинградскому мастеру Ильину-Женевскому, став жертвой своей же малообоснованной атаки на короля; проигрыш же москвичу Верлинскому был, как ни странно, следствием антипо-

зиционной игры чемпиона мира. Подлинной причиной поражения от Верлинского был, вероятно, знаменитый сеанс одновременной игры, который 20 ноября 1925 г. Капабланка провел против 30 сильнейших первокатегорников Ленинграда (см. главу «Ботвинник»). Сразу после сеанса ночным поездом отбыл тогда Капабланка обратно в Москву, где 21 ноября играл партию с Верлинским.

I Московский международный турнир завершился победой Е. Боголюбова (15,5 очка из 20), на втором месте оказался нестареющий Ласкер (14 очков). Капабланка был лишь третьим (13,5 очка). Относительный неуспех Капабланки мог бы и не восприниматься всерьез поклонниками его таланта, если бы не было Баден-Бадена...

Незадолго до I Московского международного турнира, в апреле-мае 1925 г., в немецком городе Баден-Бадене был сыгран очень сильный турнир, в котором, за исключением Ласкера и Капабланки, участвовал «весь цвет» высшего шахматного общества (Алехин, Рубинштейн, Тарраш, Рети, Нимцович, Мар-

шалл, Шпильман и другие). Героем Баден-Бадена стал Алехин, набравший 16 очков из 20 возможных (без единого поражения). Стиль «алехинских» побед свидетельствовал о том, что класс его игры по меньшей мере равнозначен классу игры Капабланки.

В начале 1927 г., гастролируя по Южной Америке, Алехин сумел договориться с правительством Аргентины о финансировании его матча с Капабланкой.

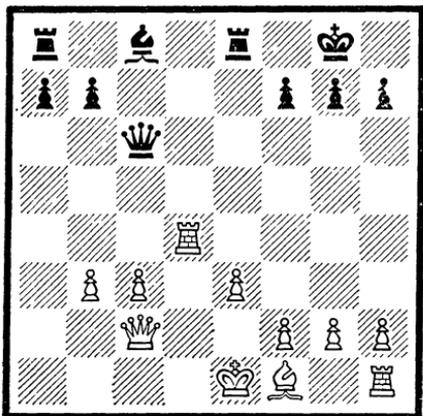
Капабланка отлично понимал, что его первостепенная задача перед матчем — поднять несколько утраченный престиж. Для этой цели по инициативе чемпиона мира американские меценаты организовали в Нью-Йорке матч-турнир шести выдающихся гроссмейстеров мира, на который были приглашены Капабланка, Алехин, Нимцович, Видмар, Маршалл и Шпильман.

Турнир проводился в четыре круга. Все свои микроматчи Капабланка выиграл, в том числе у Алехина (+1, =3). Он не проиграл ни одной партии и финишировал первым, обогнав второго призера Алехина на 2,5 очка. «В той фор-

ме, в какой Капабланка был в Нью-Йорке, он непобедим!» — писал гроссмейстер Шпильман. Несколько иного мнения придерживался Аলেখин...

Вдохновленный Нью-Йоркским успехом, 16 сентября 1927 г. начал Капабланка свой матч с Аলেখиным.

Неудача в 1-й партии, казалось, не произвела на Капабланку никакого впечатления. Сделав ничью во 2-й партии матча, он уверенно победил в 3-й и после еще трех рядовых ничьих в прекрасном стиле взял верх в 7-й партии. Эта позиция возникла в 7-й партии матча после 18-го хода

Аলেখина, игравшего черными.

У Капабланки лишняя пешка, но ее реализация связана с определенными трудностями. Последующая игра Капабланки — образец шахматной классики!

19. Cd3! (Ход далеко не очевидный, так как белые обрекают своего короля на «вечную» стоянку в центре при наличии на доске большого количества фигур.) 19... Ф : g2 20. С : h7+ Крf8 21. Се4 Фh3 22. Фd2! (захватывая вертикаль «d») 22... Се6 23. с4 а5 24. Лg1! (Белые расстаются с лишней пешкой ради атаки) 24... Ф : h2 25. Лh1 Фс7 26. Фb2!! (Такие ходы находятся труднее, чем эффектные форсированные жертвы.) 26... Фс5 (черные защищаются от 27. Фа3+ Крg8 28. Ch7+ Крh8 29. Лdh4) 27. Cd5 Ла6? (Впоследствии выяснилось, что шансы на защиту давал ход 27... Лад8!, но только шансы...) 28. Ле4 Лd6 29. Лh7! — наконец-то обнаружилось «коварство» белого ферзя, который уже давно посматривал на поле «g7». 29... Кре7 (Нетрудно убедиться, что остальные ходы не лучше.) 30. Ф : g7 Крd8 31. С : e6 fe 32. Ф : b7 Фb4+

33. Ф: b4 ab 34. c5 Лс6 35.
Л: b4 Л: c5 36. Ла7, и черные
сдались.

Более подробный разбор матча — в следующей главе, здесь мы лишь отметим, что в оставшейся части его Алехин был сильнее. Окончательный результат матча: +6, —3, =25 в пользу Алехина, ставшего четвертым в истории шахмат чемпионом мира.

После утраты Капабланкой титула чемпиона мира кое-кто вспомнил его статью 1924 г. о «самоустранении» от полномочий чемпиона мира... Сам же Капабланка, психика которого была явно подорвана неудачей в матче, стал объяснять свое поражение случайностью. Эта мысль Капабланки, содержащаяся в его статьях и высказываниях на страницах прессы, была неприятной для нового чемпиона мира, и он сделал из этого соответствующие выводы...

Стремясь держать свою шахматную форму на должном уровне, Капабланка начинает активную турнирную жизнь, демонстрируя почти во всех турнирах высочайший шахматный класс. Правда, первое выступление после матча с Алехиным было чуть-чуть

огорчительным. На турнире в Киссингене Капабланка оказался вторым — после Боголюбова, но впереди Рубинштейна, Нимцовича, Эйве, Рети, Тарраша, Маршалла, Шпильмана и других. В 1928 г. он выигрывает турнир средней силы в Будапеште и достаточно представительный турнир (Нимцович, Рубинштейн, Рети, Маршалл, Тартаковер, Шпильман) в Берлине.

После легкой победы на небольшом турнире в Рамсгейте весной 1929 г. Капабланку вновь ожидало некоторое разочарование на сильнейшем турнире в Карлсбаде (ныне Карловы Вары), в котором участвовала почти вся шахматная элита, за исключением Алехина и перешагнувшего шестидесятилетний рубеж Ласкера. Победителем Карлсбада стал Нимцович. Капабланка разделил 2 — 3-й призы со Шпильманом, и хотя все понимали, что Нимцович — не конкурент Капабланке, качество партий кубинца в Карлсбаде свидетельствовало о каком-то кризисе в его игре.

В период 1931—1934 гг. Капабланка в крупных турнирах участия не принимал. Существует мнение, что в эти

годы он усиленно занимался изучением дебютной теории. Доказательство тому — интересные дебютные схемы, примененные им в соревнованиях последующих лет.

Отрыв от практической игры благоприятно не влиял ни на одного из известных шахматистов, а на Капабланке-практике это тем более не могло не сказаться. И не удивительно, что в 1934 г. на традиционном Гастингском турнире он стал лишь четвертым (позади Томаса, Флора и Эйве); четвертое место занял Капабланка и на II Московском международном турнире 1935 г. (впереди были Ботвинник, Флор и Ласкер).

Наступил 1936 г. Кто бы мог подумать, что 48-летний экс-чемпион мира способен почти полностью восстановить свое реноме! Тем не менее это произошло. Новый — последний — взлет Капабланки начался с III Московского международного турнира.

Приезд Капабланки на турнир был и данью уважения к советским шахматистам и желанием реабилитировать себя за не вполне удачные вы-

ступления в I и II Московских турнирах.

III Московский международный турнир — двухкруговой. Вместе с Капабланкой в нем стартовали Ласкер, Флор, Лилиенталь, Элисказес, Ботвинник, Рюмин, Левенфиш, Кан и Рагозин.

Капабланка был в ударе. Он провел это соревнование в стиле своих лучших турниров, не проиграв ни одной партии и демонстрируя знаменитую «капабланковскую технику». От второго призера — Ботвинника — Капабланка оторвался на одно очко, а от третьего — Флора — на 3,5.

Спустя 2,5 месяца после триумфа в Москве Капабланка наглядно показал всем, вычеркнувшим его из списка претендентов на мировую корону, что возвращение его на шахматный трон вполне вероятно. Местом этой последней «реабилитации» Капабланки был английский город Ноттингем, где играли и чемпион мира Эйве, и только что утративший этот титул Алехин, и маститый, но всегда опасный конкурент Ласкер, и лучшие представители наступающей шахматной молодежи —

Ботвинник, Флор, Файн, Решевский, и еще не утратившие свой высокий класс ветераны — Видмар, Тартаковер и другие.

Дележ 1 и 2-го призов с Ботвинником — таков результат Капабланки в грандиозном «сражении при Ноттингеме».

Капабланка был готов к матчу с чемпионом мира. И, конечно, принципиальному Алехину морально трудно было бы отвергнуть вызов экс-чемпиона, но он сам в этот период после проигрыша матча голландскому гроссмейстеру Эйве оказался «эксом» и с нетерпением ждал матча-реванша...

10 января 1937 г. московская газета «Известия» опубликовала статью Капабланки «Шахматное первенство мира», которая заканчивалась словами: «Думаю, что если выдержит здоровье, то при моей теперешней игре я смогу смело рассчитывать на выигрыш» [в матче на звание чемпиона мира — И. К.]

К сожалению, здоровье уже было не то. Это подтвердил знаменитый АВРО-турнир 1938 г. в Голландии,

где, соревнуясь с семью другими сильнейшими шахматистами мира (Алехиным, Эйве, Ботвинником, Кересом, Решевским, Файном и Флором) в два круга, Капабланка набрал лишь 6 очков из 14 возможных.

Под занавес своей карьеры Капабланка успел сыграть еще в двух довольно крупных соревнованиях. В 1939 г. он разделил 2—3-е места с Флором на турнире в Маргете (первым был Керес), и осенью того же года на «турнире наций» (Мировая шахматная Олимпиада), играя на первой доске, одержал 10 побед при 10 ничьих.

Во время начавшейся второй мировой войны Капабланка жил в Нью-Йорке, постоянно посещал свой любимый Манхэттенский клуб. В этом же клубе 7 марта 1942 г. во время совместного с друзьями анализа шахматной позиции ему стало плохо. На следующий день он скончался от кровоизлияния в мозг. Капабланка был похоронен у себя на родине со всеми почестями, воздаваемыми национальным героям.

АЛЕХИН

Великий русский шахматист Александр Александрович Алехин — уникальная личность в истории шахмат. Пожалуй, никто не внес столько нового в теорию шахматных дебютов, никто не придумал столько глубочайших стратегических планов, никто не сыграл такого количества интереснейших партий, как Алехин. Он играл почти все шахматные дебюты и в каждом из них оставил ощутимый

след. Используя академические комментарии Алехина к своим партиям, можно написать фундаментальный труд по миттельшпилю. Исследования Алехина в эндшпиле до сих пор злободневны.

В отличие от Ласкера и Капабланки, «стеснявшихся» признавать себя шахматными профессионалами, Алехин гордился своим призванием. «Для меня шахматы, — писал он, — не игра, а искусство. Да, я считаю шахматы искусством и беру на себя все те обязанности, которые оно налагает на своих приверженцев».

Имея завидную шахматную судьбу, Алехин остался в шахматной истории все же фигурой трагической. В шахматах он видел даже то, что было недоступно многим общепризнанным корифеям этой игры. В жизни, как это ни прискорбно, он был удивительно близорук...

Алехин родился в Москве 1 ноября 1892 г. Познакомился с шахматами в раннем детстве и уже в возрасте 15 лет принял участие в своем первом международном турнире. Это был турнир любителей в немецком городе Дюссельдорфе.

сельдорфе. Деж 4—5-го мест (при 14 участниках) свидетельствовал о неплохих способностях юного шахматиста. Там же, в Дюссельдорфе, он сыграл свой первый матч с мастером. Конечно, 47-летний немецкий мастер Курт Барделебен был расстроен, проиграв «юнцу» из России со счетом 0,5:4,5, но если бы он знал... Спустя несколько месяцев «жертвой» Алехина в матче из пяти партий стал известный российский мастер Бениамин Блюменфельд, который, как и Барделебен, сделал лишь одну ничью. Следующий, 1909 г. приносит Алехину новый успех: он становится чемпионом России среди любителей и шахматным мастером.

После сравнительно неудачного выступления на международном турнире мастеров в Гамбурге (7—8-е места) Алехин победил на небольших турнирах в Стокгольме (1912 г.) и Шевенингене (1913 г.).

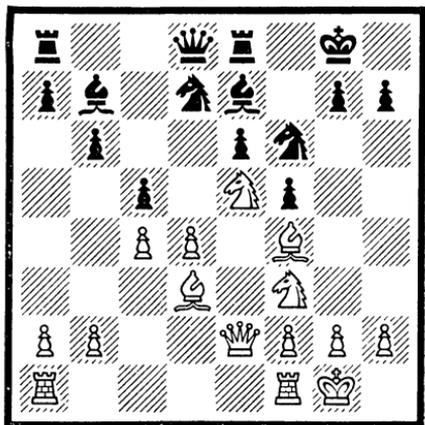
Особое место в шахматной карьере Алехина занимает 1914 г. Разделив 1—2-е места во Всероссийском турнире мастеров с уже имеющим мировую известность А. Ним-

цовичем, он получает право на участие в Петербургском международном турнире 1914 г. Чемпион мира Ласкер, будущий чемпион мира Капабланка, гроссмейстеры Тарраш, Маршалл, Рубинштейн, Нимцович, Яновский и другие стали тогда экзаменаторами 22-летнего Алехина. Особенно отличился «экзаменуемый» в партиях с чемпионом Германии Таррашем и чемпионом США Маршаллом — оба они набрали против Алехина по пол-очка из трех возможных (с учетом предварительного и финального этапов турнира).

3-е место (вслед за Ласкером и Капабланкой), занятое Алехиным в Петербургском турнире, сразу же вывело его в ряды вероятных претендентов на звание чемпиона мира.

Первая мировая война застала Алехина в немецком городе Мангейме, где он весьма успешно выступал в крупном международном турнире. Русские участники турнира, в том числе Алехин, были интернированы. Из плена Алехину удалось каким-то образом вырваться и, вернувшись в Россию, он принял участие

в войне в качестве начальника летучего отряда Красного Креста. Тяжелая контузия привела Алехина в Тарнопольский госпиталь, где он, несмотря на недомогание, встречался в легких партиях с местными шахматистами, проводил сеансы одновременной игры, не глядя на доску. Одна из комбинаций Алехина из такого сеанса обошла страницы всех шахматных учебников.

15. Kf7 Kp : f7 (если черные вместо этого хода отступили бы ферзем, то после 16. Ф : e6 их позиция была бы совершенно безнадежна) 16. Ф : e6+!! Такие жертвы и при игре глядя на доску произво-

дят неотразимое впечатление 16... Kpg6 (если 16... Kp : e6, то 17. Kg5x) 17. g4! Ce4 18. Kh4x.

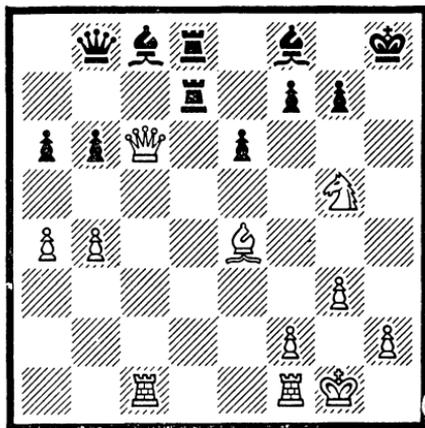
Когда свершилась Великая Октябрьская социалистическая революция, Алехин находился в Москве. Естественно, что первое время было не до шахмат: в начале он работал следователем уголовного розыска, а затем — переводчиком в Коминтерне. В трудном 1920 г. советские общественные организации нашли возможность провести I Российскую шахматную Олимпиаду, в которой, будучи единственным гроссмейстером среди участников, Алехин одержал уверенную победу.

Дворянин по происхождению, ограничивший свой духовный мир в основном 64 клетками шахматной доски и поставивший перед собой цель — во что бы то ни стало завоевать мировую шахматную корону, Алехин был слишком далек от мысли попробовать разобраться в происшедших в жизни своей Родины глобальных социальных изменениях. В 1921 г. он принимает решение оставить Россию. Об этом роковом шаге

Алехин впоследствии глубоко сожалел...

Местом своего пребывания Алехин выбрал Париж, и, очевидно, понимая, что шахматы для материального обеспечения — дело ненадежное, стал заниматься юриспруденцией. В 1923 г. в знаменитом Сорбоннском университете Алехин защитил диссертацию на звание доктора юриспруденции. Может быть поэтому его турнирные успехи в 1922 г. были недостаточно высоки: Пестъен — 2—3-е места со Шпильманом, Лондон — 2-е место (впереди на 1,5 очка — Капабланка). Правда, 2-е место вслед за чемпионом мира неуспехом считал лишь сам Алехин, уже нацелившийся на мировую корону. Не был удовлетворен Алехин и делением 1—3-го мест на международном турнире в Карлсбаде в 1923 г., хотя и одержал там запоминающуюся победу над одним из сильнейших шахматистов мира — Рубинштейном (см. диаграмму).

Только что Рубинштейн сделал ход 24... Ld8 и, вероятно, приготовился к длительной обороне. И вдруг: 25. Cg6!! Сколько таких ошеломляющих ударов нанес своим

противникам Алехин! Борьба фактически закончена: если черные возьмут слона, то получат мат (25... fg 26. Фе4 C:b4 27. Фh4+ Kpg8 28. Фh7+ Kpf8 29. Фh8+ Kpe7 30. Ф:g7+ Kpe8 31. Фg8+ Cf8 32. Ф:g6+ Kpe7 33. Фе6x). Рубинштейн сделал еще несколько ходов: 25... Фе5 26. К:f7+ Л:f7 27. С:f7 Фf5 28. Лfd1 Л:d1+ 29. Л:d1 Ф:f7 30. Ф:c8 Kph7 31. Ф:a6 Фf3 32. Фd3+ — и сдался.

Большие надежды связывал Алехин с крупнейшим турниром 1924 г. в Нью-Йорке, но они не оправдались. Первое место на этом турнире

взял неуязвимый Ласкер, опередивший чемпиона мира Капабланку на 1,5 очка. Алехин был третьим. От победителя турнира его отделяли целых 4 очка, а от чемпиона мира — 2,5. Для главного претендента на мировую корону такой результат нельзя было считать обнадеживающим.

Правда, позднее в своей книге «На пути к высшим шахматным достижениям» Алехин признался: «Хотя я уже послал вызов Капабланке, я еще не чувствовал себя в шахматном отношении вполне созревшим. Во многих областях, а в особенности в части техники, Капабланка в ту пору был несомненно сильнее меня, и среди его соперников Ласкер все еще занимал первое место. Поэтому мой вызов имел единственной целью закрепить мою кандидатуру на будущее».

Итак, надежд Алехина Нью-Йоркский турнир не оправдал. Что же делать дальше? И Алехин весь конец 1924 г. посвящает работе над сборником партий нью-йоркского турнира. Особое внимание обращает он на стили Ласкера и Капабланки, на методы

их борьбы и едва заметные недостатки.

Изучение творчества великих шахматистов не замедлило дать свои плоды. В 1925 г. в небольшой немецкий городок Баден-Баден съехались почти все сильнейшие шахматисты мира (не было лишь Капабланки и Ласкера). Из двадцати партий, сыгранных в этом турнире, Алехин в двенадцати одержал победу и, сделав восемь ничьих, уверенно занял первое место, опередив таких шахматных асов, как Рубинштейн, Маршалл, Нимцович, Рети, Шпильман, Тарраш и другие. «Для чемпиона мира Капабланки вырос страшный соперник, усиливающийся из года в год, и едва ли долго Капабланке удастся баррикадироваться от матча с Алехиным золотым валом из 10 000 долларов», — писал после Баден-Бадена язвительный, но в данном случае справедливый Тарраш, намекая, вероятно, шахматным меценатам на то, что они могут смело оказать финансовую помощь Алехину для внесения предварительного взноса в кассу организаторов матча на звание чемпиона мира.

Насыщенным оказался для Алехина 1926 г. Сначала это были победы на небольших турнирах в Гастингсе, Скарборо и Бирмингеме, затем — некоторое неудовлетворение от вторых мест на весьма представительных турнирах в Земмеринге (1-е место — Шпильман) и Дрездене (1-е место — Нимцович) и, наконец, южно-американские гастроли, начавшиеся с Буэнос-Айреса. В Аргентине персональной Алехина заинтересовался сам президент Альвеар, что, очевидно, оказалось решающим в вопросе финансирования будущего матча на звание чемпиона мира: аргентинское правительство взялось обеспечить финансовую базу матча. Нет, поклонниками Алехина члены аргентинского правительства не были. Они обожали Капабланку и, конечно же, были уверены в его победе над Алехиным. Понимали они и то, что более достойного противника для Капабланки, чем Алехин, нет. А раз так, то их красавцу — городу Буэнос-Айресу — уготована судьба стать местом матча века. Это ли не престижно! Капабланка был представителем части света, на-

зываемой «Америка», и потому — кумиром обеих Америк — и Северной, и Южной. В этой связи можно понять энтузиазм нью-йоркских меценатов, организовавших в начале 1927 г. великолепный турнир в Нью-Йорке, на который были приглашены шесть шахматных звезд: Капабланка, Алехин, Шпильман, Нимцович, Видмар и Маршалл. Поклонники Капабланки очень надеялись, что их кумир в почти родных стенах возьмет верх над своими соперниками и тем самым нанесет серьезный психологический удар будущему противнику в матче.

Первая часть этих надежд сбылась — Капабланка с блеском выиграл турнир, опередив занявшего второе место Алехина на 2,5 очка. Что же касается «психологического удара», то его не получилось. Вышло совершенно обратное: Нью-Йоркский турнир 1927 г., по признанию Алехина, дал ему возможность «непосредственно перед решительной борьбой проверить на ряде новых примеров свои наблюдения прошлых лет и получить таким образом правильные выводы...»

На Капабланку победа в

Нью-Йоркском турнире оказалась расхолаживающее действие, и подготовки к матчу с Алехиным он практически не вел.

16 сентября 1927 г. в Буэнос-Айресе матч Капабланка — Алехин начался. Главное условие матча было довольно жестким для претендента: победителем признавался тот из участников, который первым одержит 6 побед; при счете 5:5 (ничьи в счет не шли) матч прекращался и Капабланка сохранял звание чемпиона мира.

В 1-й партии Капабланка, игравший белыми, очень неуверенно разыграл дебют, позволив своему противнику получить небольшой позиционный перевес. Судьбу партии решила «маленькая» комбинация Алехина, в результате которой Капабланка остался без пешки. Реализацию преимуществ Алехин провел образцово.

Неудача не обескуражила Капабланку — он выиграл 3-ю и 7-ю партии и вышел вперед — 2:1. Особенно большое впечатление произвела победа Капабланки в 7-й партии. Организаторы матча ликовали. «Прессинг» Капаблан-

ки, который он демонстрировал особенно в партиях, где играл белыми фигурами, продолжался. С колоссальным трудом удалось спастись Алехину в 9-й партии.

Кризис для Капабланки начался с 11-й партии, в которой, играя белыми, он достиг большого позиционного перевеса, но действовал настолько нерешительно, что получил худшую позицию, упустил шансы на ничью и, несмотря на недостаточно четкую игру Алехина, вынужден был признать свое поражение. Травмированный неудачей, чемпион мира не нашел выигрывающей комбинации в 12-й партии, позволил Алехину перехватить инициативу и завершить борьбу выигрышем «зарвавшейся» черной ладьи.

Счет матча стал 3:2 в пользу претендента.

Следующие восемь партий закончились вничью: борьба в них носила выжидательный характер, каждый из противников надеялся, что первым рискнет его партнер...

В 21-й партии Капабланка, имея белые фигуры, решил дать бой. И здесь обнаружилось, что типовые позиции от-

казанного ферзевого гамбита изучены Алехиным более досконально, чем его противником. Позиция, в которой Капабланка проявил активность, двигая пешки ферзевого фланга, оказалась более благоприятной для черных, а одна из надвинутых пешек — неисправимой слабостью. Вся партия была великолепно проведена Алехиным и завершилась его победой на 32-м ходу. Капабланка предпринял последнюю попытку переломить ход борьбы. После ничьих в семи партиях подряд он взял верх в исключительно напряженной 29-й партии матча, сведя преимущество Алехина в счете до минимума — 3 : 4.

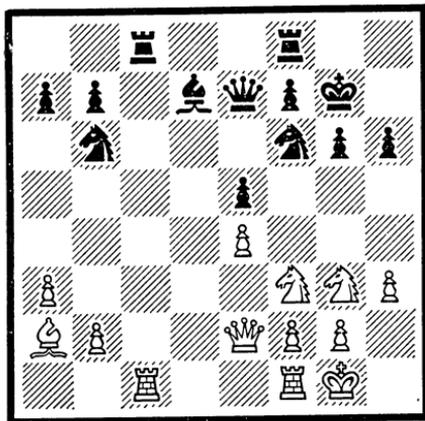
Обладая громадным шахматным талантом, Капабланка не мог сравниться с Алехиным по работоспособности. Совершенно измотанный сверхизобретательной защитой Алехина в победной для себя 29-й партии, Капабланка в оставшихся партиях был уже не в состоянии бороться с Алехиным, силы которого к концу матча, казалось, удвоились.

В 32-й партии Капабланка был переигран по всем статьям: Алехин очень тонко про-

вел дебют, затем, почти миновав миттельшпиль, перешел в эндшпиль с лишней пешкой, в котором продемонстрировал буквально хрестоматийный метод выигрыша. Позднее Алехин вспоминал, что после 32-й партии, когда счет стал 5 : 3 в его пользу, «выражение лица Капабланки показывало, что исход матча предрешен».

В 33-й партии Капабланка даже не пытался использовать преимущество белого цвета — 18-ходовая ничья.

Изящно провел Алехин миттельшпильный эпизод заключительной, 34-й, партии матча.

21. Фd2!! (Белые угрожают ходом 22. Фа5 выиграть пеш-

ку, а на естественную реакцию черных 21... Сс6 Алехин заготовил редкий по красоте вариант: 22. Kh4 K:e4 23. Khf5+ gf 24. K:f5+ Kpf6 25. Ф:h6+ Кр:f5 26. g4x.) 21... Се6? (Капابلанка ошибается сразу, но единственный ход, дающий черным шансы на защиту 21... Ка4!, указанный впоследствии Ласкером, найти далеко не просто.) 22. С:e6 Ф:e6 23. Фа5 Кс4 24. Ф:a7 К:b2 25. Л:c8 Л:c8 26. Ф:b7 Кс4 27. Фb4 Ла8 28. Ла1 Фс6 29. a4! К:e4 30. К:e5 Фd6 31. Ф:c4 Ф:e5 32. Ле1 Кd6 33. Фс1 Фf6 34. Ке4 К:e4 35. Л:e4; лишнюю пешку в получившемся эндшпиле Алехин реализовал на 82-м ходу.

В далеком от России Буэнос-Айресе самый высокий шахматный титул впервые в истории завоевал русский шахматист. Счет матча 6:3 и стиль побед нового чемпиона мира ни у кого не вызывал сомнений в справедливости смены на шахматном троне.

«Выигрыш матча Алехиным является победой непреклонного борца над умом, избегающим всего неясного», — писал Ласкер.

В 20-х годах в число претендентов на титул чемпиона мира вошел другой выходец из России, женившийся на немке и принявший немецкое подданство, — Ефим Боголюбов. В сентябре—ноябре 1929 г. в центре Европы (в различных городах Германии и Голландии) два бывших россиянина показывали свои незаурядные способности в самой интеллектуальной из всех игр. Это был очередной матч на звание чемпиона мира. Боголюбов был шахматным «забиякой», т. е. шахматистом острокомбинационного и даже несколько авантюрного стиля. Алехин же мог вести игру в любом ключе, и это делало матч зрелищно притягательным. Шестнадцать партий этого матча из 25 были результативными! Если в матче с Капابلанкой Алехин продемонстрировал выдающееся позиционно-стратегическое мастерство, то в матче с Боголюбовым он принял «открытый бой» и показал, что в нем чемпиону мира тоже нет равных. Итог матча с Боголюбовым: +11, —5, =9 в пользу Алехина.

В 1930 г. состоялся крупнейший международный тур-

мир в Сан-Ремо. Все именитые шахматные бойцы — Нимцович, Рубинштейн, Видмар, Шпильман, Мароци и другие — явно спасовали перед чемпионом мира, результат которого просто удивителен для турнира такого ранга: 14 очков из 15 возможных! Второй призер — гроссмейстер Нимцович — был на 3,5 очка позади.

Свидетелем еще одного невиданного успеха Алехина стал шахматный мир в 1931 г. Двухкруговой турнир в Блесте, где наряду с опытнейшими Нимцовичем, Видмаром, Мароци и другими играли и будущие гроссмейстеры — Флор, Кэжден, Пирц и Штольц, чемпион мира закончил с результатом 20,5 из 26 возможных, не потерпев ни одного поражения и опередив занявшего второе место Боголюбова на 5,5 очка! Этот турнирный рекорд Алехина до сих пор никем не превзойден.

Потом были первые призы на турнирах в Лондоне, Берне, Пассадене (1932 г.), Париже (1933 г.), Цюрихе (1934 г.)... В ряду этих успехов особое место занимает турнир в Цюрихе. Чтобы оценить значи-

мость его, достаточно назвать пять первых призеров и их результаты: 1. Алехин — 13 из 15 (!), 2—3. Флор и Эйве — по 12, 4. Боголюбов — 11,5, 5. Ласкер — 10.

«Алехин Буэнос-Айреса 1927 г., Сан-Ремо 1930 г. и многих других шахматных битв явил миру восхитительные комбинации, великолепную игру во всех стадиях шахматной партии, короче говоря, все то, что дается гениям божьей милостью». — Эти слова принадлежат гроссмейстеру Макс Эйве — человеку, которому очень повезло: он сыграл три матча с гениальным русским шахматистом! Первый матч был тренировочным и состоялся накануне матча Алехина с Капабланкой. Только минимального перевеса (5,5:4,5) сумел достичь тогда Алехин, и это было подтверждением недюжинной шахматной силы молодого Эйве.

Нельзя не признать, что в Европе, шахматная гегемония которой до той поры была подорвана лишь дважды (Морфи, Капабланка), Макс Эйве в конце 20-х и начале 30-х годов был фигурой заметной, а может быть, и наиболее перспективной. Наряду с по-

четным поражением в матче с Алехиным в активе Эйве было 1-е место на первой доске на I Мировой шахматной Олимпиаде в Лондоне (1927), первый приз на рождественском турнире 1930/31 г. в Гастингсе, где вторым был Капабланка.

Не удивительно, что инициатором матча на мировое первенство с Эйве был сам Алехин. Конечно, не обошлось в этом вопросе и без финансовых соображений (Алехин верил в мощь голландских меценатов), но в шахматной силе Эйве, а следовательно, в интересной борьбе в предстоящем матче Алехин не сомневался, как, впрочем, не сомневался и в своем успехе...

Матч Алехин — Эйве, начавшийся 3 октября 1935 г., до сих пор довольно разноречиво освещается на страницах шахматной литературы. Многие авторы умаляют успех Эйве, объясняя его безжалостным нарушением режима со стороны Алехина. Хочется верить, что это было не совсем так. Имеющиеся партии матча, несмотря на наличие в них обоюдных ошибок и просчетов (какой матч на высшем уровне без них обо-

дился!), — живое свидетельство полнокровной и интереснейшей борьбы. И то, что Алехин оказался поверженным со счетом 14,5:15,5, не является труднопонимаемым фактом. Просто, на наш взгляд, Алехин был не в лучшей форме, а Эйве, наоборот, — в расцвете своих творческих сил.

Матч завершился рыцарским жестом Алехина. Когда Эйве принял предложенную чемпионом мира ничью в 30-й партии матча, Алехин встал, смешал шахматные фигуры, протянул Эйве руку и громко произнес: «Да здравствует новый чемпион мира!»

29 октября 1935 г. в самый разгар матча с Эйве Алехин послал приветствие советским шахматистам, в котором написал: «Не только как долголетьный шахматный работник, но и как человек, понявший громадное значение того, что достигнуто в СССР во всех областях культурной жизни,— шлю искренний привет шахматистам СССР по случаю 18-й годовщины Октябрьской революции». Это маленькое, но яркое послание проливает некоторый свет на душевное состояние Алехина. Вероятно,

очередной приступ тоски по Родине, сожаление о совершенном когда-то разрыве с ней не давали ему возможности сконцентрировать все свои мысли на шахматной доске...

После поражения от Эйве успехи Алехина заметно снизились. В трех турнирах (в Ноттингеме, Амстердаме и Бад-Наугейне) он занимает места ниже, чем Эйве, и разговоры о «случайном поражении» Алехина в матче с голландцем уступили место диаметрально противоположным утверждениям. Так, американский гроссмейстер Файн, назначенный секундантом Эйве в будущем матч-реванше, заявил, что победа Эйве не вызывает у него сомнений. Любопытно, что победу Эйве в предстоящем состязании предсказывал и Капабланка.

А Алехин тем временем самым тщательным образом готовился к предстоящему матч-реваншу, победу в котором он рассматривал как серьезнейшую предпосылку для возвращения на Родину.

5 октября 1937 г. в столице Нидерландов Гааге матч-реванш Эйве — Алехин стартовал. Эйве, игравший в 1-й партии белыми, применил в

Славянской защите сравнительно новое продолжение. Алехин защищался не лучшим образом и, проиграв пешку, не смог спасти партию.

На следующий день снова была Славянская защита, и снова Эйве, на этот раз черными, применил новый план, который должен был дать ему равную игру. Однако Эйве показалось, что равенства невозможно добиться несколькими способами. Это было роковое заблуждение. Алехин сравнял счет.

После ничьих в 3 и 4-й партиях Алехин неожиданно слабо провел 5-ю партию: проиграв уже на 24-м ходу фигуру, он еще долго вел безнадежную борьбу, но избежать поражения не смог...

Следующая, 6-я, партия, оказалась едва ли не решающей в матче. От такого разгрома, который учинил Алехин чемпиону мира, прийти в себя было не так просто. После того как Эйве сделал в дебюте всего лишь 3-й ход, ему была предложена совершенно ошеломляющая жертва фигуры, взять которую Эйве побоялся (слишком грозной казалась атака Алехина). В результате Алехин вы-

играл две пешки и эффектно реализовал свой перевес уже на 23-м ходу.

После блистательных побед Алехина в 7 и 8-й партиях всем стало ясно, что борьбы в матче не будет.

Окончательный счет матча 15,5:9,5 в пользу Алехина свидетельствовал об убедительном реванше и о том, что настала очередь следующих, возможно более удачливых, претендентов.

Уже до матч-реванша с Эйве Алехин не мог не понимать, что моральное право претендовать на шахматный трон кроме него имеют несколько молодых шахматистов. Так, на турнире в Наугейме серьезную конкуренцию ему составил 20-летний эстонский шахматист Пауль Керес. Этот турнир Алехин и Керес закончили с одинаковым результатом: 6,5 из 9. На турнире в Подебради (Чехословакия) Алехин вынужден был довольствоваться лишь вторым местом, пропустив вперед 27-летнего Сало Флора.

Турнир в Ноттингеме стал местом рождения новой шахматной звезды — советского чемпиона Михаила Ботвинни-

ка, который, разделив 1—2-е места с Капабланкой, уверенно опередил всю остальную шахматную элиту (Алехин был шестым). В апреле 1937 г. небольшой, но представительный турнир в Маргете завершился победой Кереса и 22-летнего американца Ройбна Файна. Алехин был третьим, отстав от победителей на 1,5 очка. Очень сильный турнир в Кемери летом 1937 г. стал подтверждением высочайшего шахматного класса еще одного американца — С. Решевского.

После возвращения чемпионского титула Алехин довольно легко взял первые места на двух турнирах средней силы в Монтевидео и Маргете, разделил 1—2-е места на турнире в Плимуте и, наконец, принял участие в самом значительном предвоенном соревновании — АВРО-турнире.

Семь, безусловно, сильнейших гроссмейстеров того времени (Эйве, Капабланка, Ботвинник, Флор, Керес, Решевский и Файн) провели двухкруговой спор за моральное право называться претендентом на звание чемпиона мира. Восьмым «лишним» в этом

споре был сам чемпион мира, который своим участием показал, что почивать на лаврах не собирается.

АВРО-турнир, будучи блестящим по составу участников, оказался далеко не таким по организации: он проводился в разных городах Голландии, как было угодно радиовещательной компании АВРО — организатору турнира. По ее прихоти участникам состязания приходилось от тура к туру колесить по всей Голландии. Понятно, что 46-летнему Алехину и 50-летнему Капабланке в таких условиях играть было нелегко. Турнир завершился победой самых молодых участников — Кереса и Файна, третьим был Ботвинник, Алехин разделил 4—6-е места с Эйве и Решевским, показавшими 50-процентные результаты.

По окончании АВРО-турнира в Карлтон-отеле Амстердама Алехина посетил Ботвинник и официально вызвал на матч за звание чемпиона мира. О чем еще мог мечтать человек, тоскующий по своей Родине и всем сердцем к ней стремившийся! Да, Алехин был согласен...

Вторая мировая война внесла роковые коррективы в жизненные и шахматные планы Алехина.

Во время Мировой шахматной Олимпиады в Буэнос-Айресе (1939 г.) ее участники узнали о начале войны в Европе. Алехин, возглавлявший команду Франции, в знак протеста не допустил свою команду на матч с немцами, демонстрируя свое неприязненное отношение к гитлеровской Германии. Вернувшись после Олимпиады во Францию, Алехин в начале 1941 г. боролся с фашистами как офицер французской армии. После поражения Франции он попал в немецкий плен, откуда вскоре был освобожден. Его попытка вырваться из воюющей Европы в Южную Америку оказалась неудачной из-за разногласий с женой, которая хотела перед отъездом во что бы то ни стало продать свое недвижимое имущество. Ситуация усугубилась, когда были прерваны дипломатические отношения между Германией и США и жене Алехина, американской подданной, стал грозить арест. Помощь пришла от германской шахмат-

ной федерации, пообещавшей все уладить, но при условии, что Алехин примет участие в Мюнхенском шахматном турнире, в котором должны были играть и некоторые другие мастера оккупированной и нейтральной Европы. И Алехин в этом турнире сыграл... Мужество ему изменяло и в дальнейшем: вплоть до середины 1943 г. он участвовал почти во всех турнирах на территории фашистской Германии.

Случай (приглашение на турнир в Испанию) помог Алехину одному, без жены, вырваться за два года до окончания войны в Мадрид, где он жил, играл в шахматы и дождался Победы.

После войны все попытки Алехина вернуться из Испании в Париж были тщетны, так как франко-испанская граница была закрыта.

В конце 1945 г. Алехин получил официальное приглашение Британской шахматной федерации на турнир в Лондоне. Это была первая послевоенная радость чемпиона мира. Казалось, все возвращается «на круги своя». Радость, однако, очень быстро омрачилась ударом с самой

неожиданной для Алехина стороны: по требованию американских и голландских шахматных деятелей приглашение было аннулировано. Основная причина — якобы имевшие место симпатии Алехина во время войны к немцам. Крушение надежд вызвало у «опального» чемпиона сердечный приступ, едва оправившись от которого он 6 декабря 1945 г. написал письмо организаторам лондонского турнира. Отдельные строки из письма, на наш взгляд, — необходимое дополнение к гражданскому портрету Алехина: «Первое из того, о чем вы меня информировали, — это круг вопросов, касающихся голословно приписываемых мне симпатий во время войны к немцам. Каждый, кто не скован предубеждением, должен был бы понять мои действительные чувства к людям, которые взяли у меня все, что составляет ценность жизни: разрушили мой дом, разграбили замок моей жены и все, чем я обладал, и, наконец, украли даже мое честное имя. Посвятив свою жизнь шахматам, я никогда не принимал участия в чем-либо, не имеющем прямого

отношения к моей профессии. К несчастью, всю мою жизнь — особенно после того, как я завоевал мировое первенство по шахматам, — люди приписывали мне совершенно абсурдные политические взгляды. Около двадцати лет я ношу прозвище «белого русского», что мне особенно больно, так как это делало для меня невозможной связь с моей Родиной, хотя я никогда не переставал любить ее и восхищаться ею...»

Когда совсем отчаявшийся Алехин переехал из Мадрида в местечко Эсториаль, близ столицы Португалии Лиссабона, где продолжал томительное ожидание визы на въезд во Францию, на его имя пришла телеграмма от известного английского шахматного деятеля Дербишайра, в которой сообщалось об имеющемся предложении советского чемпиона Михаила Ботвинника

сыграть матч на первенство мира. Спустя несколько дней и сам Алехин получил письмо Ботвинника от 4 февраля 1946 г. с подтверждением вызова.

«В последний день своей жизни, — вспоминает португальский шахматист и друг Алехина Люпи, — Алехин почувствовал новый прилив энергии. Это был прежний Алехин. Он даже выразил желание пойти вечером куда-нибудь развлечься, но и там не переставал говорить о своем предстоящем матче с Ботвинником».

Увы, 24 марта 1946 г. Алехин скорострительно скончался от паралича сердца. Прах его впоследствии по желанию жены был перевезен в Париж. Надпись на стеле, возвышающейся над его могилой, гласит: «Александр Алехин — гений шахмат России и Франции».

ЭЙВЕ

Трудно назвать гроссмейстерский турнир, начиная с 1923 г., в котором ни один из его участников не применил бы дебют Рети. Идея дебюта заключается в том, что белые позволяют черным создать пешечный центр с тем, чтобы впоследствии подорвать или уничтожить его совместными действиями пешек и соответствующим образом построенных фигур. Автор дебюта — выдающийся чехословацкий

гроссмейстер Рихард Рети (1889—1929 гг.). Время подтвердило глубину, эластичность и стопроцентную корректность его дебюта. Что же натолкнуло Рети на такое изобретение?

Безусловно, главным его вдохновителем был другой известный гроссмейстер, А. Нимцович, который еще в 1913 г., дискутируя с З. Таррашем, высказал мысль о том, что «заменить обладание центром может и давление, производимое собственными фигурами на неприятельский центр»!

Чтобы утвердиться в мысли, высказанной Нимцовичем, Рети нужен был практический толчок, который и имел место в партии, сыгранной им в тренировочном матче с 19-летним шахматистом из Голландии Максом Эйве (черными играл Рети): 1. e4 c6 2. b3! d5 3. ed cd 4. Cb2 Kc6 5. g3 e5 6. Cg2 Ce6 7. Фе2 Фс7 8. Kf3 f6 9. 0—0 Cd6 10. Kc3 a6 11. d4 Ke7 12. de C : e5 13. K : e5 fe 14. Лад1 0—0—0 15. Lfe1 h5 (этот ход Рети сделал не от «хорошей жизни» — его пешечный центр стал слишком ненадежным и требовал поддержки хотя бы

в виде сомнительных фланговых операций) 16. Ka4!

Вот оно — практическое претворение мысли Нимцовича! Позиция белых — подавляющая. После почти вынужденного 16... e4 Эйве сыграл 17. f3! и постепенно реализовал свой позиционный перевес.

Нет, Рети так и не признался, что эта партия была необходимым «стимулятором» для создания его дебюта, но логика подсказывает, что дело обстояло именно так...

Когда один из сильнейших гроссмейстеров мира проигрывает хотя бы одну партию (матч закончился со счетом 3:1 в пользу Рети) 19-летнему юноше, то всегда небезынтересно проследить путь этого человека к успеху.

Макс Эйве родился 20 мая 1901 г. в Амстердаме. Отец будущего чемпиона мира Корнелиус Эйве, учитель церковной школы, и мать Элизабет Эйве были страстными любителями шахмат. Макс освоил правила движения шахматных фигур почти сразу же после того, как начал ходить, а уже в пятилетнем возрасте довольно успешно сражался с родителями.

Маленькая Голландия издавна считалась шахматной страной. Достаточно сказать, что первый голландский шахматный журнал «Sissa» был основан в 1847 г., всего на 11 лет позднее первого в истории шахмат журнала «Паламед», основанного в 1836 г. выдающимся французским маэстро Луи Шарлем Лабурдоннэ в Париже. Не удивительно, что шахматных клубов, или просто шахматных комнат при кафе, в начале XX в. в Голландии было предостаточно. В одно из таких кафе, под названием «Де Рейтер», и привел знакомый семьи Эйве школьника Макса... Спустя два года двенадцатилетний Макс был принят в члены Амстердамского шахматного клуба.

Талантливых шахматистов на земле немало, но для того чтобы кто-либо из них сделал шаг в «высшее шахматное общество», нужны благоприятствующие обстоятельства. Таким «обстоятельством» в шахматной карьере Эйве была, как это ни парадоксально, первая мировая война... Волею судьбы тяготы и последствия войны Голландии коснулись в значительно меньшей степени, чем других европей-

ских стран. Естественно, что Голландию как временную «резиденцию» использовали многие выдающиеся европейские шахматисты: Рети, Тартаковер, Тарраш, Мароци и даже сам «шахматный король» Эммануил Ласкер. Общение с такими шахматными академиком не могло не укрепить талант юного Эйве. В чемпионате Голландии 1919 г. он разделил 2—3-е места с Мейером, пропустив вперед Маршанда. Сразу после чемпионата Эйве сыграл матчи на большинство из 10 партий с обоими призерами: матч с Маршандом закончился вничью (5:5), Мейер был разгромлен (5,5:0,5).

Дебют Эйве в первом для него международном турнире был многообещающим: 4-е место в одном из побочных турниров конгресса в Гастингсе.

В феврале 1920 г. на Эйве обратил внимание гастролирующий в Голландии чемпион мира Ласкер. Когда он потерпел поражение в консультационной партии против Эйве и еще двух голландцев, было очевидно, что в победе этого «трио» главная роль принадлежала Эйве. Получив «знак

качества» из уст самого Ласкера, молодой голландец отправляется на пасхальный турнир в Бромли (Англия), где не попадает в главный финал, но делит 1—2-е места в финале «В». Возвратившись из Англии, Эйве включается в небольшой турнир в Амстердаме, в котором трем гостям Голландии — гроссмейстерам Рети, Мароци и Тартакову — противостояли четыре голландских шахматиста. Эйве выиграл у всех своих соотечественников, сделал ничью с Тартакову, но проиграл Рети и Мароци. Именно этот турнир и последовавший за ним побочный турнир в Гетеборге, где Эйве занял 2-е место, стали важными этапами в формировании его яркой шахматной личности.

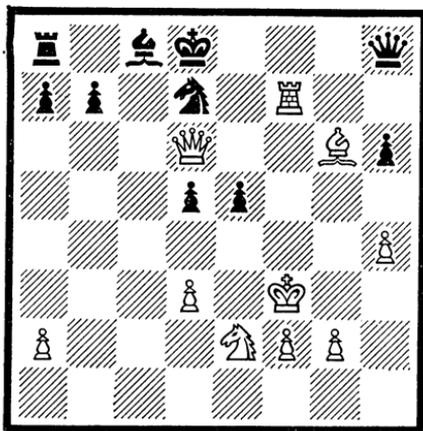
В январе 1921 г. Эйве успешно сдал в университете, где он начал учиться в 1918 г., кандидатский экзамен по математике и, прежде чем продолжить свою дальнейшую работу, связанную с подготовкой к поступлению в докторантуру, решил немножко поиграть в шахматы...

Итак, шахматы — как разрядка от научной работы. Сколько раз Эйве использо-

вал эту формулу, которая на среднем шахматном уровне вполне возможна, но на высшем — сомнительна! До каких высот дошел бы он, если бы выбрал путь шахматного профессионала! Увы, пойти по этому подвижническому пути Эйве не решился...

Всего 8 шахматистов приняли участие в чемпионате Голландии 1921 г. Прежний чемпион Маршанд в нем не выступал, понимая, очевидно, что бороться с быстро прогрессирующим Эйве бесполезно. И Эйве на столь короткой дистанции уже за тур до конца турнира обеспечил себе титул чемпиона Голландии. В этом же, свободном от научной работы, году Эйве сыграл свой второй матч — с гроссмейстером (о первом матче — с Рети упомянуто в начале очерка). На этот раз соперником Эйве был маститый венгерский гроссмейстер, проживавший в то время в Голландии, — Геза Мароци. Матч игрался в два этапа. Первый этап был проведен в августе, его результат: +2, -2, =5. Второй, заключительный, был сыгран в декабре и состоял из трех партий — все они завершились вничью. Комбина-

ция, проведенная Эйве в 6-й партии этого матча, дает наглядное представление о незаурядном тактическом мастерстве тогдашнего чемпиона Голландии.

Эйве, игравший белыми, демонстрирует исключительно изящный путь к победе: 25. Kf4!! (в случае 25. Cf5 черные затягивали сопротивление: 25... Фe8 26. Лg7 a5! — с тем, чтобы следующим ходом сыграть 27... Ла6) 25... ef 26. Cf5 Фe8 27. С : d7 (вот в чем был смысл жертвы коня — не будь ее, черные сейчас взяли бы ладью с шахом) 27... С : d7 (ясно, что в случае 27... Ф : f7 решает 28. Се6+) 28. Лf8. Мароци сдался.

В промежутке между двумя этапами матча с Мароци Эйве принял участие в двух сильных по составу международных турнирах. Если результат на турнире в Будапеште можно назвать более или менее сносным — 6-е место при 12 участниках (1-е — Алехин, 2-е — Грюнфельд, 3—4-е — Костич и Тартаковер), то результат в аналогичном турнире в Гааге был катастрофическим — 9-е место при 10 участниках (1-е — Алехин, 2-е — Тартаковер, 3-е — Рубинштейн).

После гаагского провала Эйве пришел к выводу, что математика для него важнее шахмат. В 1922 г. после упорной подготовки он сдает экзамен и получает диплом преподавателя математики высшей школы.

Однако известно, что тот, кто вкусил специфическое волнение шахматной битвы, прочувствовал ее горечь и сладость, пережил тягостные минуты ожидания следующей битвы, не изменит шахматам никогда! И вот Эйве снова за шахматной доской, на этот раз на турнире в Пиштьяне, посвященном памяти безвременно умершего талантливого венгерского мастера Дью-

лы Брейера. И вновь шахматные авторитеты занимают в турнирной таблице более высокие ступеньки (1-е — Боголюбов, 2—3-е — Алехин и Шпильман, 4-е — Грюнфельд, 5-е — Рети), нежели рвущийся в бой представитель Голландии. Лишь 11-е место достается Эйве и в большом Лондонском турнире 1922 г.

Внедрение Эйве в шахматную элиту состоялось в июле 1923 г., на очень сильном турнире в чешском городе Остраве Моравской, где победителем стал 54-летний экс-чемпион мира Ласкер, вторым был Рети, третьим — Грюнфельд. Эйве разделил 5—6-е места с гроссмейстером Тартаковером.

Вероятно, голландских поклонников Эйве вполне устраивали его результаты. Это и понятно: шахматист, способный в отдельных поединках побеждать сильнейших гроссмейстеров мира, — редкое явление в маленьких странах типа Голландии. В этой связи понятен восторг корреспондента голландского шахматного журнала «Тийдскрифт» по поводу сдачи Эйве 7 ноября 1923 г. экзамена на степень доктора наук: «Эйве доказал,

что работа и игра в шахматы — прекрасная игра! — могут идти рядом».

Конечно, игра Эйве той поры не соответствовала уровню будущего чемпиона мира, если вспомнить, что Капабланка в возрасте 22 лет уже обыграл «всю Европу» в Сан-Себастьяне, а 22-летний Ласкер был в принципе готов к борьбе за мировую корону. Путь Эйве к своему звездному часу сугубо индивидуален — в нем не было ранней шахматной зрелости, блеска и стремительности, столь характерных для других чемпионов мира. Причина всего — его постоянная раздвоенность: математика и шахматы. Ласкер, правда, тоже занимался математикой, но он варьировал: или-или...

Выиграв рождественский турнир 1923—1924 гг. в Гастингсе, Эйве сразу же после его окончания в январе 1924 г. приступил к преподавательской работе в лицее города Винтерсвейка.

Почти весь 1925 г. затрачивает Эйве на докторскую диссертацию, которую защищает 28 апреля 1926 г. Не думал тогда новоиспеченный доктор, что 1926 г. станет

важнейшей вехой на его пути к мировому шахматному трону.

Руководители амстердамского клуба ФАС, цвета которого защищал Эйве, решили дать возможность своему шахматному лидеру сыграть тренировочный матч с кем-либо из шахматных звезд. Нежданно-негаданно согласие на такой матч дал основной претендент на шахматную корону, готовившийся к матчу с Капабланкой, — Алехин.

Матч Эйве — Алехин был сыгран на стыке 1926 и 1927 гг. в различных городах Голландии. После первых трех партий, а сыграть их предстояло десять, счет был 2,5:0,5 в пользу Алехина и создавалось впечатление, что игра идет «в одни ворота». Но, начиная с 4-й партии, удивленные голландцы увидели совершенно иное: инициатива перешла к Эйве — он сделал ничью в 4-й партии, чуть не выиграл 5-ю (имея безнадежную позицию, Алехин сумел добиться ничьей) и после ничьей в 6-й победил своего грозного противника в 7 и 8-й партиях. Перед заключительной 10-й встречей счет матча стал 4,5:4,5 — это уже была сенса-

ция. В последней партии Эйве, игравший белыми, был настроен слишком благодушно, Алехин — совсем наоборот: перед игрой он сообщил Эйве, что будет играть ва-банк, и свое обещание сдержал — в головоломной и рискованной борьбе он начисто переиграл своего менее искушенного противника, одержав общую победу в трудном матче со счетом 5,5 : 4,5...

Поражение от Алехина с минимальным счетом помогло Эйве взглянуть на свое шахматное хобби более оптимистично — он понял, что в шахматах способен на большее.

В Голландии был создан специальный «Комитет Эйве», роль которого сводилась к моральной и материальной поддержке голландского шахматного кумира. Новый успех ждал Эйве на I Мировой шахматной Олимпиаде в Лондоне в 1927 г. Он показал лучший результат на первой доске — 10,5 очка из 15 возможных. Неплохо выступила и команда Голландии в целом, занявшая 4-е место среди 16 команд.

В августе 1927 г. увидела свет первая книга Эйве «Уро-

ки шахматной игры». Этот отлично написанный учебник является одним из лучших шахматных пособий и в наши дни. Еще много книг написал впоследствии Эйве, но наиболее значительные из них — «Курс шахматных лекций» и «Стратегия и тактика».

Знакомясь с шахматной биографией Эйве, можно с уверенностью сказать, что в 1928 и 1929 гг. заниматься математикой ему было некогда. Первым в цикле его выступлений был матч с чемпионом Бельгии Эдгаром Колле, окончившийся легкой победой со счетом 5,5 : 0,5. Далее был матч с гроссмейстером Ефимом Боголюбовым. Матч проходил под эгидой созданной в 1924 г. Международной шахматной федерации (ФИДЕ), которая на заре своего существования руководствовалась олимпийскими принципами, то есть не признавала шахматистов-профессионалов. Правда, очень сомнительно, что Боголюбов был любителем... Тем не менее победитель матча Боголюбов — Эйве по замыслу ФИДЕ объявлялся чемпионом ФИДЕ. И Боголюбов, победив с минимальным счетом 5,5 : 4,5,

стал первым обладателем этого титула.

Спустя несколько месяцев в Гааге был проведен турнир за звание чемпиона мира среди любителей. Шахматистом гроссмейстерского уровня среди его участников был лишь Эйве — он и стал чемпионом мира среди любителей. Проверку боем столь почетное, но вызывающее улыбку у профессионалов звание прошло на представительном по составу участников (Капабланка, Боголюбов, Рубинштейн, Маршалл, Шпильман, Нимцович и др.) турнире в Киссингене. Дележ 3—4-го мест с Рубинштейном (впереди были Боголюбов, Капабланка) — совсем неплохой результат для «любителя». Во всяком случае, специалисты понимали, что чемпион мира среди любителей имеет определенный потенциал для последующей борьбы с чемпионом среди профессионалов. На турнире в Киссингене, пожалуй, самым драматичным был поединок Эйве с Капабланкой, в котором, получив безнадежную позицию, Эйве отчаянно защищался, и когда Капабланка, имеющий флангу грозных проходных пешек против коня Эйве, сделал один

неосторожный ход, конь фантастическим образом сдержал всю эту пешечную цепь — и партия закончилась вничью. «Надо же, какой конь!» — не удержался после партии скупой на проявление эмоций Капабланка.

Рождественские праздники 1928/29 г. претендент на звание чемпиона мира Боголюбов провел в Голландии — он сыграл еще один матч с Эйве, в котором вновь голландец оказался менее удачливым (4,5 : 5,5).

Трудно согласиться с исследователями творчества Эйве, считающими успешным его выступление на знаменитом Карлсбадском международном турнире 1929 г. Да, турнир был действительно отличным: все звезды мировых шахмат, за исключением Алехина и Ласкера, участвовали в нем. Успех сопоставил гроссмейстеру Нимцовичу, опередившему на пол-очка Капабланку и Шпильмана, 4-е место досталось Рубинштейну, и лишь следующий результат был у Эйве, набравшего столько же очков, сколько гроссмейстер Видмар и австрийский мастер Беккер. Вряд ли Эйве был доволен таким результатом, не-

смотря на то, что опередил 15 шахматистов, в том числе таких известных, как Боголюбов, Грюнфельд, Земиш, Томас и др. Для шахматиста, прошедшего почти в равной борьбе матч с великим АLEXANDER АЛЕХИНЫМ, дележ 5—7-го мест в турнире любого ранга удачей назвать нельзя. Отсюда понятно, почему после Карлсбада Эйве вновь ушел в математику. Но и в этой области его ожидала раздвоенность: с одной стороны, его привлекала педагогическая деятельность, в которой он явно делал успехи, с другой, — хотелось заниматься математическими исследованиями. В то же время и шахматная страсть не исчезла, а разгоралась с новой силой.

Иногда «шахматный голод» полезен. Во всяком случае, рождественский турнир 1930/31 г. в Гастингсе — тому подтверждение: Эйве закончил его первым, вторым был недавний чемпион мира Капабланка, который, конечно же, изо всех сил старался поддержать свой несколько пошатнувшийся престиж, а третьим — легендарный Султан-Хан, приехавший в 1929 г. в Англию со своим «господи-

ном» из Индии и показавший в первом же английском турнире подлинно гроссмейстерский класс (в 1933 г. Султан-Хан так же загадочно исчез, как и появился...) «Комитету Эйве» представился очень удобный повод для организации матча своего кумира с вице-чемпионом мира Капабланкой... Профессионализм Капабланки оказался для Эйве непреодолимым: восемь ничьих и две победы Капабланки — таков итог матча. Капабланка даже не подозревал, что через каких-то пять лет победа в матче над Эйве будет для него исключительно престижной...

Гастингс 1931—1932 гг. был для Эйве менее удачен — он занял 3-е место, уступив первые два гроссмейстеру С. Флору и будущему гроссмейстеру Кэждену (США); четвертым был Султан-Хан. Зато последовавший за Гастингсом матч с одним из сильнейших гроссмейстеров того времени — Флором Эйве провел достойно: каждый из противников одержал по три победы при десяти ничьих.

Отличную игру показал Эйве в июле 1932 г. на турнире в Берне, где помимо

него в этом шахматном споре участвовали Алехин, Флор, Бернштейн и Султан-Хан. Однако игра чемпиона мира была еще более впечатляющей: Алехин стал первым с результатом 12,5 из 15, у Эйве с Флором был второй результат и на очко меньше.

Анализ турнирных и матчевых выступлений Эйве в конце 20-х и начале 30-х годов позволяет установить, что класс его игры был на уровне сильнейших шахматистов мира — Флора, Боголюбова, Нимцовича и Рубинштейна. В 1933 г. только двух шахматистов наверняка можно было поставить выше Эйве — чемпиона мира Алехина и Капабланку, хотя в 1933 г. стало ясно, что свой пик Капабланка уже прошел. Лучшие результаты Боголюбова, Рубинштейна и Нимцовича были тоже позади. Наиболее яркие представители «новой волны» — Ботвинник, Решевский, Файн — были еще только на подходе. В создавшейся ситуации кандидатуры Флора и Эйве на матч с чемпионом мира считались, пожалуй, наиболее логичными — их шахматный потенциал был еще далеко не исчерпан. Однако Эйве, всегда отличав-

шийся скромной оценкой своих возможностей, решил, очевидно, что до претендента он не дорос (маловато первых мест в крупных турнирах), а раз так, то не лучше ли переключить свою энергию полностью на любимую математику — ведь профессорское звание значительно надежнее в жизни, нежели гроссмейстерское...

Трудно представить, сколько лет длился бы этот уход Эйве в математику, если бы не... Алехин. Только человек, безумно любящий шахматы, и неутомимый борец за их достойное место в человеческом обществе мог предложить Эйве столь невиданное мероприятие: большой океанский лайнер плывет из Европы в Индонезию и затем возвращается обратно, на его борту два гроссмейстера, один из которых — чемпион мира, другой — вроде бы рвущийся к этому званию, достаточно популярный в мире шахматист, играют матч из 10 партий (5 — на пути в Индонезию, 5 — на обратном пути). Чтобы разжечь интерес Эйве к своему предложению, Алехин готов был считать этот поединок официальным матчем на зва-

ние чемпиона мира. Письмо с таким предложением Алехина было получено Эйве осенью 1933 г., в самый разгар его занятий любимой математикой. Всерьез предложение чемпиона мира он воспринять, конечно, не мог. Однако утверждение голландских биографов Эйве о том, что он, якобы, отложил письмо Алехина в сторону и забыл о нем, восприниматься всерьез также не может. Наверняка письмо Алехина внесло определеннный переполох в тогдашнее математическое уединение голландца. И, конечно, австрийскому мастеру Кмоху, проживавшему тогда в том же городе, что и Эйве, и узнавшему о содержании письма Алехина, не стоило большого труда убедить Эйве в том, что матч на звание чемпиона мира ему следует сыграть.

А дальше дела пошли «как по маслу»: предложение о «матче в океане» было пересмотрено, так как 30 партий в разных городах Голландии при наличии идеальных условий, которые гарантировал специально созданный голландцами комитет по подготовке матча, для Алехина тоже бы-

ли вариантом, соответствующим его устремлениям.

До начала матча оставалось немногим более полутора лет. И за этот короткий срок Эйве преуспел, как никто. Принципы, которыми он руководствовался в процессе подготовки к матчу, и методика этой подготовки известны. Об этом рассказали сам Эйве, его помощники и биографы. Однако практическое осуществление этой поистине титанической подготовки удивительно!

Да, моральное право на матч с Алехиным Эйве имел, и, как уже упоминалось, его конкурентами в то время могли быть лишь Капабланка и Флор. Но ведь класс его игры, да еще применительно к матчу, был явно ниже алехинского. Как удалось Эйве за полтора года свести эту разницу до минимума, а в ряде компонентов шахматной борьбы превзойти своего гениального противника?! Для этого нужно было быть самому гением шахмат! Почему-то до сих пор так громко называть голландского гроссмейстера никто не решался, хотя «гением порядка» его все же называли. Думается, что любой

из чемпионов мира достоин того, чтоб называться шахматным гением.

В процессе подготовки к матчу Эйве принял участие в очень сильном по составу турнире в Цюрихе, где первым к финишу пришел Алехин с отличным результатом: 13 очков из 15 возможных; Эйве разделил 2—3-е места с Флором, отстав от Алехина на одно очко, но... выиграл у чемпиона мира личную встречу. Это было симптоматично. Правда, затем последовала неудача в Ленинграде, где Эйве вместе со своим шахматным помощником, мастером Кмохом, испытал на себе силу быстро прогрессирующих советских мастеров. Последним турниром перед матчем был рождественский турнир в Гастингсе, подтвердивший достаточно высокий класс Эйве: он разделил 1—3-е места с Флором и Томасом (4-м был Капабланка, 5—6-е места распределились между Ботвинником и Лилиенталем).

Матч на первенство мира начался 3 октября 1935 г. в Амстердаме, и в первой же партии Алехин разгромил Эйве в 30 ходов. Единственным утешением для голланд-

ца служило то, что он пал жертвой глубочайшей домашней заготовки Алехина.

Несколько приунывшие поклонники Эйве воспряли духом, когда уже во 2-й партии претендент взял убедительный реванш. В острейшей борьбе, в которой Эйве, игравший белыми, при полной доске фигур держал своего короля в центре до 29-го хода, было за что «страдать», так как он имел лишнюю пешку. Решающую ошибку допустил Алехин в цейтноте. Сильная проходная пешка белых решила исход борьбы...

3 и 4-я партии матча напоминали игру в «кошки-мышки». Алехин энергично и изобретательно атаковал. Защита Эйве была примитивной и потому обреченной. В 5 и 6-й партиях голландец словно воспрянул от оцепенения: продемонстрировав надежную и остроумную защиту, он добился двух ничьих. Однако появившиеся было надежды омрачились поражением в следующей, 7-й, партии, в которой Алехин, чувствуя некоторую нерешительность Эйве, сыграл настолько экстравагантно и, по мнению присутствующих на матче гроссмейстеров,

авантюрно, что создалось впечатление, будто он может играть со своим противником «как угодно». 2:5 — мрачное начало для претендента!

Как будто уверовав в свою безнаказанность, Алехин очень рискованно разыграл черными дебют 8-й партии. На этот раз Эйве был на высоте. Переведя игру в лучшее окончание, он выиграл пешку и в день доигрывания четко реализовал своей перевес.

9-я партия матча — и вновь (который уже раз за столь короткую «дистанцию»!) крушение надежд. Опять Алехин предстает перед претендентом и зрителями во всем блеске своего таланта. Дебютные маневры чемпиона мира были гениальны, а едва заметная неточность при переходе в эндшпиль не помешала ему виртуозно довести свой перевес до победы. 6:3!

При ознакомлении с 10-й партией матча возникает ощущение, что Алехин намеревался нанести своему противнику еще один психологический удар, как и в 7-й партии, показать всем, что может играть с Эйве «как угодно». Иначе трудно понять, как мог чемпион мира создать в сво-

ей позиции столько слабых мест в течение 12 дебютных ходов! Вторая версия столь антипозиционной игры Алехина — его настроение (см. предыдущий очерк). Эйве легко опроверг вычурную игру Алехина и победил. Счет 4:6 уже не выглядел для него столь безнадежным, важно было хотя бы удержать эту разницу в очках в следующей партии, где Алехин играл белыми. И Эйве устоял.

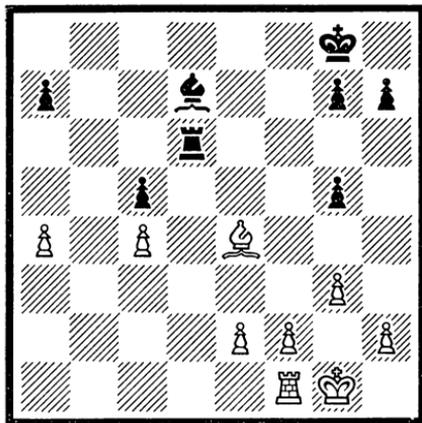
Как утверждают очевидцы, на 12-ю партию Алехин явился настроенным очень оптимистично, заявив, что будет играть с полной отдачей сил, ибо жаждет победы. К сожалению, борьбы в этой партии не получилось. Совершив один за другим два серьезных прочета, Алехин уже к 16-му ходу оказался в безнадежном положении. Последовавшая 20-ходовая «агония» была совершенно излишней для истории матчей на первенство мира.

Выигрышный эндшпиль получил Эйве в 13-й партии, но, допустив несколько неточностей, дал возможность Алехину добиться ничьей.

Словно исправляя ошибку, допущенную в предыдущей

партии, в 14-й партии матча Эйве свой перевес в эндшпиле методично довел до победы. Таким образом, спустя ровно месяц после начала матча счет сравнялся—7:7. Учитывая, что в последних пяти партиях (с 10-й по 14-ю) Алехин набрал лишь одно очко, сложившаяся ситуация в психологическом отношении явно благоприятствовала Эйве. Последующие пять партий матча прошли под знаком волевого напора Алехина—ему удалось в напряженнейшей борьбе взять верх в 16 и 19-й партиях, после чего счет стал 10,5:8,5 в его пользу. Но Эйве было уже ясно, что Алехин борется из последних сил и победить его вполне возможно. 20-я партия матча показала, что это действительно так. Был разыгран тот же вариант Славянской защиты, что и в 1-й партии, только с перемещенной цвета фигур. Однако наилучшей защиты против им же самим запатентованного варианта Алехин продемонстрировать не смог. Эйве вышел из дебюта с ощутимым позиционным перевесом и выиграл пешку. Алехину показалось, что он ее быстро отыграет, и он сыграл 27... С: а4?

Как ни странно, если бы черные оставили у белых лишнюю пешку, то реализовать ее было бы не так просто. Теперь же Эйве демонстрирует элегантный выигрыш. 28. Сd5+ Крf8 29. Ла1 Ла6 30. Ла2! (в

этом все дело! Черные намеревались посредством 30... Сb5 освободиться от связки, но после хода Эйве это невозможно, так как после 31. сb ладья будет защищена слонном) 30... Кре7 31. f4 gf 32. gf Крf6 (конечно, можно было сыграть 32... Лg6+ и увести из-под боя слона, но ценой пешки «a7» и решающей активизации белой ладьи) 33. e4 g5 34. f5 h5 35. h4 gh 36. Крh2

Kpg5 37. Kph3 Ла5 (черные в цугцванге) 38. Сб7 Kpf6 39. Cd5 Kpg5 40. Сб7 Kpf6 41. Сс8! Этот ход был записан Эйве перед откладыванием партии. Угрожает 42. Cd7. Доигрывания не было — Алехин сдался.

В следующей, 21-й, партии Алехин пал жертвой дебютной разработки Эйве в злободневном для матча варианте Славянской защиты. Счет сравнялся. Впереди 9 партий, и Эйве значительно свежей, оптимистичнее своего нервного и явно испытывающего депрессию противника.

Всего 17 ходов продолжалась 22-я партия — ничья. Такой же результат был зафиксирован в 23 и 24-й партиях, в первой из которых «повезло» Алехину, во второй — Эйве.

Поняв, что наступила пора решительных действий, Алехин провел 25-ю партию в стиле ва-банк. Жертвы трех пешек, а затем и фигуры Эйве принял хладнокровно и, проведя несложную контркомбинацию, которую чемпион мира проглядел, реализовал свой материальный перевес. В следующей, 26-й, партии Алехин ради обострения игры

разыграл довольно рискованный вариант Голландской защиты, получил худшую позицию и после остроумной жертвы фигуры, предпринятой Эйве, не проявив обычной изобретательности, вынужден был признать свое поражение. Стало ясно, что дела чемпиона мира плохи, ибо отыграть на финише два очка у вдохновенного голландца было архитрудной задачей. В этой ситуации Алехин сумел одержать великолепную победу в 27-й партии, но на большее у него не хватило сил — 28 и 29-я партии закончились ничью.

Последняя, 30-я, партия матча игралась в Амстердаме 15 декабря. Дворец Бельвью собрал около 2000 зрителей. Это был мировой рекорд по посещаемости шахматных зрелищ. Алехин снова играл «ва-банк», но на этот раз его можно было понять. Эйве, напротив, вел партию в высшей степени аккуратно и солидно. На 41-м ходу было подписано ничейное соглашение. Свои полномочия Алехин сдал торжественно и красиво. Он пожал руку Эйве, встал и на немецком языке произнес: «Да здравствует чемпион мира

Эйве, да здравствует шахматная Голландия!»

Новый чемпион мира отдыхал от матча недолго. По окончании рождественских каникул 1935/36 г. он сразу же вернулся к... преподавательской деятельности, которую, кстати, не прекращал и в процессе подготовки к только что закончившемуся матчу.

В своих публичных выступлениях после матча Эйве всегда говорил, что званием чемпиона мира владеть долго не будет — он, вероятно, понимал, что «чистым» шахматным профессионалом стать не сможет, а конкуренции со стороны подлинных профессионалов ему не выдержать. Подписав договор о матч-реванше с Алехиным, Эйве для поддержания формы выступил в трех крупных турнирах: в Зандворте, Ноттингеме и Амстердаме. И хотя в этих выступлениях не было алехинского блеска, они все же были свидетельством высочайшего шахматного класса: в Зандворте Эйве был вторым (7,5 из 11), отстав на очко от восходящей американской звезды Файна, но опередив Боголюбова, Кереса, Тартаковера и других; в выдающемся Ноттингемском

турнире разделил 3—5-е места с Решевским и Файном, отстав на пол-очка от победителей — Ботвинника и Капабланки, но оказавшись впереди Алехина, Ласкера, Флора, Боголюбова и других; на небольшом турнире в Амстердаме стал победителем (вместе с Файном), третьим был Алехин...

Получив титул чемпиона мира, Эйве совершил благороднейший жест в деле упорядочения борьбы за первенство мира: он передал полномочия на организацию соревнований за звание чемпиона мира ФИДЕ. (Эти полномочия должны были вступить в силу после матч-реванша Эйве — Алехин.)

Матч-реванш двух великих шахматистов начался 5 октября 1937 г. в Гааге. Начало его было многообещающим для Эйве, который одержал убедительную победу уже в 1-й партии. И хотя во 2-й партии Алехин взял не менее убедительный реванш, счет в матче после первых пяти партий стал 3:2 в пользу Эйве. Дальнейший ход борьбы показал идеальную подготовленность Алехина и растерянность Эйве, увидевшего Алехина словно

«возрожденным из пепла». Эйве проиграл матч со счетом 9,5:15,5. После матча в прессе появилась статья Эйве с весьма символическим заголовком — «Некролог», в которой Эйве сделал следующее признание: «Алехин играл изумительно, и я не стыжусь, что был побежден таким противником. Но я оплакиваю свой разгром в конце матча. Он был таков, что цифровой итог матча может повести к неправильным выводам относительно все же высокого качества игры, проявленного во время матча...»

«Некрологом» можно было бы и закончить рассказ об экс-чемпионе мира по шахматам Максе Эйве, ибо после проигрыша Алехину кривая шахматных успехов голландского гроссмейстера не достигала особо высоких точек, если не считать выдающегося послевоенного шахматного турнира 1946 г. в Гронингене, где он в упорнейшей борьбе уступил первый приз находящемуся в расцвете таланта Михаилу Ботвиннику.

Неудачной была и последняя попытка Эйве побороться

за шахматную корону на матч-турнире пяти сильнейших гроссмейстеров мира в 1948 г.

В когорте сильнейших шахматистов мира Эйве занимал достойное место приблизительно 15 лет (1931 — 1946 гг.). Он был не только великим шахматистом, но и большим общественным шахматным деятелем, как в своей родной Голландии, так и во всем мире, с 1970 по 1978 г. занимая пост президента ФИДЕ. Советские шахматисты всегда с большим уважением относились к маститому экс-чемпиону мира. В мае 1981 г. чемпион мира Анатолий Карпов, несмотря на занятость, связанную с подготовкой к очередному матчу на первенство мира, принял участие в Амстердамском международном турнире. Отказать организаторам Карпов не мог: ведь турнир был посвящен 80-летию Эйве. Свой юбилей Эйве пережил всего лишь на полгода. 27 ноября 1981 г. он скончался в амстердамской больнице от сердечного приступа.

БОТВИННИК

«Лучше бы стал художником, — убеждала мать и, по-няв, что это ее пожелание не очень убедительно, продолжила: — Надеешься, что Капабланкой будешь?» Вряд ли в тот момент мать тринадцатилетнего Миши Ботвинника, встревоженная вступлением сына в члены Петроградского шахматного собрания, думала, сколь пророческие слова она произнесла.

Нет, он не стал Капабланкой, но занял место в шахматной истории не менее значительное. Не стал он и художником в прямом смысле этого слова, но стал выдающимся художником в шахматном искусстве...

20 ноября 1925 г. чемпион мира по шахматам Капабланка, участвовавший в I Московском международном турнире, в свободный от игры день прибыл в Ленинград. В этот же день тридцать ленинградских шахматистов, большинство из которых было первока테고орниками, встретились с ним в Малом зале филармонии в сеансе одновременной игры. 18 партий в этом сеансе Капабланка выиграл, 8 сыграл вничью и 4 проиграл. Учитывая достаточно высокую квалификацию противников чемпиона, результат этот можно считать почетным для обеих сторон. Но была в этом сеансе и сенсация: четко используя дебютную неосторожность сеансера и продемонстрировав высокую технику в эндшпиле, чемпиона мира победил 14-летний Миша Ботвинник. Этот эпизод стал началом шахматной известности будущего чемпиона мира.

Путь Ботвинника в большие шахматы необычен. Он не занимался ни в одном из шахматных кружков, не имел конкретного учителя (тренера). Каким же образом ему, научившемуся играть в шахматы в возрасте 12 лет, удалось уже к 14 годам достичь силы первой категории (в среднем шахматисты первой категории тех лет были несколько сильнее нынешнего обладателя первого разряда)? Слово самому Ботвиннику: «Шахматы — типичная неточная задача, подобная тем задачам, которые людям приходится постоянно решать в своей повседневной жизни (переход улицы, судебное дело, оркестровка мелодий, управление предприятием и т. д.). То, что шахматы придуманы человеком, в то время как иные неточные ситуации возникают как бы помимо воли людей, не имеет существенного значения с точки зрения методики решения. Важно то, что человеку для решения подобных неточных задач сначала необходимо ограничить проблему (иначе он в ней потонет), и лишь после этого появляется возможность для более точного решения... Думаю, что способность ре-

шать подобные задачи — ею в разной мере обладают все люди — передается по наследству, как музыкальный слух, физическая ловкость, память и прочее, но талант этот может проявиться, конечно, лишь в благоприятной среде. Вероятно, я имел определенное предрасположение к успешному решению неточных задач, и когда познакомился с шахматами, то в условиях советского общества и смог посвятить им значительную часть своих помыслов, сил и времени».

Ленинград издавна считался шахматным городом. В этом городе, когда он еще именовался Петербургом, в начале и середине XIX в. демонстрировали свое удивительное искусство первые российские шахматные мастера А. Петров, К. Яниш, Д. Урусов, И. Шумов. В Петербурге во второй половине XIX в. жил выдающийся шахматный организатор и педагог Э. Шифферс. Был петербуржцем и основоположник отечественной шахматной школы М. Чигорин. Бурлила шахматная жизнь в Ленинграде и в 20-е годы нынешнего столетия. Не случайно именно из этого го-

рода вышли видные советские шахматные организаторы: А. Ф. Ильин-Женевский, П. А. Романовский. Я. Г. Рохин, Г. А. Гольдберг. Сильнейшие шахматисты Ленинграда в те годы были и ведущими шахматистами страны. Поэтому дележ Ботвинником 2—3-го мест с Ильиным-Женевским в чемпионате Ленинграда 1926 г. рассматривался как предварительная заявка на участие в самых сильных советских турнирах. Чемпионат СССР 1927 г. принес Ботвиннику дележ 5—6-го мест и звание мастера. Стать мастером по шахматам в шестнадцать лет— явление редкое и в нынешние времена, а в те далекие годы этот факт был просто уникальным.

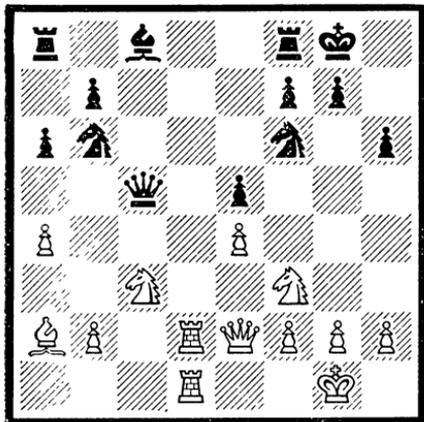
Чемпионат страны 1929 г. оказался для юного мастера неудачным— он не вышел в финал. Но уже тогда начал формироваться ставший впоследствии образцом для подражания удивительный спортивный характер Ботвинника. Уже тогда он стал серьезно задумываться о методах подготовки шахматиста к соревнованиям, поставил перед собой цель— научиться хорошо анализировать и комментиро-

вать партии. О результатах своей работы в этом направлении Ботвинник впоследствии откровенно рассказал в книгах «Матч Флор—Ботвинник» и «Одиннадцатое все-союзное шахматное первенство».

В ноябре 1931 г., показав характер настоящего шахматного бойца, Ботвинник уверенно выиграл чемпионат СССР, опередив ближайшего конкурента— талантливого московского мастера Н. Рюмина на два очка. Нового чемпиона страны можно было охарактеризовать как шахматиста с оригинальным и глубоким стратегическим мышлением. Творческим откровением для того времени был путь, избранный Ботвинником для реализации позиционного преимущества в партии с мастером Н. Сорокиным.

20. Фе3!! Такой ход удивил бы, вероятно, самого Стейница, а строго классический Тарраш был бы просто шокирован подобной позиционной «беспардонностью». Ботвинник же объяснил все довольно просто: «С разменом ферзей слабости позиции черных становятся ощутимее. Усиливается давление белых по линии «d»,

для защиты пешки е5 черным придется разменять слона на коня f3, после чего ослабляются и ферзевой фланг, и пункт f7».

Сорокин разменялся ферзями (уйти от размена было бы совсем плохо) и постепенно партию проиграл, ибо позиционные плюсы белых за сдвоенную пешку оказались подавляющими. Ход Ботвинника 20. Фе3 с полным правом может быть отнесен к классическим примерам «неэстетичных» стратегических разменов, приводящих к решающим позиционным приобретениям. Немало подобных ходов сделал

в своей турнирной практике Ботвинник. Этот его прием широко используется сильнейшими шахматистами современности.

В первенстве 1931 г. участвовали не все ведущие мастера дореволюционного поколения, поэтому кое-кому новый чемпион казался неполновесным. Следующий чемпионат СССР состоялся в 1933 г. и собрал всех сильнейших шахматистов страны. Когда Ботвинник победил и на этот раз, всем стало ясно, что у советских шахматистов появился безусловный лидер. Качество его игры не оставляло сомнений в том, что он способен бороться на равных с ведущими гроссмейстерами Запада. В это время тогдашний чемпион Чехословакии, один из сильнейших шахматистов мира, гроссмейстер С. Флор проявил явную заинтересованность шахматными делами в стране Советов и предложил свои услуги для «проверки» молодого советского чемпиона...

Интерес к матчу Флор — Ботвинник был огромный. Первая половина его проходила в Москве, в переполненном болельщиками Колонном зале

Дома Союзов. Она оказалась неудачной для нашего чемпиона. Две победы Флора при четырех ничьих делали ленинградскую половину матча, по мнению некоторых специалистов, лишь пустой формальностью. Однако другая половина матча носила совершенно иной характер: одержав впечатляющие победы в 9 и 10-й партиях, Ботвинник был близок к победе и в 11-й партии, которую Флору с колоссальным трудом удалось спасти. Окончательный счет матча 6:6 означал, что в лице Ботвинника Советский Союз имеет шахматиста, готового к победам на самом высоком уровне. Дополнительное подтверждение высочайшего класса Ботвинника было получено почти сразу: Флор из Ленинграда отправился на сильный международный турнир в Гастингс, где занял первое место, опередив на пол-очка чемпиона мира Алехина.

Окончательное утверждение Ботвинника в составе мировой шахматной элиты произошло в 1935 и 1936 гг. Это были II Московский международный турнир, в котором Ботвинник разделил 1—2-е места с Флором (впереди Ласкера, Капа-

бланки и других сильных шахматистов), III Московский международный турнир, принесший Ботвиннику второй приз (первым призером был переживавший «вторую молодость» Капабланка), впереди Ласкера, Флора, Лилиенталя, Левенфиша, Рюмина и других, и, наконец, турнир в Ноттингеме... Про турнир в английском городе Ноттингеме, начавшийся 10 августа 1936 г., гроссмейстер С. Тартаковер писал: «Турнир — экстраординарный! Здесь удалось собрать всех чемпионов мира, кроме мертвых...»

Чемпион мира голландский гроссмейстер М. Эйве (в 1935 г. он выиграл этот титул у Алехина), экс-чемпионы мира А. Алехин, Х. Р. Капабланка, Эм. Ласкер, молодые гроссмейстеры, считавшиеся реальными претендентами на мировую корону: Р. Файн, С. Решевский, С. Флор, гроссмейстеры-ветераны, сохранившие еще достаточно высокий класс: Е. Боголюбов, С. Тартаковер, М. Видмар — вот имена тех, кто навечно вписал Ноттингем в шахматную историю.

В 5-м туре Ноттингемского турнира произошло шахматное

знакомство Ботвинника с Алехиным. Небезынтересен рассказ самого Ботвинника о ситуации, возникшей в их партии после 14-го хода игравшего белыми Алехина: «Думаю минут 20 и нахожу спасение. Правда, надо пожертвовать двух коней, но повторение ходов гарантировано. Коней жертвую, однако перед тем, как повторить ходы, задумываюсь — риска уже нет... Боже мой, что случилось с Александром Александровичем! Контригру черных он в анализе проглядел, и когда я задумался, то решил, что еще чего-то не видит, раз я не тороплюсь форсировать ничью. Галстук у него развязался, пристежной воротничок свернулся на сторону, поредевшие волосы растрепались. Когда мы согласились на ничью, он еле успокоился...»

Турнир в Ноттингеме закончился триумфом Ботвинника, разделившего 1—2-е места с Капабланкой, но, по общему признанию, показавшего значительно более яркую игру, нежели с трудом настигнувший его к последнему туру великий кубинец.

1936—1948 гг. — решающий этап в шахматной биографии

Ботвинника. Именно в эти годы ему суждено было продемонстрировать свое превосходство над всеми остальными гроссмейстерами, рвавшимися к шахматной короне. 12 лет — срок значительный. Безусловно, он был бы намного короче, если бы не Великая Отечественная война и если бы... Здесь наступает самый момент сказать несколько слов о другом призвании Ботвинника. В 1932 г. чемпион СССР закончил электромеханический факультет Ленинградского политехнического института и сразу же поступил в аспирантуру. Кандидатскую диссертацию он защитил 28 июня 1937 г., спустя 10 месяцев после блестящей победы в Ноттингеме. Вся шахматная биография Ботвинника теснейшим образом переплетается с биографией Ботвинника-электротехника. Его перу принадлежат ряд статей и книг по электротехнике, имеющих несомненную ценность для специалистов. Забегая вперед, хотелось бы отметить характерный штрих в разностороннем облике Ботвинника: докторскую диссертацию он защитил 28 июня 1951 г., спустя 48 дней после окончания труд-

нейшего матча на звание чемпиона мира с гроссмейстером Д. Бронштейном. В 1960 г. в университете имени Гумбольдта в Берлине Ботвинник прочел лекцию «О машинной игре в шахматы». Это символизировало начало работы по созданию так называемого «электронного гроссмейстера».

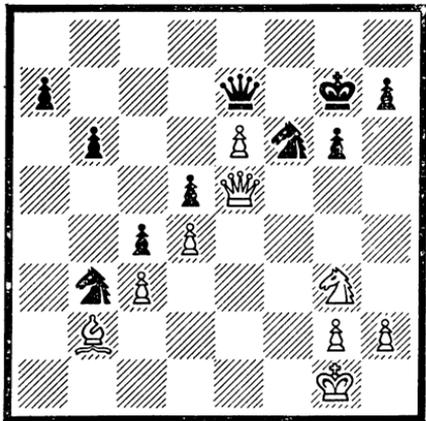
Как ни странно, именно Ботвинник, продуктивнейшим образом сочетающий шахматы с наукой, может служить образцом, с точки зрения умения работать над шахматами, для современных шахматистов-профессионалов. Отточенное профессиональное мастерство его в полном блеске проявилось в ряде партий на знаменитом АВРО-турнире 1938 г. (организатором его была популярная голландская радиоконпания АВРО). Это был двухкруговой турнир восьми действительно самых сильных шахматистов мира: А. Алехина (вернувшего к тому времени титул чемпиона мира), экс-чемпионов мира М. Эйве, Х. Р. Капабланки, молодых шахматных звезд — Ботвинника, Кереса, Файна, Решевского и Флора. По замыслу организаторов АВРО-турнира, его победитель должен был иметь

преимущественное право на матч с чемпионом мира. Однако на открытии турнира Алехин категорически отверг это условие и был, вероятно, прав.

Результаты турнира были несколько неожиданными: 1—2-е места разделили самые молодые — Пауль Керес (Эстония) и Ройбн Файн (США). Ботвинник занял третье место. Учитывая, что позади остались чемпион и два экс-чемпиона мира, результат этот следовало признать вполне приличным. Однако дело было не в третьем месте. В АВРО-турнире Ботвинник выиграл микро-матчи у Алехина и все еще считавшегося одним из основных претендентов на звание чемпиона мира Капабланки с одинаковым счетом — 1,5:0,5, одержав над каждым из них по «чистой» победе. Алехин был переигран стратегически, а комбинация, которой Ботвинник завершил партию с Капабланкой, уникальна.

В этой позиции (см. диаграмму), возникшей после 29-го хода Капабланки, игравшего черными, последовали два красивейших удара, связанные с жертвами последних оставшихся у белых легких фи-

гур: 30. Ca3!! Ф : a3 31. Kh5+!!
 gh 32. Фg5+Kpf8 33. Ф : f6+
 Kpg8 34. e7—теперь белым
 осталось уйти от вечного ша-
 ха, что они ближайшими хода-
 ми и осуществили. 34... Фc1+
 35. Kpf2 Фc2+ 36. Kpg3 Фd3+
 37. Kph4 Фе4+ 38. Kp : h5

Фе2+ 39. Kph4 Фе4+ 40.
 g4 Фе1+ 41. Kph5. Черные
 сдались.

Сразу после окончания
 АВРО-турнира в Карлтон-отеле
 Амстердама Ботвинник встре-
 тился с Алехиным, и между
 ними была достигнута принци-
 пиальная договоренность от-
 носительно матча на звание
 чемпиона мира. Нетрудно
 представить, каким грандиоз-

ным был бы этот матч, какой
 след в шахматной истории он
 бы оставил!..

Весной 1939 г. в Ленингра-
 де Ботвинник выигрывает
 чемпионат СССР. В турнирном
 сборнике после окончания
 чемпионата была опубликова-
 на статья «О моих методах
 подготовки к соревнованиям.
 Турнирный режим», в которой
 Ботвинник искренне поделился
 своим мнением об отдельных
 дебютных системах, об энд-
 шпиле, о методе изучения
 противников, об анализе не-
 оконченных партий и т. д. Та-
 кое творческое откровение—
 явление, невиданное до Бот-
 винника. Раскрыть часть сек-
 ретов перед ожидаемым мат-
 чем с Алехиным—какой
 смысл? Смысл выяснился по-
 зднее. Творческий метод Бот-
 винника был взят на воору-
 жение рядом молодых совет-
 ских шахматистов, и, пожалуй,
 именно этот метод (Ботвинник
 и впоследствии неоднократно
 делился своими изысканиями
 в данном вопросе) в сочета-
 нии с условиями, создаваемы-
 ми для развития шахмат в на-
 шей стране, дал возможность
 советским шахматистам сде-
 лать в период 1940—1960 гг.
 колоссальный качественный

скачок вперед и удерживать ведущие шахматные позиции в мире до наших дней.

Последнее предвоенное выступление Ботвинника состоялось в матч-турнире на звание абсолютного чемпиона СССР 1941 г. Оно показало полную готовность его к матчу с Алексиним: выиграв все пять матчей у своих противников и опередив второго призера, тоже одного из сильнейших шахматистов мира — П. Кереса, на 2,5 очка, Ботвинник уверенно занял первое место.

Годы войны и первый послевоенный год внесли существенные изменения в шахматную жизнь всего мира. Радиоматч СССР — США, проведенный через четыре месяца после окончания войны, завершился разгромом американской команды со счетом 15,5:4,5. Это был более чем обнадеживающий симптом для советских шахмат, ибо перед войной американские шахматисты почти регулярно выигрывали мировые шахматные Олимпиады. Из результатов этого матча наиболее примечательными для шахматного мира были победы 24-летнего В. Смыслова над С. Решевским со счетом 2:0 и П. Кереса

над Р. Файном со счетом 1,5:0,5. На первой доске у американцев играл явно уступавший по классу Решевскому и Файну чемпион США А. Денкер, которого Ботвинник победил легко — 2:0.

24 марта 1946 г. скоропостижно скончался Алексин. Шахматный мир остался без чемпиона. Матчу Ботвинник — Алексин, который должен был вскоре начаться в Ноттингеме, так и не суждено было состояться...

Летом 1946 г. в швейцарском городе Винтертуре собрался первый послевоенный конгресс ФИДЕ, на котором присутствовало лишь шесть делегатов. Разумеется, столь непредставительный конгресс не имел морального права принимать ответственные решения, и потому он разработал лишь несколько перспективных рекомендаций, одна из которых оказалась исторической. В связи со смертью чемпиона мира было рекомендовано провести матч-турнир шести сильнейших гроссмейстеров мира с тем, чтобы победителя этого соревнования объявить новым чемпионом мира. Пять участников из шести были названы сразу же:

Керес, Файн, Ботвинник, Решевский и Эйве,— именно в таком порядке они заняли места в самом значительном соревновании предвоенных лет — АВРО-турнире (Алехин разделил тогда 4—6-е места с Решевским и Эйве). Шестого участника турнира должен был определить предстоящий в августе 1946 г. большой и представительный международный турнир в голландском городе Гронингене. В результате право быть шестым участником матч-турнира получил советский гроссмейстер Василий Смыслов.

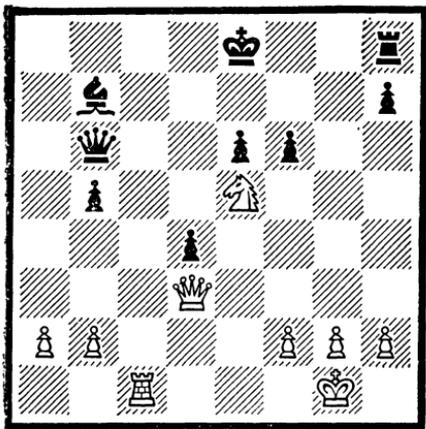
Итак, шести безоговорочно сильнейшим шахматистам мира предстояло определить чемпиона в четырехкруговом соревновании, которое было решено провести в Гааге и Москве — по два круга в каждом из городов.

В последний момент спасовал выдающийся американский гроссмейстер Р. Файн, и соискателей высшего шахматного титула осталось пятеро. Дабы исключить элемент случайности, непосредственно перед началом матч-турнира в Гааге было принято решение сыграть пять кругов (два круга — в Гааге, три — в Москве).

Матч-турнир пяти, начавшийся 2 апреля 1948 г., как бы подвел итог пятнадцатилетнего штурма мирового шахматного пика, начатого Ботвинником в 1933 г. во время матча с Флором. Действительно, серьезной конкуренции блистательному советскому чемпиону никто оказать не смог. Удачливее других был Василий Смыслов, который почти на равных сыграл свой микроматч с Ботвинником, сделал четыре ничьи, но проиграв партию из 3-го круга в принципиальной стратегической борьбе... Со счетом 4:1 был разгромлен победитель АВРО-турнира, один из самых ярких шахматистов XX в. Пауль Керес.

С одинаковым счетом — 3,5:1,5 — поверг Ботвинник шахматную надежду США С. Решевского и экс-чемпиона мира, единственного в мире шахматиста, победившего в матче Алехина, — голландского гроссмейстера Эйве. Без фрагмента из победной партии Ботвинника над Эйве в 3-м круге матч-турнира 1948 г. рассказ об этом соревновании был бы неполным.

После последнего хода Эйве 21... f6 кажется, что у

черных все в порядке (несколько скомпрометированная структура черных пешек компенсируется сильным белопольным слоном), но Ботвинник, идя на эту позицию, подготовил противнику неприятный сюрприз: 22. Фg3!! fe (не принимать жертву коня бесполезно) 23. Фg7! Лf8 24. Лс7 Ф:с7 (вынужденный ход; не спасает 24... Фd6 из-за 25. Л:b7 d3 26. Ла7 Фd8 27. Ф:h7). 25. Ф:с7 Cd5 26. Ф:e5 d3 27. Фе3 Сс4 28. b3 Лf7 29. f3 Лd7 30. Фd2 e5 31. bc bc 32. Кpf2 Кpf7 (безнадежно 32... c3 33. Ф:c3 d2 ввиду 34. Фс8+ Кре7 35. Ф:d7+ и 36. Кре2) 33. Кре3

Кре6 34. Фb4 Лс7 35. Кpd2 Лс6 36. a4. Черные сдались.

9 мая 1948 г. за три тура до конца матч-турнира Ботвинник обеспечил себе первое место и титул чемпиона мира по шахматам. Это событие знаменовало собой начало непрерывного 24-летнего владения шахматной короной представителями советской шахматной школы!

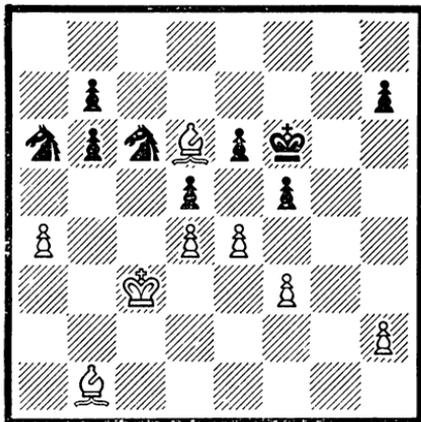
Что нового внес в шахматы Ботвинник? Во-первых, уже упомянутые методы подготовки шахматиста к состязаниям; во-вторых, поразительное искусство анализа и комментирования партий, ставшее эталоном для лучших современных аналитиков и комментаторов; в-третьих, конкретные исследования ряда дебютов (Французская, Голландская, Чешская, Сицилианская защита, Английское начало, защита Каро-Канн и пр.), приведшие к их основательной ревизии, и уникальные изыскания в отдельных разновидностях эндшпилей (ферзевых, ладейных и др.). Вот как расшифровывает один из своих методов подготовки сам Ботвинник: «Мне удалось разработать метод, при котором дебютная новинка оказалась запрятан-

ной далеко в миттельшпиле; она имела позиционное обоснование нового типа, она не имела опровержения — в привычном смысле этого слова... Поэтому мои дебютные системы жили годы, из турнира в турнир принося успех своему изобретателю...»

Когда в 1951 г. начался матч за звание чемпиона мира между 24-летним победителем отборочного цикла гроссмейстером Давидом Бронштейном и Ботвинником, в возможности претендента мало кто верил. Однако ход борьбы в этом интереснейшем состязании оказался сенсационным: до конца матча оставалось две партии, а счет был 11,5:10,5 в пользу Бронштейна. Казалось, что смена чемпиона неминуема: прекрасная спортивная и творческая форма Бронштейна не вызывала сомнений.

Эта позиция (см. диаграмму) возникла при доигрывании 23-й партии матча. Последовало: 44. Cg3! — ход, найденный Ботвинником в результате скрупулезного домашнего анализа и ставящий перед черными вряд ли разрешимые проблемы (если 44... Kаb4, то 45. Ce5+! Kpg6 46.

Cd6 Kаb6 47. ed ed 48. Ca2 или 44... Ke7 45. Ch4+ с выигрышем важной пешки). Дальнейшая игра — пример филигранной техники Ботвинника: 44... fe 45. fe h6 46. Cf4 h5 47. ed ed 48. h4 Kаb8 49.

Cg5+ Kpf7 50. Cf5 Kа7 51. Cf4 Kbc6 52. Cd3 Kc8 53. Ce2 Kpg6 54. Cd3+ Kpf6 55. Ce2 Kpg6 56. Cf3 K6e7 57. Cg5! Цугцванг. Бронштейн сдался.

После ничьей в 24-й партии окончательный счет стал 12:12, и Ботвинник сохранил чемпионский титул. Однако теперь стало ясно, что ведущие советские гроссмейстеры: Д. Бронштейн, И. Болеславский, П. Керес, В. Смыслов —

реальные и серьезные конкуренты чемпиона мира.

В 1954 г. почетного ничейного результата (12:12) в матче с Ботвинником добивается В. Смыслов. А 1957 г. стал годом рождения второго советского чемпиона мира — Василия Смыслова, вновь выигравшего претендентский цикл и одолевшего Ботвинника со счетом 12,5:9,5.

Тщательно подготовившись к матч-реваншу (не зря методы подготовки шахматиста к соревнованиям были «коньком» Ботвинника), Ботвинник через год вернул себе чемпионский титул.

1957—1960 гг. были годами фантастического взлета Михаила Таля. Пройдя без сучка и задоринки все предварительные этапы, весной 1960 г. 23-летний Таль вышел на сцену Московского театра эстрады в качестве соперника маститого чемпиона мира.

Удержать Таля Ботвинник не смог: матч был проигран со счетом 8,5:12,5. Стоит ли играть матч-реванш? Ведь победа Таля более чем убедительна... Вот тут-то в полную силу раскрылся талант Ботвинника-психолога и исследователя. «С точки зрения кибер-

нетики и вычислительной техники, Михаил Таль — устройство по переработке информации, обладающее и большей памятью, и большим быстродействием, чем другие гроссмейстеры; в тех случаях, когда фигуры на доске обладают большой подвижностью, это имеет важнейшее, решающее значение. Таля мало интересовало, как объективно оценить позицию, к которой он стремился; пусть у него там будет объективно хуже, лишь бы фигуры были подвижны — тогда дерево перебора вариантов столь велико, столь велико количество ходов, которые в этом дереве содержатся, что партнеру оно будет не по плечу, а быстродействие и память Таля скажутся». Этот своеобразный, хотя и спорный (см. очерк «Таль»), портрет Таля, «нарисованный» Ботвинником, стал, выражаясь инженерным языком, исходными данными для исследования. Скрупулезные исследования обнаружили и негативную сторону достоинств молодого чемпиона.

Матч-реванш, состоявшийся в 1961 г., завершился разгромом Таля (13:8). Эту победу 50-летнего Ботвинника можно

назвать, без всяких кавычек, подвигом.

Удивительная игра шахматы! Только что в ней властвовал на редкость рискованный и остро комбинационный стиль Таля, а спустя какой-то год начинает торжествовать исключительно осторожный и классически позиционный метод Тиграна Петросяна.

«Раскусить» стиль Петросяна Ботвиннику не удалось. В матче этих двух шахматистов в 1963 г. был зафиксирован счет 12,5 : 9,5 в пользу претендента. Шахматная корона поменяла своего владельца. Так как к тому времени ФИДЕ отменила право чемпиона на матч-реванш и существенно изменила форму проведения соревнования претендентов, Ботвинник решил в борьбе за первенство мира больше не участвовать. «Гора свалилась с плеч, — писал он впоследствии, — с борьбой на первенство мира было покончено... больше стало времени для поиска алгоритма игры в шахматы».

Турнирные выступления Ботвинника продолжались, и довольно успешно, еще семь лет. Все это время занимался он, разумеется, и проблемами

машинной игры в шахматы. Работами Ботвинника в этой области заинтересовались Академия наук СССР и даже знаменитый американский математик, автор теории информации К. Шеннон.

Закончив в апреле 1970 г. свой последний турнир, Ботвинник с удвоенной энергией принялся за работу по созданию «электронного гроссмейстера», а точнее — шахматной программы, которая должна помочь ЭВМ превзойти шахматного мастера. Для чего это нужно? Возьмем, к примеру, экономику. Легко представить себе, какую революцию в этой сфере человеческой деятельности мог бы совершить искусственный интеллект, то есть ЭВМ, запрограммированная на решение творческих задач. А «электронный гроссмейстер» — важнейший этап в этом направлении.

Программа «Пионер», разрабатываемая профессором Ботвинником и его помощниками, близка к завершению. Когда же она продемонстрирует свою практическую шахматную силу? «Это произойдет довольно скоро, — утверждает ее создатель, — если бу-

дет у «Пионера» машинное время на производительной ЭВМ»...

Ботвинник — живая история советских шахмат. Первая его правительственная награда — орден «Знак почета» — олицетворяла первый выдающийся успех советской шахматной школы на международной арене (Ноттингем, 1936 г.). Награждения Ботвинника орденами Ленина (1957 г.) и Трудового Красного Знамени (1961 г.) совпали с годами наибольшего расцвета нашей шахматной культуры, остающейся мировым эталоном до сих пор. Не удивительно, что, закончив турнирные выступления, Ботвинник продолжает активную работу по популяризации шахматного искусства. В 1975 г. из-под его пера вышла книга «Три матча Анатолия Карпова», содержащая глубокий анализ творчества молодого советского гроссмейстера, только что ставшего чемпионом мира. В 1978 г. изданы две книги Ботвинника: «К достижению цели» и «Полвека в шахматах». Первая из них — воспоминания о жизненном пути и своеобразная исповедь первого советского чемпиона мира; вторая (из

серии «Выдающиеся шахматисты мира») — как бы шахматное дополнение к первой. О последних своих шахматных сражениях, о Ласкере, Капабланке, Алехине и о многом другом рассказывает Ботвинник в небольшой, но захватывающей книжке «От шахматиста — к машине», изданной в 1979 г.

Время неумолимо. Стареют и уходят именитые гроссмейстеры. Их места занимают молодые. Одним из восьми претендентов на мировую корону стал в 1982 г. девятнадцатилетний Г. Каспаров. Дважды становился чемпионом СССР Л. Псахис. Прочно вошел в шахматную элиту А. Юсупов. Все они, будучи еще совсем юными, прошли курс обучения в «школе Ботвинника». По три раза в год приезжали они на очередные сессии этой школы. Каждый отчитывался о выполнении домашнего шахматного задания, демонстрировал четыре партии из числа сыгранных между сессиями, играл тренировочные партии. «Диагноз» выносился сообща (педагогом и слушателями), а «курс лечения» назначал обычно педагог — сам Ботвинник. Он

же давал и домашнее задание...

«Занятия с Ботвинником принесли мне большую пользу, особенно задания, которые он давал на дом. Эти задания приучили меня к самостоятельной работе, застави-

ли засесть за шахматные книги...» — на основании этого признания Анатолия Карпова можно утверждать, что в алгоритмах его побед «повинны» и три сессии, проведенные будущим чемпионом мира в школе Ботвинника.

СМЫСЛОВ

Двое из двенадцати чемпионов мира были коренными москвичами — Алехин и Смыслов. Стили их имели существенные различия: Алехин играл в сложнейшие шахматы, проводил совершенно фантастические идеи, заставлял противников мыслить самостоятельно с первых дебютных ходов; Смыслов всегда предпочитал и предпочитает простую и ясную игру, планы его зачастую кажутся очевидны-

ми (хотя только кажутся!), дебют разыгрывает без претензий. Общее между двумя великими земляками — универсальность, то есть умение вести партию в любом ключе. Алехин мог играть в спокойнейшем позиционном стиле, демонстрируя при этом блестящую технику (пример тому — матч с Капабланкой). Смыслов не раз побеждал своих соперников посредством красивейших и многоходовых комбинаций...

Было и связующее звено между двумя чемпионами мира. В 1912 г. на турнире Петербургского шахматного собрания отец будущего чемпиона мира Василий Осипович Смыслов, играя черными, хладнокровно отразил атаку тогда еще мастера Александра Алехина и четко реализовал свой материальный перевес. Мастерство Алехина всегда было предметом преклонения в семье Смысловых, а книга Алехина «Мои лучшие партии» была одной из любимых книг юного Смылова.

Иметь в качестве первого шахматного учителя Василия Осиповича — «счастливый жребий». Много лет спустя, пройдя все ступеньки шахматной

иерархии и постигнув все шахматные тайны, В. В. Смыслов вспоминал: «С самого начала отец привил мне любовь к так называемым «простым» позициям, где в игре участвуют немного фигур. Именно они дают возможность неопытному шахматисту не только понять, но и глубоко прочувствовать, на что способна каждая фигура».

Занятия шахматами с отцом отнюдь не исключали самостоятельной работы с книгами. Так как в библиотеке отца их было достаточное количество, то, по признанию Смыслова, ему удалось «проследить эволюцию шахматной мысли и повторить в своем развитии ее основные этапы». Проникновение в книги было творческим и своеобразным. Так, с большим вниманием юный шахматист изучил книги творческих антиподов: Тарраша — «Современная шахматная партия» и Нимцовича — «Моя система». Умение находить рациональное зерно в философских шахматных трудах (именно таковы книги Тарраша и Нимцовича), отсеивая при этом иллюзорное и тенденциозное, было впоследствии перенесено Смысловым

и на практическую шахматную партию.

На турнирную орбиту Смыслов вышел в 14-летнем возрасте. Благодаря солидной подготовке путь до первой категории был пройден им ярко и стремительно.

В 1938 г. в ноябрьском номере журнала «Шахматы в СССР» под рубрикой «Наши первокатегорники» появилась очень дружеская и теплая зарисовка московского мастера Михаила Юдовича, которая называлась «Вася Смыслов»: «В 1935—36 гг. среди московских школьников - шахматистов все чаще и чаще,— писал Юдович, — можно было слышать разговоры о сильном игроке Васе Смыслове... Смыслов этюдист, и весьма не плохой. Знакомство с этюдами, работа над этюдными позициями, предельно близкими к практической шахматной игре, сказались на его умении разбираться в эндшпиле. Трудному искусству реализации преимущества в эндшпиле могут поучиться у Васи даже многие испытанные первокатегорники...»

1938 г. принес Смыслову всесоюзную известность. Сначала он стал чемпионом СССР

среди юношей старшего возраста, затем разделил 1—3-е места в турнире сильнейших взрослых первокатегорников, состоявшемся в г. Горьком, и стал кандидатом в мастера и, наконец, отлично выступил в XVIII чемпионате Москвы. Мало того, что он разделил в этом чемпионате 1—2-е места с одним из сильнейших мастеров страны — Сергеем Белавенцем, не менее важной для обретения собственной уверенности была его победа над игравшим вне конкурса гроссмейстером Лилиенталем.

Титул чемпиона Москвы звал к новым успехам. Но за успехи нужно было бороться, и теперь уже с первоклассными мастерами.

3 января 1939 г. в Ленинграде стартовал интереснейший тренировочный турнир, в котором приняли участие четыре иностранных гроссмейстера: Флор, Решевский, Керес, Лилиенталь, советский гроссмейстер Левенфиш и тринадцать советских мастеров. Самым юным среди участников был Вася Смыслов. Своим итоговым результатом (8 очков из 17) он вряд ли был доволен. Подслащал эту

горьковатую пилюлю лишь тот факт, что одинаковую с ним сумму очков набрал недавний герой АВРО-турнира эстонский гроссмейстер Пауль Керес...

Из сравнительно неудачного выступления были, очевидно, сделаны правильные выводы, ибо в XII Всесоюзном чемпионате (1940 г.) Смыслов продемонстрировал подлинный гроссмейстерский класс. Первыми к финишу в том очень сильном по составу турнире пришли мастер И. Бондаревский и незадолго до чемпионата принявший советское гражданство приехавший из Венгрии гроссмейстер А. Лилиенталь. Смыслов отстал от победителей всего на пол-очка, но играл удивительно легко, и создавалось впечатление, что свои потенциальные возможности он до конца не использовал. Четвертым был Керес, и только пятый результат показал признанный лидер советских шахматистов Ботвинник, разделивший 5—6-е места с быстро прогрессирующим мастером с Украины И. Болеславским.

По решению Всесоюзного комитета по делам физкультуры и спорта шести побе-

дителям XII первенства страны предстояло в четырехкруговом матч-турнире определить сильнейшего — абсолютного чемпиона СССР. Шахматная общественность с нетерпением ждала интереснейшее соревнование. Не было недостатка в прогнозах, но, помня о неожиданностях XII чемпионата, специалисты были очень осторожны. Накануне матч-турнира гроссмейстер Флор, давая характеристики всем шести участникам, написал такую «миниатюру»: «И, наконец, о самом молодом, о Васе Смыслове. Мне представляется, что еще вчера я видел его в Доме пионеров, где он играл против меня в сеансе одновременной игры. Перед началом партии меня предупредили: «Этого рыженького берегитесь». Я послушался и обратил на Смыслова особое внимание и действительно почти выиграл. Но только почти, так как юноша весьма тонко «обманул» меня в эндшпиле. Смыслов — это самый юный и самый крупный талант современности».

В матч-турнире шести сильнейших шахматистов СССР Смыслов играл отлично, но

конкурировать с «переставшими шутить» Ботвинником и Кересом ему было трудно. Абсолютным чемпионом стал Ботвинник, второе место досталось Кересу, третьим финишировал Смыслов. За этот успех (с учетом 3-го места в XII чемпионате СССР) Василию Смыслову был присужден титул гроссмейстера СССР.

В годы Великой Отечественной войны шахматная жизнь в нашей стране, естественно, снизила свой бурный ритм, но не прекратилась. Чемпионаты Ленинграда (1943 г.) и Москвы (1941 и 1942 гг.), как, впрочем, и некоторые другие спортивные состязания, проводимые в напряженнейшее для страны время, олицетворяли уверенность советских людей в победе.

В чемпионате Москвы 1942 г. Смыслов подтвердил свой экстра-класс, заняв 1-е место. На очко отстал игравший вне конкурса Болеславский, далее были гроссмейстеры Котов и Лилиенталь, опытейшие мастера Панов, Кан и т. д. Чемпионаты Москвы военных лет собирали сильнейших шахматистов страны, и потому побеждать в таких турнирах означало

быть в авангарде советских шахмат.

В чемпионате Москвы 1943 г. первое место занял Ботвинник. Он потерпел единственное поражение в партии со Смысловым, который занял 2-е место, но вновь стал чемпионом столицы, ибо Ботвинник играл вне конкурса. Смыслов стал чемпионом Москвы и в 1944 г., обогнав на два очка второго призера — Рагозина. Последующие места заняли гроссмейстеры Лилиенталь, Флор, Бондаревский...

Самым главным турниром военного времени был, конечно, XIII чемпионат СССР, в котором борьба за первое место проходила в основном между Ботвинником и Смысловым. Проиграв решающую партию Ботвиннику, Смыслов отстал на два очка (слишком силен был тогда Ботвинник), но все же занял 2-е место.

Что ж, Ботвинник — первый, Смыслов — второй... Кажалось, что такая расстановка сил стала стабильной. Однако первый же послевоенный чемпионат страны показал, что резервы у советской шахматной школы неисчерпаемы. Первым вновь стал Ботвинник, но вторым финишировал 26-

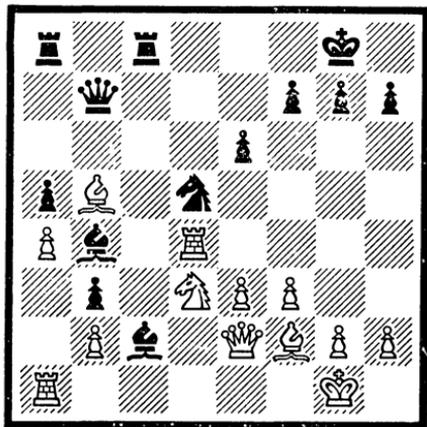
летний Исаак Болеславский, выполнивший норматив гроссмейстера СССР, а 3-е место досталось совсем молодому мастеру (21 год) Давиду Бронштейну. 24-летний Смыслов набрал лишь 50% возможных очков и занял 10-е место. Надо отдать должное руководителям советских шахмат, которые, несмотря на этот неожиданный срыв, посчитали возможным доверить Смыслову вторую доску сборной страны в уникальном для первого послевоенного года радиоматче шахматных команд СССР и США. Это был принципиальный матч, и его стимулирующее значение для дальнейшего неудержимого роста советских шахмат трудно переоценить. Дело в том, что в предвоенные годы американская шахматная команда считалась сильнейшей в мире — четыре раза она побеждала на мировых шахматных Олимпиадах.

Радиоматчу предстояло дать ответ и на вопрос: сумела ли сохранить советская шахматная организация свою подававшую большие надежды в предвоенные годы шахматную гвардию? Ответ был получен более чем утверди-

тельный. Да, советские шахматисты необычайно сильны! Именитая американская сборная была разгромлена со счетом 15,5:4,5 (матч проходил на 10 досках в два круга). И, пожалуй, самую ответственную миссию выполнил в этом матче Василий Смыслов. Так уж случилось, что на второй доске у американцев играл лучший шахматист США, один из претендентов на мировую корону, — гроссмейстер С. Решевский (первую доску он уступил чемпиону США 1944 г. мастеру А. Денкеру). В первой партии Решевский, игравший черными, применил дебютный вариант, в котором оказался значительно менее информированным, нежели его противник; стремительная атака белых в эндшпиле закончилась неизбежным матом черному королю. Во второй партии Решевский явно стремился реваншироваться.

В обоюдоострой позиции (см. диаграмму) Смыслов неожиданно сыграл 28... e5! 29. К:e5 (Решевский явно недооценивает следующий удар, иначе он сыграл бы 29. Лс4, примиряясь с несколько худшей позицией) 29... Сс3!! 30.

Кс4 (качество приходится жертвовать, так как после 30. бс черные выигрывали посредством 30... К:c3 31. Фd2 К:b5 32. ab b2) 30... С:d4 31. ed Фс7. Дальнейшая реализация

материального перевеса была проведена Смысловым, как всегда, образцово.

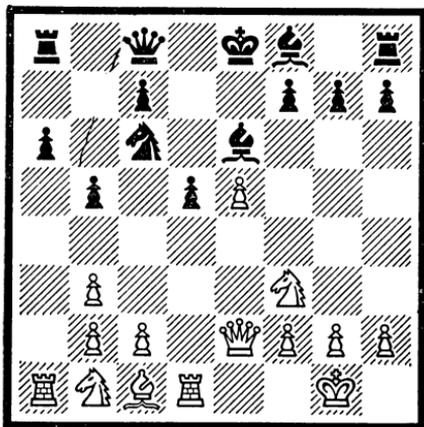
Первый свой международный турнир, а это было исключительно сильное по составу и важное для последующей борьбы за первенство мира соревнование, Смыслов сыграл в 25-летнем возрасте. Турнир в Гронингене... Именно ему предстояло назвать шестого участника намеченного ФИДЕ матч-турнира на

звание чемпиона мира. Пятро были уже известны: Эйве, Ботвинник, Решевский, Файн и Керес. Двое из них — Эйве и Ботвинник — приняли участие в Гронингском турнире. Соискатели шестой вакансии были весьма авторитетны: наши — Болеславский, Флор, Котов, Смыслов, иностранцы — Найдорф, Сабо, Штольц, Денкер, Тартаковер, Видмар и другие. Смыслов свою задачу выполнил: заняв третье место (первым был Ботвинник, вторым — Эйве), он получил путевку на мировой матч-турнир.

Фаворитом матч-турнира сильнейших шахматистов мира, начавшегося 2 апреля 1948 г. в Гааге, Смыслов не был — слишком имениты были четыре его соперника (Файн в последний момент от участия отказался). Четыре матча из пяти партий с каждым из претендентов на мировую корону исключали возможность случайного результата. Смыслов победил обоих иностранцев: Эйве — со счетом 4:1, Решевского — 3:2 и, проиграв с минимальным счетом 2:3 Ботвиннику и Кересу, занял второе место вслед за Ботвинником, который впервые в истории шах-

мат принес советской шахматной организации титул чемпиона мира.

Прекрасную партию сыграл Смыслов с экс-чемпионом мира Эйве.

Только что Эйве, игравший черными, сделал ход 11... Фс8, последовал удар: 12. с4! (жертва пешки, приведшая к роковому для черных вскрытию игры) 12... dc 13. bc С : c4 14. Фе4! Ке7 (не лучший ход, но, как показал анализ, равенства черным уже не добиться, например: 14... Kb4 15. Сg5! Сс5 16. Ка3! или 15... с6 16. Лd8+ Ф : d8 17. С : d8 Л : d8 18. Кс3!) 15. Ка3! с6 (после 15... Сb3 белые также добивались выигранной позиции:

16. Лd3 Сe6 17. К:b5 Cf5 18. К:c7+!) 16. К:c4 bc 17. Ф:c4 Фb7 18. e6! f6 19. Лd7 Фb5 20. Ф:b5 cb 21. Кd4 (грозит К:b5) 21... Лc8 22. Сe3 Кg6 23. Л:a6 Ке5 24. Лb7 Сc5 25. Кf5 0—0 26. h3. Черные сдались.

Второй шахматист мира в 27 лет! Это ли не стимул для достижения заветной мечты. Но Смыслов почему-то сник. Может быть, он рассчитывал в матч-турнире стать первым? Вряд ли, хотя молодости свойственна дерзость. Может быть, слишком недостижимым казался ему Ботвинник и он решил, как утверждает известный журналист В. Васильев, сменить шахматы на вокал? Трудно в это поверить, хотя музыка и пение всегда были страстью Смылова...

Турнир претендентов 1950 г. на матч с чемпионом мира Смыслов провел недостаточно уверенно, отстав на целых два очка от разделивших 1—2-е места Бронштейна и Болеславского. Возможно, эта относительная неудача мобилизующе подействовала на Смылова. Во всяком случае, когда в Концертном зале имени Чайковского гроссмейстер Бронштейн вел борьбу

за титул чемпиона мира с Ботвинником, Смыслов был исключительно внимательным зрителем.

Интересна шахматная судьба Давида Бронштейна. Когда в 1948 г. Ботвинник уверенно завершал свой путь к мировой короне, Бронштейн был лишь мастером, правда, имевшим заметные успехи (3-е место в чемпионате СССР 1945 г., 1-е место в чемпионате Москвы 1946 г.). За период с 1948 по 1951 г. Бронштейн совершил почти невозможное — он с блеском стал победителем межзонального турнира 1948 г., разделил в турнире претендентов 1950 г. первое — второе места с Болеславским, выиграв у него редкий по накалу шахматных страстей матч, и в 1951 г. (уже гроссмейстером) предстал перед Ботвинником в качестве серьезнейшего конкурента в борьбе за титул чемпиона мира. Бронштейн матча не выиграл, но и не проиграл. В то же время в напряженнейшей борьбе он заставил Ботвинника раскрыться и дал возможность Смыслову увидеть слабые места в сверхпрочном щите чемпиона мира. С большой степенью ве-

роятности можно предположить, что уже тогда Смыслов понял, что в миттельшпиле и эндшпиле он может бороться с Ботвинником на равных (впоследствии Ботвинник признал, что в эндшпиле он несколько уступает Смыслову).

Турнир претендентов 1953 г. в Цюрихе был триумфом Смылова. 15 выдающихся гроссмейстеров в два круга разыграли титул претендента. Одно-единственное поражение, и то «под занавес», потерпел Смыслов. На два очка отстали от него разделившие 2—4-е места Бронштейн, Керес и Решевский и на три очка — быстро набирающий шахматную мощь 24-летний Петросян.

Итак, второй шахматист мира 1948 г. подтвердил свою репутацию в 1953 г. Оставалось проверить себя в единоборстве с первым шахматистом мира. Думается, что в это время Смыслов уже расценивал свои шансы в борьбе с Ботвинником достаточно оптимистично. Однако уже первые четыре партии матча 1954 г. значительно поколебали оптимизм претендента. 3,5 : 0,5 — в пользу Ботвинни-

ка. Поклонники Смылова приуныли. И нужно быть идеальным шахматным бойцом, чтобы в такой ситуации продолжать вести борьбу в матче как ни в чем не бывало. Во всяком случае дальнейшая борьба выглядела именно так. После 11-й партии произошла метаморфоза: счет стал 6 : 5 в пользу Смылова. Но не учел или не успел еще понять претендент того, что перед ним был, пожалуй, самый психологически устойчивый шахматист всех времен. Две партии подряд выиграл Ботвинник и снова вышел вперед. Следующую, 14-ю, партию в превосходном стиле выигрывает Смылов, но поражения в 15 и 16-й партиях вновь перечеркивают появившиеся было надежды. Матч 1954 г. был замечателен еще и тем, что два выдающихся шахматиста, очень редко проигрывающие, в течение матча потерпели друг от друга по семь поражений! 14 результативных партий — это образец поистине бескомпромиссной борьбы. Окончательный итог матча — 12 : 12 — показал, что первый и второй шахматисты мира практически равны. Но Смылова теперь уже

не покидала уверенность, в том, что он может стать первым шахматистом планеты.

Осенью 1956 г. два «главных» шахматиста мира вновь подтвердили свое равенство на турнире памяти Алехина в Москве, разделив первый приз. Но это было уже после того, как Смыслов одержал убедительную победу на турнире претендентов в Амстердаме (март — май 1956 г.), опередив своих блестящих конкурентов: Кохеса — на 1,5 очка, Бронштейна, Геллера, Петросяна, Сабо и Спасского — на 2 очка.

Матч Ботвинник — Смыслов 1957 г. — историческая веха в шахматном искусстве. Без малого девять лет восседал на шахматном троне Михаил Ботвинник. Его превосходство над лучшими гроссмейстерами мира (несмотря на два ничейных матча с Бронштейном и Смысловым) не вызывало ни у кого сомнений. Прекрасно играл и Смыслов, но в его игре не хватало научного подхода, которым в совершенстве владел Ботвинник. Не было вроде бы в его творчестве и такого глубокого, как у чемпиона мира, умения решать стратегические

проблемы при переходе из дебюта в миттельшпиль.

Матч 1957 г. показал, что исследовательский дар Смылова превосходит. А взамен академизма Ботвинника в партиях Смылова появилась какая-то только ему свойственная логическая ясность, для которой сам он нашел позднее более точное определение — гармония. Что же произошло в том памятном матче?

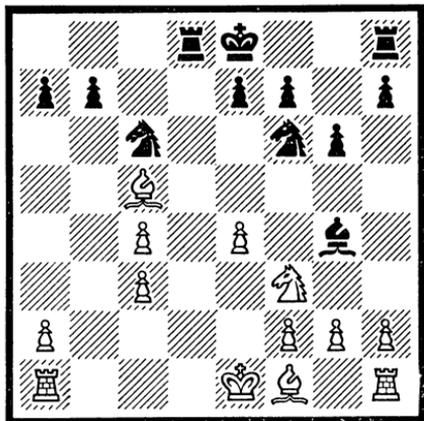
Первую партию выиграл Смыслов. Факт сам по себе не особенно примечательный, ибо до заветных 12,5 очка было еще очень далеко. И все же характер борьбы в первом поединке говорил о многом. Во-первых, игравший белыми Ботвинник позволил противнику уже в дебюте легко уравнивать игру, что свидетельствовало о «белых пятнах» в дебютной подготовке чемпиона мира. Во-вторых, получив чуть лучшее (но не выигрышное) окончание, Смылов очень тонко использовал едва заметные упущения Ботвинника. Лучшая, чем у противника, дебютная подготовка и филигранная техника игры в окончаниях и были главным оружием Смылова в матче

1957 г. Разумеется, оба эти преимущества нельзя было называть безоговорочными: в некоторых партиях более подготовленным к дебютному варианту оказывался Ботвинник; встречались и окончания, отлично разыгрываемые чемпионом мира. Короче говоря, матчевое сражение проходило исключительно напряженно. Обнадеживающее начало матча (во 2-й партии Ботвинник с трудом добился ничьей, а в третьей — Смыслов уже в дебюте легко уравнил игру, имея черный цвет фигур) несколько усыпило бдительность Смыслова, и он, пожалуй, слишком самоуверенно провел 4-ю партию, пойдя в равной позиции на рискованные осложнения, оказавшиеся более благоприятными для противника. Вдохновленный победой, Ботвинник продемонстрировал выдающееся стратегическое мастерство в 5-й партии матча и вышел вперед 3 : 2!

После 6-й партии, в которой Ботвинник допустил серьезную ошибку в дебюте, счет сравнялся. А переломной в матче суждено было стать 8-й партии, в которой Смыслов применил новый план против излюбленного Ботвинником

варианта Сицилианской защиты. Чемпион мира не проявил присущей ему пронизательности, играл шаблонно и, проиграв две пешки, остановил часы. Своего лидерства в матче Смыслов больше не уступил.

Интересные события развернулись в 12-й партии (после трех рядовых ничьих в 9, 10 и 11-й партиях).

Только что Ботвинник сыграл 10... Kf6. Почти наверняка эту позицию он изучал в процессе домашнего анализа, и, действительно, несмотря на лишнюю пешку, кажется, что белым предстоит решать трудные проблемы. Нельзя, например, играть 11. Kd2 из-за

11... Л: d2 12. Кр: d2 К: e4+ — и черные имеют две фигуры за ладью. Замечательно, что Смыслов за доской находит план, в корне меняющий ход борьбы. В позиции на диаграмме он сыграл: 11. Kd4! К: e4 12. К: c6 bc 13. С: a7 Cf5 (грозила «вилка» — 14. f3) 14. f3 Kd6 (если бы черные сыграли 14... К: c3, то белые добивались подавляющего положения после 15. Сb6 Ld7 16. a4. Таким образом, белые получили сильную проходную пешку «а» при двух слонах) 15. a4 Ла8 16. Сb6 0—0 17. c5 Кс8 18. g4 Се6 19. a5 К: b6 20. cb Lfb8 (на первый взгляд, черные отыгрывают пешку, ибо грозит Л: b6, но Смыслов это предвидел) 21. Cd3! Л: b6 22. ab! Л: a1+ 23. Kpd2 Ла2+ (конечно, нельзя 23... Л: h1 из-за того, что после 24. b7 белая пешка проходит в ферзи) 24. Кре3 Сс8 25. Ld1! Лb2 26. Сс4! Kpg7 27. Ld8 Се6 (на 27... Сb7 решает 28. Ld7 Л: b6 29. Л: e7) 28. С: e6 fe 29. Лb8 e5 30. c4 Kpf7 31. c5 (теперь для активных действий освобождается ладья белых) 31... Кре6 32. Ld8! g5 33. h3 Лb1 34. Kpd2 Лb5 35. Kpd3 Лb1 36. Крс4 Лс1+ 37. Kpb4 Лb1+ 38. Кра4 Ла1+ 39. Kpb4 Лb1+

40. Кра3 Ла1+ 41. Kpb2 Ла5 42. Ld3! Ла8 43. Kpb3 Ла5 — и, не дожидаясь хода Смылова, Ботвинник признал себя побежденным.

Однако перевес в два очка Смыслов имел лишь до следующей партии, которую Ботвинник провел в стиле лучших партий Капабланки.

Вряд ли кто-либо тогда думал, что больше ни одной партии в этом матче Ботвиннику выиграть не удастся. В оставшихся партиях Смыслов взял верх в 17 и 20-й и досрочно (после 22 встреч) набрал заветных 12,5 очка.

Отдельных слов заслуживает 17-я партия. Эта встреча была отложена с микроскопическим позиционным перевесом в эндшпиле у Смылова. Перевес Смылова казался настолько незначительным, что Ботвинник считал возможным предложить ничью, ибо активного плана игры за Смылова он не видел. Смыслов ничью отклонил и при доигрывании этюдным путем добился победы, которая имела еще и психологический подтекст: великий аналитик Ботвинник уступил в этой партии аналитику Смылову.

27 апреля 1957 г. на шахматный трон взошел новый чемпион мира — Василий Смыслов. Пожалуй, самую лаконичную и образную оценку игры нового чемпиона мира дал главный арбитр матча шведский гроссмейстер Г. Штальберг: «Игра Смылова своей ясностью и логикой весьма напоминает игру Капабланки. Новый чемпион мира обладает, конечно, более современным дебютным репертуаром, чем тот, который был у знаменитого кубинца, но играет он с той же удивительной точностью...»

Почти каждый известный поэт, художник или музыкант создает в своей жизни одно произведение, которое впоследствии ассоциируется с его именем: Пушкин и «Евгений Онегин», Пикассо и «Герника», Бетховен и его 9-я симфония. Есть у них, разумеется, и другие великолепные творения, но одно из них — самое главное. Такой «9-й симфонией» Смылова была его победа в матче 1957 г. над Ботвинником.

Под впечатлением яркой победы Смылова Ботвинник колебался — играть матч-реванш или нет. Но «после дав-

ления со стороны старых друзей», как признался сам Ботвинник, он решил использовать свое право.

В матч-реванше 1958 г. чемпион мира не был Смысловым «образца 1957 года». Неудачное начало матча (0:3 в пользу Ботвинника) и неуверенная игра в эндшпиль сделали свое дело, хотя окончательный счет 10,5:12,5 — показатель упорнейшей борьбы. Думается, поражение Смылова объясняется не только блестящей игрой Ботвинника, но и тем, что Смыслов еще не успел «остыть» от победы в 1957 г.

В последующих отборочных циклах, с появлением новых шахматных звезд — Таля, Петросяна, Спасского, Фишера и других, на титул соискателя шахматной короны Смылов реально не претендовал.

Издавна повелось, что признаком хорошего тона для спортивных звезд является их своевременный уход со спортивной арены. Такой подход к избранному сердцем делу чужд Смылову. В марте 1981 г., в канун своего шестидесятилетнего юбилея, он сказал корреспонденту журнала «64»: «Я и сегодня еще готов

играть в зональном турнире, а если удастся, то и в межзональном. Видимо, это свойство моей натуры. Я — максималист и всю жизнь стремлюсь к наивысшим целям». А спустя месяц маститому гроссмейстеру представилась возможность проверить свою готовность к борьбе на близких подступах к современному шахматному Олимпу.

На международный турнир в Москву съехались почти все шахматные звезды мира. Среди 14 участников этого супертурнира — и шестидесятилетний Смыслов. Результат ветерана был отличным: уступив 1-е место чемпиону мира А. Карпову, он разделил 2—4-е места с самым молодым в мире гроссмейстером Г. Каспаровым и гроссмейстером Л. Полугаевским. Позади оказались и экс-чемпион мира Т. Петросян, и А. Белявский,

и сильнейшие гроссмейстеры Европы — Л. Портиш, Я. Тимман, У. Андерссон и другие.

Давно канули в вечность турниры претендентов на мировую шахматную корону. Отныне (с 1965 г.) восемь претендентов играют матчи по олимпийской системе... Среди восьми претендентов, отобранных по результатам межзональных турниров 1982 г., нет М. Таля, Т. Петросяна и Б. Спасского: каждый из них был близок к «выходу», но уж очень жесткими оказались правила отбора — только по два победителя межзональных турниров попадали в заветную восьмерку. И только один из четырех экс-чемпионов мира — Смыслов — сумел одолеть престижный барьер.

Итак, в возрасте 62 лет Василий Смыслов вновь штурмует шахматный Олимп!

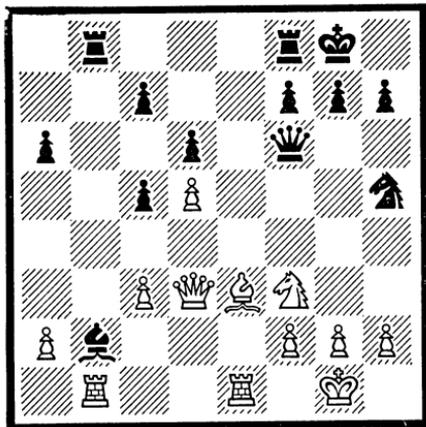

ТАЛЬ

Не часто урок литературы в школе ведет шахматный гроссмейстер. Возможно, что вообще это событие — из ряда вон выходящее. Но так было... Ученики есть ученики, и гроссмейстер ни капельки не удивился, когда, войдя в класс, увидел на подоконнике шахматную доску с фигурами. Беглого профессионального взгляда было достаточно, чтобы определить безнадежность позиции черных, которые дол-

жны были получить мат в четыре хода. Но гроссмейстер вел урок, и ему было не до шахмат. Когда же взгляд его вновь вернулся к позиции на шахматной доске, то оказалось, что она значительно изменилась: шансы на успех имели уже черные. Стремясь исправить свой педагогический просмотр, гроссмейстер тут же выявил двух нарушителей школьного регламента и потребовал их дневники. После урока, слегка пожурив виновников, он, не внося никаких записей в дневники, вернул их владельцам. «Черные, — вспоминает гроссмейстер, — взяли дневник молча, а белые... попросили автограф. Причем в дневнике!» Так в школьном дневнике появилась уникальная запись: «Не нашел мат в 4 хода на уроке литературы». Конечно же, автором этой записи, как и творцом следующей комбинации, был гроссмейстер Таль.

Несколько ходов тому назад киевский мастер А. Баник, игравший черными, взял пожертвованную Талем пешку «b2». Последний ход черных был 17... Фf6, и казалось, что компенсации за пешку у белых нет, но...

18. Фе2!! (ход, подчеркивающий, как ни странно, слабость восьмой горизонтали у черных) 18... С:с3 (в случае 18... Ф:с3 белые выиграли бы фигуру после 19. Сс1!) 19. Л:b8 Л:b8 20. Сg5 (грозит не только 21. С:f6, но и 21. Фе8+) 20... С:e1 21. С:f6 К:f6 22. Ф:e1, и через шесть ходов Банник признал себя побежденным.

Какая же связь между школьным уроком в 1958 г. и комбинацией, проведенной на чемпионате СССР 1962 г.?

Связь эта отчетливо прозвучала в словах рвавшегося тогда к шахматному трону гроссмейстера Т. Петросяна: «Если даже не писать, кто

комбинировал, то все равно ясно: за версту пахнет Талем» (это о партии Талья с Банником). Иными словами: и в шахматах, и в жизни, и, забегая вперед, в журналистике Таль сугубо индивидуален, остроумен, находчив, ярок. Правда, для шахматной характеристики Талья этих определений явно недостаточно.

Путь Михаила Талья в большие шахматы начался, как и у большинства советских гроссмейстеров, с шахматного кружка во Дворце пионеров. Руководил таким кружком в рижском Дворце пионеров отличный педагог Янис Крузкоп. Именно он, по свидетельству Талья, научил всех своих учеников беззаветно любить шахматы. Чтобы хорошо играть в шахматы, любовь к ним необходима, но недостаточна. Это прекрасно понимал единственный в то время шахматный мастер в Латвии Александр Кобленц, взявший юного Талья под свою опеку. Новый тренер был на редкость прозорлив: уже в 1952 г. он совершенно серьезно убеждал всех, что его шестнадцатилетний подопечный — будущий чемпион мира.

Отсчет шахматных побед Талья в соревнованиях взрослых, вероятно, следует начинать с чемпионата Латвии 1953 г. Сам Таль до сих пор с улыбкой утверждает, что первое место в том турнире досталось ему просто по традиции: оказывается, с 1951 по 1955 г. чемпионами Латвии становились только первокурсники Латвийского университета (1951 г. — Пасман, 1952 г. — Клявинь, 1953 г. — Таль, 1954 г. — Клован, 1955 г. — Гипслис). На командном первенстве страны 1953 г. латвийская команда была самой молодой — в ее составе были шестнадцатилетние Таль и Гипслис, семнадцатилетний Клован, девятнадцатилетний Клявинь... Латвийские мальчики стали тогда виновниками подлинной сенсации, ибо не только вывели свою команду в финальный турнир, но и решающим образом повлияли на окончательный успех. Четвертое место в командном первенстве самой сильной шахматной державы мира было свидетельством расцвета шахмат в советской Латвии.

Играя на второй доске, Таль выполнил мастерскую

норму, но Всесоюзная квалификационная комиссия «на всякий случай» перестраховалась, дав юному кандидату в мастера только право на матч с мастером. Матч с бесменным в те годы чемпионом Белоруссии мастером Сайгиным показал, что перестраховка была напрасной: Таль победил со счетом 8 : 6. 1954 г. вообще был знаменательным для юного рижанина — помимо вступления в «мастерский клан», в начале года он сыграл свою первую партию с гроссмейстером. Им оказался Керес. Этот «вечно второй» в претендентских циклах шахматист, встретившись на первой доске в товарищеском матче Эстонии и Латвии с семнадцатилетним Талем, не подозревал, что спустя пять лет снова вторым в турнире претендентов на мировую корону он окажется «по милости» Талья... А первая встреча Талья с Кересом закончилась победой игравшего черными гроссмейстера, но так как матч состоял из двух туров, то игралась и вторая партия, в которой Таль в худшей позиции сумел запутать своего именитого противника и добиться ничьей.

В ранге шахматного мастера Михаил Таль начал свое выступление в первом этапе отборочного цикла к чемпионату страны. В вильнюсском четвертьфинале первенства СССР борьба за выход в полуфинал была довольно напряженной, но Таль это препятствие, хотя и с трудом, преодолел (делаж 3—4-го мест). Полуфинал, местом проведения которого стала Рига, настраивал юного мастера на оптимистический лад. Помощь родных стен сработала безотказно, и, несмотря на участие в турнире двух гроссмейстеров и многих опытных мастеров, Таль уверенно занял первое место.

Финал XXIII чемпионата СССР проводился в Ленинграде. Дебютант финала Таль фаворитом этого турнира, конечно, не считался, и по понятным причинам — в финале участвовали именитые гроссмейстеры: Авербах, Тайманов, Болеславский, Рагозин, Толуш, восходящая шахматная звезда из Ленинграда Борис Спасский, уже успевший «заработать» гроссмейстерский титул, прекрасный мастер, близкий к гроссмейстерскому званию, Лев Полугаевский и другие.

Окончательный результат Таля — дележ 5—7-го мест с Полугаевским и Холмовым и сумма набранных очков (всего на очко меньше, чем у разделивших 1—3-е места Авербаха, Спасского и Тайманова) — некоторым видным специалистам казался случайным. Были и другие мнения. Был восторг квалифицированной ленинградской шахматной публики, устроившей бурную овацию рижанину за его эффектную победу над великолепным шахматным мастером (впоследствии ставшим гроссмейстером) Владимиром Симагиным.

Несколько позднее слова признания прозвучали и со страниц югославского шахматного журнала «Шаховски гласник»: «Таль! Запомните это имя!» На такое пророчество навела югославских специалистов партия, выигранная Талем у югославского гроссмейстера Б. Ивкова на командном первенстве мира среди студентов летом 1956 г.

В полуфинале XXIV чемпионата страны Таль был уже одним из фаворитов, но игра поначалу не шла. Достаточно сказать, что после 12 туров рижанин имел лишь 5,5 очка.

Оставалось 7 туров, и казалось, только чудо может вывести его в финал. Таль сумел это «чудо» совершить, набрав 6 очков из 7 возможных.

«...Итак, часы все же пущены! Стратегия Аронсона была побеждена тактикой Таля. Это был первый сигнал для участников: «Берегитесь тактических ударов Таля!» — так описывал начало XXIV чемпионата страны гроссмейстер Флор. Состав участников чемпионата был великолепен. За исключением Ботвинника и Смылова, выяснявших свои отношения в борьбе за мировую жемчужину, в турнире принимал участие весь цвет советских шахмат. Таль великолепно стартовал: 4 очка из 4 возможных. В числе поверженных, кроме ленинградского мастера Аронсона и киевского мастера Банника, оказались и два выдающихся гроссмейстера — Тайманов и Бронштейн. Но борьба есть борьба: в классическом стиле «пробил» Таль оборонительные редуты в позиции гроссмейстера Т. Петросяна, зато не нашел сравнительно несложной комбинации в партии против мастера В. Антошина и вынужден был довольствоваться

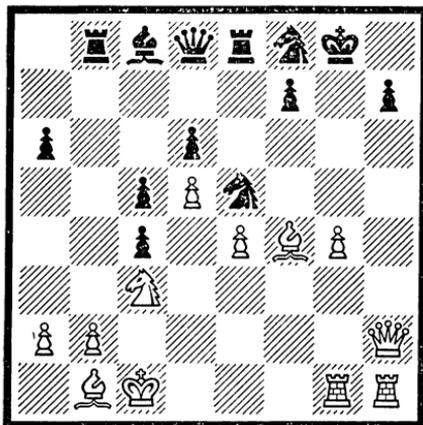
ничьей. Потрясающую жертву ферзя осуществил рижанин в партии с опытейшим мастером Л. Арониным, но поединок завершился ничьей, хотя М. Эйве назвал ее «самой интереснейшей ничьей в истории шахмат». Были и чувствительные поражения — в острейшей схватке с казанским мастером Р. Нежметдиновым и в позиционной борьбе с гроссмейстером И. Болеславским.

После пятнадцати туров лидирующую группу возглавил Керес. «Если Керес захватил лидерство, он его уже не упустит», — рассуждали многие участники турнира, но следующий тур опроверг этот прогноз. Поединок Кереса с Талем на XXIV чемпионате страны заслуживает особых слов. Керес играл белыми и, естественно, был очень осторожен, ибо Таль был одним из основных его преследователей. Может быть поэтому Таль легко уже в дебюте уравнял партию и получил даже более перспективную позицию. Не желая вести пассивную защиту, Керес пожертвовал пешку, чтобы получить взамен некоторую компенсацию в виде «преимущества

двух слонов». Таль сумел перевести игру в окончание, которое, несмотря на лишнюю пешку у черных, производило впечатление чисто ничейного из-за наличия на доске разноцветных слонов. Но это впечатление было обманчиво... Эндшпиль Таль провел с ювелирной точностью и, пожертвовав слона за две пешки, добился победы. Керес — выдающийся шахматный классик. Таль победил его в том памятном чемпионате в прекрасном классическом стиле. Да-да, именно в классическом! И не правы те, кто считает, что Таль в годы своего взлета играл в какие-то «некорректные» шахматы. Было в его партиях тех лет много риска, были и не вполне корректные комбинации, но в целом он играл в классическом стиле — иначе высших шахматных достижений не добиться.

К последнему туру с равным количеством очков пришли гроссмейстеры Бронштейн, Толуш и мастер Тапф. Острота ситуации усугублялась тем, что Толуш и Таль в последнем туре играли друг с другом. Вот окончание этой партии, принесшей Талю ти-

тул чемпиона страны (Бронштейн в последнем туре сыграл вничью с Холмовым) и звание гроссмейстера СССР.

Позиция белых (Талья) выглядит грозной, но централизованная позиция черного коня и выключенный из игры белопольный слон белых кажутся обнадеживающими факторами для черных... 28. Фh6! (из-за угрозы 29. Сg5 и 30. Сf6 следующий ход черных вынужден) 28... Кеg6 29. Сg5 f6 30. e5!! — решающее вскрытие игры: «узник» на поле «b1» превращается в «разъяренного» слона 30... Л: e5 (плохо 30... fg из-за 31. С: g6 hg 32. Фh8+ Кpf7 33. Лh7+!)

31. С : g6 Лb7 (после 31... hg
игру решает 32. Фh8+ Kpf7
33. Лh7+) 32. Ke4! fg 33. Лf1
(грозит 34. Kf6+) 33... Л : e4
34. С : e4 Лg7 35. Лf6 С : g4 36.
Лhf1 Kd7 37. Л : d6 Фе7 38.
Л : a6 (грозит 39. Ла8+) 38...
Kph8 39. С : h7! — и через три
хода Толуш признал свое по-
ражение.

Когда в 1931 г. чемпионом
нашей страны стал 20-летний
Михаил Ботвинник, событие
это было знаменательным, но
ожидаемым, ибо шахматную
силу Ботвинника и его превос-
ходство над сверстниками и
дореволюционным поколени-
ем российских мастеров спе-
циалисты чувствовали ранее...
Взлет 20-летнего Талья был
сенсацией. Он преодолел кон-
куренцию выдающихся гросс-
мейстеров, находящихся в
расцвете сил (Керес, Бронш-
тейн, Тайманов, Петросян,
Толуш), обойдя одновременно
и своего сверстника Бориса
Спасского, считавшегося тог-
да в ряду молодых самым
перспективным.

Надолго запомнился риж-
ским поклонникам шахматной
игры и февраль 1958 г. — фи-
ниш XXV чемпионата страны.
Их кумир Михаил Таль вел
борьбу в чемпионате весьма

неровно, хотя и были ярчай-
шие всплески: «на ровном» ме-
сте он пожертвовал в дебю-
те фигуру гроссмейстеру
Авербаху, а затем серией так-
тических ударов буквально
растерзал позицию своего про-
тивника; красивейшим комби-
национным ударом одержал
традиционную победу над То-
лушем... Когда турнир пере-
сек «экватор», выяснилось,
что у Талья чуть больше 50%
возможных очков. Положение
нужно было срочно исправ-
лять, ибо только первая чет-
верка победителей получала
право на участие в межзональ-
ном турнире, отборочном к
первенству мира. И Таль за-
играл. Без риска было уже не
обойтись, но именно игра,
подобная жонглированию на
лезвии ножа, тогда особенно
удавалась ему.

Одержав победы над гросс-
мейстерами Котовым, Тайма-
новым, Геллером и нескольки-
ми сильными мастерами, Таль
вплотную приблизился к ли-
дирующей группе, а затем в
предпоследнем туре догнал
идущего на первом месте Пет-
росяна. Рижским болельщикам
осталось пережить главное:
в последнем туре противни-
ком Талья был Спасский, обыч-

но удачно играющий с ним. Более того, Спасский играл белыми, и притом только на победу — только победа давала ему право на межзональный турнир. Первые пять часов исключительно нервной борьбы дали определенное преимущество Спасскому: партия была отложена с его позиционным перевесом и явно «ненадежным» королем Таля. Интересно, что при анализе выигрыша за белых не нашли ни Таль, ни Спасский, хотя в наличии его оба не сомневались (выигрыш за Спасского был найден лишь спустя полгода после окончания этой партии). Ненадежность короля черных оказалась роковым «раздражителем» для Спасского — в поисках выигрыша он на какое-то мгновение перешел границу дозволенного риска — и роли переменялись: фигуры Таля с участием «ожившего» черного короля «набросились» на короля белых и в несколько ходов сплели вокруг него «матовую сеть». Когда на демонстрационной доске появилась надпись «Белые сдались», почти все зрители, заполнившие рижский Дворец науки, ринулись на сцену поздравлять мо-

лодого гроссмейстера со второй подряд победой в чемпионате СССР.

Югославский городок Порторож должен быть безоговорочно вписан в шахматную историю, ибо именно здесь дебютировали в отборочном к первенству мира цикле два будущих шахматных короля — Михаил Таль и Роберт Фишер. Играл в этом же межзональном турнире и еще один будущий чемпион мира — Тигран Петросян; он был уже в такого рода турнирах не новичком. Вся эта тройка получила право продолжить борьбу в турнире претендентов. Но Таль «по привычке» стал первым, Петросян разделил 3 — 4-е места с Бенко, а Фишер вместе с гроссмейстером Олафссоном разделили 5 — 6-е места, завоевав последние вакансии на турнир претендентов.

Двукратный чемпион СССР, победитель межзонального турнира рвался в бой. Но в сборную страны, выступавшую на XIII Всемирной Олимпиаде в Мюнхене, его взяли лишь в качестве запасного. Эту кажущуюся парадоксальность можно понять, если назвать нашу основную

«великолепную четверку»: Ботвинник, Смыслов, Керес и Бронштейн! Вторым запасным в команде СССР был Петросян. Думается, что о месте, занятом этой командой на Олимпиаде, напоминать излишне... «Львиную долю» в общий успех внес Таль, набравший 13,5 очка из 15 возможных — абсолютно лучший результат на Олимпиаде.

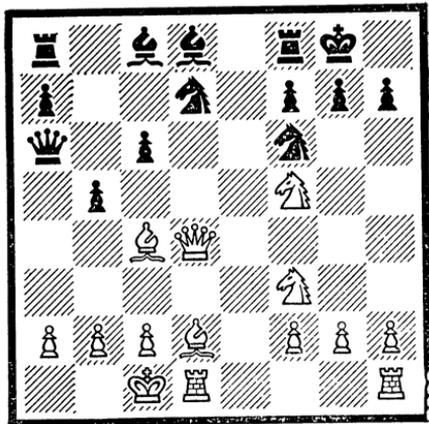
Следующим этапом репетиции к турниру претендентов был финал XXVI чемпионата страны. Впоследствии Таль признался, что еще перед началом он понимал, что стать чемпионом в третий раз подряд — это уже слишком. И все же, несмотря на неудачное начало, рижский гроссмейстер одержал серию запоминающихся побед и вплотную приблизился к идущему на первом месте Петросяну. Но догнать лидера ему было не суждено. В результате — дележ 2—3-го мест с Борисом Спасским. Конечно, фанатичные болельщики Талья были несколько разочарованы. Специалисты же понимали, что тбилисский результат рижанина — продолжение его взлета.

Через три месяца после чемпионата страны Таль принял участие в очень сильном по составу турнире, организованном в честь 150-летия старейшего в Европе Цюрихского шахматного общества, и уверенно выиграл первый приз (вторым был Глигорич, 3—4-е места разделили Керес и Фишер). Сверхрискованной можно назвать игру его в том соревновании. Есть предположение, что в Цюрихе состоялась окончательная шлифовка виртуозного тактического мастерства, которое Таль собирался противопоставить стратегическому искусству таких шахматных корифеев, как Керес, Смыслов, Петросян и Глигорич, в предстоящем турнире претендентов.

В первом туре турнира претендентов противником Талья был недавно (1958 г.) лишившийся мировой короны Василий Смыслов, и, конечно, тактику Талю была навязана стратегическая игра. Отчаянная жертва качества, принятая Талем уже в худшем эндшпиле, спасти положения не смогла... «Первый блин» оказался не «комом», а отличным предостережением. Правда, после победы во вто-

ром туре над Глигоричем последовало досадное (в выигрышной позиции) поражение от Кереса, но Таль понял, что бороться, и бороться вполне успешно с выдающимися шахматными авторитетами вполне возможно. В оставшихся четырех партиях первого круга он набрал 3,5 очка, сделав ничью с Петросяном и победив всех иностранцев, и вместе с Кересом и Петросяном возглавил турнир.

Второй круг Таль начал с великолепной победы над Смысловым.

14. Фh4! bc 15. Фg5 (в этом маневре смысл жертвы; на естественное 15... g6 следовало бы 16. Kh6+ Kpg7 17. Cc3

Ф : a2 18. Kh4! Фa1+ 19. Kpd2 Фa6 20. K4f5+ Kph8 21. Кре2!! Ле8+ 22. Kpf1 — и позиция черных незащитима). 15... Kh5 16. Kh6+ (ничего не давало 16. Ф : h5 из-за 16... Kf6 и 17... С : f5) Kph8 17. Ф : h5 Ф : a2 (самым правильным ходом, как показали последующие исследования, был ход 17... Cf6 с шансами на уравнивание; теперь же все ясно...) 18. Cc3 Kf6 19. Ф : f7!! (грозит спертый мат) 19... Фa1+ 20. Kpd2 Л : f7 21. К : f7+ Kpg8 22. Л : a1 Кр : f7 23. Ke5+ Кре6 24. К : c6 Ke4+ 25. Кре3 Cb6+ 26. Cd4. Черные сдались.

В 3-м туре второго круга, добившись лучшей позиции в партии с Кересом, Таль в результате грубого просчета потерпел досадное поражение. Проигрыш конкуренту до предела обострил турнирную ситуацию. После двух кругов лидировал Керес, набравший 10 очков из 14 возможных, у Таля было на пол-очка меньше, на очко от него отставал Петросян. 3-й круг в значительной мере определил окончательный успех Таля: «выделив» по пол-очка Петросяну и Смыслову, он победил всех остальных претендентов, в том числе самого Кереса. В

последнем круге оставалось удержать приобретенное, что Таль и сделал без особых хлопот. 20 очков из 28 возможных в борьбе с сильнейшими гроссмейстерами мира и, главное, удивительно яркий и предприимчивый стиль игры не вызывали ни у кого сомнений в том, что Ботвинник получил достойнейшего противника.

Итак, что же это такое — «стиль Таля»? Речь, разумеется, идет о стиле Таля «образца 1956 — 1965 годов». Начнем с мнения Ботвинника: «С точки зрения кибернетики и вычислительной техники, Михаил Таль — устройство по переработке информации, обладающее и большей памятью и большим быстродействием, чем другие гроссмейстеры; в тех случаях, когда фигуры на доске обладают большей подвижностью, это имеет важнейшее, решающее значение». — Более холодной, лаконичной и, возможно, правильной характеристики «стиля Таля» придумать трудно. Далее Ботвинник продолжал: «Талья мало интересовало, как объективно оценить позицию, к которой он стремился; пусть у него там будет объективно ху-

же, лишь бы фигуры были подвижны...» Преклоняясь перед шахматным авторитетом Ботвинника, хотелось бы все же начисто отвергнуть эту часть его утверждения. Если бы было действительно так, разве смог бы Таль отодвинуть от непосредственной борьбы за шахматный трон Кереса и Смыслова, разве смог бы регулярно побеждать такого универсала, как Бронштейн, и, наконец, разве смог бы он победить самого Ботвинника?!

Ближе всех к разгадке стиля Таля, на наш взгляд, находился выдающийся советский гроссмейстер В. Рагозин (1908 — 1962). После турнира претендентов 1959 г. он «разложил» стиль Таля на составляющие: «Первое — стремление к инициативе любой ценой, часто не считаясь с жертвами; второе — гармоничная связь фигур и их полная, с дыханием во всю грудь, жизнь; третье — сосредоточение сил на главной персоне на доске — короле, четвертое — резкое изменение в ходе борьбы путем жертвы (это, может быть, наиболее опасное оружие, которым Таль искусно пользуется в любых позициях), пятое — отсутствие

боязни неясных, обоюдоострых позиций».

Непосредственно перед началом матча Таля с Ботвинником на страницах прессы появилась восторженная оценка его стиля, данная экс-чемпионом мира М. Эйве: «У Таль есть что-то от каждого из предыдущих чемпионов мира. От Морфи — шахматный блеск, от В. Стейница — нечто магическое, от Эм. Ласкера — психологический подход, от А. Алехина — бурный комбинационный темп, от М. Ботвинника — кипучая энергия».

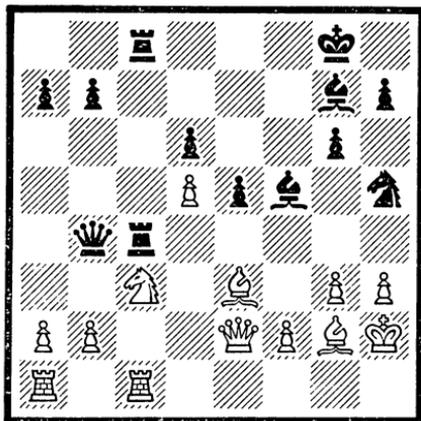
15 марта 1960 г. сцена московского театра им. А. С. Пушкина стала местом «диалога» двух совершенно разных по стилю, но, безусловно, самых сильных шахматистов того времени.

В 1-й партии матча чемпион мира «вызвал огонь на себя», применив черными апробированный им острый вариант Французской защиты, связанный с жертвой пешки. В ответ Таль продемонстрировал оригинальный план активных действий, удержал лишнюю пешку и уже на 32-м ходу форсировал победу.

Последующие четыре партии проходили под знаком не-

которого перевеса Ботвинника — все тактические устремления Таля в корне пресекались, но минимальных позиционных плюсов, получаемых Ботвинником, было недостаточно для игры на выигрыш.

6-я партия матча навсегда вошла в мировой «золотой фонд» шахматного творчества. Остроумно и своеобразно разыграл Таль черными Староиндийскую защиту — дебют, в котором Ботвинник белыми одержал немало блистательных побед. На этот раз верность канонам оказалась для чемпиона мира роковой.

21... Kf4!! (эффектная и, что любопытно, почти вынужденная жертва, так как в про-

тивном случае у белых был бы ощутимый позиционный перевес) 22. gf ef 23. Cd2? (впоследствии было доказано, что после 23. a3 белые удерживали равновесие, но не больше...) 23... Ф :b2 (неточность, правильно было 23... Се5!) 24. Лаб1 f3! 25. Л :b2? (конечно, за доской в условиях огромного напряжения очень трудно рассмотреть вариант: 25. С :f3 С :b1 26. Л :b1 Фс2 27. Се4!! Л :e4 28. К :e4! Се5+ 29. Кpg2 Ф :b1 30. К :d6! С :d6 31. Фе6+ Кpg7 32. Фd7+ с лучшим эндшпилем у белых, но, пройдя мимо этой возможности, Ботвинник сразу попадает в тяжелое положение) 25... fe 26. Лb3 Лd4 27. Се1 Се5+ 28. Кpg1 Cf4 (достаточный для победы ход, но быстрее решало исход борьбы: 28... Л :c3! 29. Лb :c3 Лd1 30. Лс4 Сb2) 29. К :e2 Л :c1 30. К :d4 Л :e1+ 31. Cf1 Се4 32. Ке2 Се5 33. f4 Cf6 34. Л :b7 С :d5 35. Лс7 С :a2 36. Л :a7 Сс4 37. Ла8+ Кpf7 38. Ла7+ Кре6 39. Ла3 d5 40. Кpf2 Ch4+ 41. Кpg2 Кpd6 42. Кg3 С :g3 43. С :c4 dc 44. Кр :g3 Кpd5 45. Ла7 с3 46. Лс7 Кpd4— здесь партия была отложена, и Ботвинник сдал ее, не приступая к игре.

Поражение в 6-й партии потрясло Ботвинника, и он, добившись лучшей позиции в 7-й встрече, допустил серьезную ошибку. Счет стал 5 : 2 в пользу претендента.

Уверовав в свою безнаказанность, рижанин в 8 и 9-й партиях заиграл азартно и рискованно. Однако два рядовых поражения убедили его в безнадёжности такой тактики против чемпиона мира. Охладив свой пыл, Таль аккуратно и солидно провел 10-ю партию, в которой Ботвинник с трудом добился ничьей. Не только творческую, но и моральную победу одержал молодой гроссмейстер в 11-й партии: Ботвинник убедился, что его противник при желании из блестящего, но рискованного тактика может превратиться в глубочайшего стратега.

Получив перевес в два очка, Таль вдруг проявил мудрость и заиграл осторожно. Применительно к Талю никто такого не ожидал. Болельщики жаждали «крови». Молодости свойственно нетерпение, и Таль рванулся в бой в 17-й партии. Это был вновь бой, полный риска и азарта. Обойдя большое количество «подводных рифов», Ботвинник по-

лучил позицию с шансами на победу, но в сильнейшем цейтноте просмотрел несложный тактический удар Талья. После этой победы претендента судьба матча была, в сущности, решена, хотя в 18-й партии Таль спасся, проявив максимум изобретательности.

В 19-й партии соперники как бы поменялись ролями: Ботвинник, пытаясь отыграть, допустил некоторые позиционные «вольности» (при игре черными это особенно опасно). В результате дело свелось к окончанию с лишней пешкой у белых. Реализацию перевеса Таль осуществил образцово.

20 и 21-я партии закончились вничью, и шахматный мир обрел нового чемпиона. Счет 12,5 : 8,5 ни у кого не вызывал сомнений в закономерности победы 23-летнего Талья.

Борьба за шахматный трон имеет свои законы, один из которых гласит, что удержать корону значительно труднее, чем завоевать. Закон этот не смог нарушить даже такой «волшебник», как Таль. Были тому и объективные причины: во-первых, неважное здоровье, во-вторых, безграничный шахматный фанатизм, за-

частую исключаящий мудрость и благоразумие. Третья и самая главная причина — Ботвинник, сохранивший в свои 50 лет колоссальную шахматную силу и отличающийся и мудростью, и благоразумием.

Многие ожидали, что от матч-реванша Ботвинник откажется: зачем искушать судьбу против находящегося в расцвете чемпиона мира, да еще вдвое младшего по возрасту! Но матч-реванш состоялся. Результат был триумфальным для Ботвинника и катастрофическим для Талья. Практически все попытки Талья к обострению игры, к получению тактических позиций капитально пресекались Ботвинником, сумевшим в период подготовки к поединку вскрыть все темные стороны в творчестве Талья. Только феноменальными способностями Талья, умеющего находить «тактику» там, где ее, казалось, не должно было быть, можно объяснить пять его побед в этом матче. Но Ботвинник одержал их десять и закончил матч досрочной победой со счетом 13 : 8(!).

25-летний экс-чемпион мира не пал духом и всего через три месяца после утраты чемпионского титула проде-

монстрировал экстра-класс на «турнире века» в югославском городе Блеме, заняв в нем 1-е место и опередив на очко занявшего 2-е место повзрослевшего Бобби Фишера, на два очка — разделивших 3—5-е места Кереса, Глигорича и Петросяна. Совсем далеко от победителя остались Геллер, Ивков, Портиш и другие.

Попытка получить еще одну «аудиенцию» у Ботвинника на турнире претендентов в 1962 г. была для Таля безуспешной: три круга Таль вел напряженнейшие турнирные поединки, испытывая не вовремя нагрянувшее болезненное недомогание, четвертый круг пришлось провести без такого «совмещения» — в госпитале...

Конец 1962 г. еще не выздоровевший, но неугомонный экс-чемпион провел на очередном чемпионате страны и разделил в нем 2—3-е места с гроссмейстером Таймановым.

1963 г. стал годом прихода Таля в большую шахматную журналистику — на матче за мировую шахматную корону между Ботвинником и Петросяном ему выпала миссия быть шахматным обозревателем газеты «Советский спорт». И

тут любители шахмат обнаружили, что молодой экс-чемпион мира — прекрасный журналист. Его репортажи были остроумны, нешаблонны и, что самое главное, общедоступны. Журналистское мастерство Таля позволило тогда массе шахматных болельщиков самой разной квалификации почувствовать и понять тончайшие нюансы противоборства выдающихся гроссмейстеров.

Статья Таля «Торжество виртуозной техники», посвященная итогам матча Ботвинник — Петросян, заканчивалась словами: «Конечно, хотелось бы видеть больше тактических осложнений, комбинаций не только за разборкой партии, но и на демонстрационной доске, но на сей раз участники матча «по обоюдному согласию» ушли от соревнования по части комбинационной выдумки. Они состязались в другом — в глубокой стратегии, тонкой технике, они состязались в широком шахматном мастерстве, и с этой точки зрения матч дал много интересного, поучительного».

«Глубокая стратегия» и «тонкая техника» — именно то,

на что должен был обратить особое внимание непревзойденный «по части комбинационной выдумки» Таль при своих последующих попытках получить право на матч с чемпионом мира.

Самым удачным из всех неудачных для Таля последующих циклов отбора был как раз следующий цикл — к матчу с чемпионом мира Петросяном. Начался он с дележа 1—4-го мест (со Спасским, Смысловым и Ларсеном) на межзональном турнире в Амстердаме. Подводя итоги этого соревнования, гроссмейстер И. Бондаревский писал: «М. Таль — „метеор“, пронесшийся над шахматным миром в 1959—1960 гг., начинает, на мой взгляд, свой следующий победный взлет...» И далее: «Как и прежде, энергичная, волевая игра часто приносит ему быстрые, порой молниеносные победы, но иногда безудержная фантазия, склонность к риску толкают его на путь шахматного авантюризма...» — удивительно точный штрих в шахматной характеристике Таля.

Матчи претендентского цикла с выдающимися гроссмейстерами Л. Портишем (Венг-

рия) и Б. Ларсеном (Дания) Таль провел в полном соответствии со «штрихом», отмеченным Бондаревским. Но искусство риска было столь высоко, что первый матч был выигран со счетом 5,5 : 2,5, а второй — 5,5 : 4,5. Разумеется, чтобы победить Портиша и Ларсена, «искусство риска» должно было подкрепляться искусством анализа, импровизации и недюжинной техникой.

Для выхода на Петросяна оставалось победить в финальном матче претендентов Бориса Спасского. Этот последний барьер оказался Талю не по силам. Спасский со своим тренером Бондаревским отлично подготовились к матчу как в шахматном, так и в психологическом отношении. Талю была навязана совсем «не его игра». Правда, во второй партии матча Спасский пошел на обоюдоострую тактическую позицию, но, проиграв ее, совершенно изменил тактику борьбы. Не способствовало успеху Таля в этом матче и его состояние здоровья. Окончательный счет матча 7 : 4 в пользу Спасского отражал реальное соотношение сил...

Еще четырежды входил Таль в число претендентов на матч с чемпионом мира, но, к сожалению, еще на подступах к финальному матчу выбывал из борьбы.

Оставаясь одним из сильнейших шахматистов мира, Таль продолжает показывать выдающиеся результаты в отдельных турнирах. За период с 1970 по 1980 г. он победил более чем в 20 международных турнирах и трижды (в 1967, 1972 и 1974 гг.) становился чемпионом нашей страны. Десять гроссмейстеров экстра-класса во главе с чемпионом мира Анатолием Карповым приняли участие в «турнире звезд», проходившем с 10 апреля по 7 мая 1979 г. в Монреале (Канада). Двухкруговой турнир завершился триумфом Таля и Карпова, разделивших 1—2-е места и набравших по 12 очков из 18 возможных. Ни одного поражения не потерпел в поединках со «звездами» Таль, и это уже симптом «правильных» шахмат. Естественно, что в послетурнирном интервью экс-чемпиону мира пришлось отвечать на вопрос, касающийся эволюции его стиля: «И рад бы в рай, да грехи не пуска-

ют!.. Может, я стал постарше, чуть больше вижу за партнеров, чуть меньше — за себя. Убеден, что, защищенный всей этой броней, я бы того претендента 60-го года просто растерзал!»

Нет, Михаил Нехемьевич, не надо «терзать» «того претендента 60-го года» — слишком много радостей и чудесных открытий принес он любителям шахмат! Не беда, что «тот претендент», став чемпионом мира, очень быстро заработал приставку «экс», ибо появившийся экс-чемпион мира продолжает радовать (неудачи ему прощаются) своих многочисленных поклонников великолепными комбинациями, прекрасными стратегическими партиями, а иногда и виртуозно проведенными эндшпилями.

Дальнейший расцвет шахмат зависит от их популярности. Одним из основных факторов, способствующих популярности шахмат, являются красивые комбинации, связанные с атакой на короля. Блестяще проведенная атака, изобилующая многочисленными жертвами, производит, как правило, неотразимое впечатление на многочисленную ар-

мию шахматных болельщиков и способствует пополнению их рядов.

В 1978 году издательство «Физкультура и спорт» выпустило шахматную книгу с лаконичным и интригующим названием «В огонь атаки» (авторы М. Таль и Я. Дамский).

Кто из гроссмейстеров сделал больше всех для поддержания этого огня? Возможно, некоторые исследователи назовут кого-либо другого, но абсолютное большинство любителей шахмат будет едино в своем мнении — Таль!

ПЕТРОСЯН

Даже среди двенадцати владельцев мировой шахматной короны индивидуальность Тиграна Вартановича Петросяна занимает особое место. На протяжении почти всей своей шахматной карьеры ему приходилось и приходится выслушивать и читать в официальной прессе упреки в излишней осторожности и перестраховке.

Правы ли «критики»? Вряд ли. Шахматист, сыгравший три

матча на звание чемпиона мира, выигравший два таких матча и проигравший один в упорной борьбе, имеет право считать выбранные им методы борьбы, если они даже излишне осторожны, правильными.

Место рождения и шахматного «крещения» девятого чемпиона мира — Тбилиси. В этом городе прошли его детство и, после смерти родителей во время Великой Отечественной войны, ранняя взрослость. Лишившись элементарных семейных радостей, маленький Тигран с головой окунулся в радости самой мудрой игры на земле.

Судьбе было угодно, чтобы первой шахматной книгой, с которой познакомился 12-летний Петросян, оказалась «Моя система на практике». Одна из глав этого бессмертного творения выдающегося шахматного философа и гроссмейстера А. Нимцовича называется «Героическая защита». Не она ли, эта глава, стала своеобразным знаменем в последующих шахматных поединках Петросяна? Конечно, героически защищаться было бы невозможно, если бы не были освоены остальные главы

любимой книги, выученной маленьким шахматистом наизусть. Впитав в себя позиционные постулаты Нимцовича, Тигран нашел в тбилисском Дворце пионеров своего единомышленника и наставника — известного грузинского мастера Арчила Силовановича Эбралидзе. По прошествии многих лет Петросян вспоминал: «Человек редкой отзывчивости и душевной доброты, Арчил Силованович был мастером большой шахматной культуры... В спорах с другими мастерами он с горячностью обрушивался на позицию того из соперников, который нарушал основные принципы шахматной стратегии, подчас на его лице появлялось брезгливое выражение, если он видел явную «антипозиционщину». Добавлю еще, что Эбралидзе был большим поклонником Нимцовича, Капабланки и... защиты Каро-Канн».

Было бы совершенно неправильно считать, что Петросян только и делает, что защищается. Уже в раннем возрасте в соревнованиях со взрослыми он демонстрировал отличный тактический талант, умение маневрировать и контратаковать, но «коньком»

его всегда была защита, а точнее (по Нимцовичу) — «стратегия профилактики».

Летом 1945 г. в Ленинграде проводился первый послевоенный Всесоюзный юношеский турнир. Среди его участников был и ученик 8-го класса 5-й тбилисской средней школы Тигран Петросян. Основная борьба за первое место развернулась между москвичом Юрием Васильчуком, ленинградцем Ароном Решко и Тиграном Петросяном. Они и разделили 1—3-е места, набрав по 11 очков из 15 возможных. Такой успех не мог не стимулировать.

В 1946 г. юного шахматиста ожидали новые достижения. Во-первых, это был чемпионат Грузии, в котором вне конкурса приняли участие гроссмейстер П. Керес, мастера В. Микенас и Е. Загорянский. Гости оказались сильнее хозяев и заняли первые три места (1-е — Керес, 2-е — Микенас, 3-е — Загорянский). Чемпионом Грузии, заняв 4-е место, стал наставник Петросяна А. Эбралидзе, набравший 13 очков из 19 возможных; лишь пол-очка уступил ему Петросян, став серебряным призером. И хотя годом рань-

ше Петросян был чемпионом Грузии, украшением «серебра» была ничья с самим Кересом.

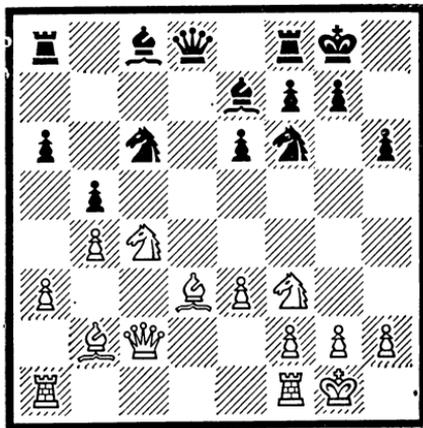
Переехав в том же году на постоянное жительство в Ереван, юный кандидат в мастера уверенно победил в чемпионате Армении (9 из 10), оставив на 2—3-м местах опытных мастеров Г. Каспаряна и Г. Фридштейна.

Победа Петросяна во Всесоюзном юношеском турнире 1946 г. никого не удивила — ведь он был не только единственным кандидатом в мастера среди юных шахматистов, но и участником представительных взрослых турниров.

Поучительный разгром учинил победитель турнира первокатегорнику (ныне известному шахматному мастеру) Ю. Коткову, игравшему черными (см. диаграмму).

14. С : f6! — нешаблонное и весьма эффектное решение по реализации позиционных плюсов. 14... С : f6 15. Лад1 Cd7 (грозило 16. Ch7+ с выигрышем ферзя) 16. Ch7+ Kph8 17. Ce4 К : b4? (проигрывает сразу, но и после 17... Лс8 18. Л : d7! Ф : d7 19. Kb6 дела черных плохи, так как на

отступление ферзя следует 20. К : с8 с дальнейшей связкой по линии «с») 18. аb Лс8 19. Л : d7 Ф : d7 20. Kb6. Черные сдались.

В итоговой статье о Всесоюзном юношеском турнире гроссмейстер Г. Левенфиш писал: В области дебюта у Петросяна имеются познания, которым может позавидовать иной стажированный мастер. Петросян хорошо «чувствует» позицию и в большинстве партий стратегически переигрывал своих молодых конкурентов и затем добивал их короткими тактическими ударами. У него

неплохое комбинационное зрение, и в расчетах он редко ошибается...»

И все же 1946 г. не был таким уж «безоблачным» для чемпиона СССР среди юношей. Он слабо провел Всесоюзный турнир кандидатов в мастера в Ленинграде и совсем неудачно — полуфинал первенства страны в Тбилиси, разделив 16—17-е места при 18 участниках. Причиной обеих неудач была в основном излишняя чувствительность к поражениям. Очевидно, зная за собой эту слабость, Петросян решил свести число своих поражений до минимума. Так 1947 г. стал годом появления «нового» Петросяна — исключительно техничного, очень осмотрительного, но не чуждающегося и бурных осложнений (в благоприятной позиционной ситуации). Он превосходно проводит Всесоюзный турнир кандидатов в мастера — 1-е место, 11,5 очка из 15 возможных. Уверенно вел борьбу Петросян в полуфинале XVI чемпионата СССР и был близок к выходу в финал, но главной целью было выполнение нормы мастера, чего он и добился, став в 1947 г. самым молодым мас-

тером по шахматам в нашей стране.

Самый молодой шахматный мастер в самой сильной шахматной державе мира — это ли не серьезная заявка на будущее?! Надежды поклонников Петросян начал было оправдывать в 1949 г., когда, заняв 2-е место (первым был Е. Геллер) в полуфинале страны, получил право играть в долгожданном финале. Первые пять туров XVII чемпионата СССР, проходившего в Москве, оказались для Петросяна подобными пяти сеансам холодного душа. Особенно холодным был «душ» в партии в гроссмейстером Котовым: совершив грубейший просмотр, Петросян остановил часы уже на 9-м ходу. Может быть, после этих пяти нулей и начался «железный Тигран» (это кем-то метко присвоенное прозвище он носит до сих пор). В шестом туре, наконец-то, оправившись от волнения, он в хорошем стратегическом стиле одолел гроссмейстера А. Лилиентала и в оставшихся 13 партиях набрал 50% возможных очков.

Стремясь к активному общению с высококвалифицированными шахматистами (живя

в далеком Ереване, в то время это было сделать нелегко), Петросян в 1950 г. обретает московскую прописку и сразу же включается в чемпионат Москвы, где становится третьим призером (после разделивших 1—2-е места Авербаха и Чистякова). Творческое общение с московскими мастерами, и особенно с гроссмейстером А. Лилиенталем, принесло свои плоды. Петросян вновь завоевывает право на участие в финале первенства СССР, разделив 2—3-е места в полуфинале с В. Люблинским (первым был Л. Аронин).

Финал XVIII чемпионата страны стал для Петросяна более удачным, нежели предыдущий, но казалось, что до успеха еще далеко — 6 поражений, 6 ничьих и 5 побед дали ему дележ 12—13-го мест (при 18 участниках) с гроссмейстером Бондаревским. Были и обнадеживающие симптомы: победа над занявшим 1-е место П. Кересом и обилие интересных стратегических идей, практическое воплощение которых нуждалось в «ремонте», но не капитальном, а косметическом. Специалистам уже тогда стало

ясно, что с именем Петросяна можно связывать самые радужные надежды.

Шахматная звезда Петросяна ярко зажглась в 1951 г., зажглась, чтобы не угаснуть никогда... Финал XIX чемпионата СССР собрал совершенно уникальный состав: чемпион мира М. Ботвинник, второй шахматист мира Б. Бронштейн, гроссмейстеры П. Керес, В. Смыслов, С. Флор, А. Котов, И. Бондаревский и ряд молодых мастеров, вскоре ставших гроссмейстерами. С двух нулей начал соревнование Петросян, но это был уже «железный Тигран». Он стойко перенес поражения и стал планомерно набирать очки. В числе поверженных им противников были В. Смыслов, А. Котов, И. Бондаревский, М. Тайманов, В. Симагин. С Ботвинником и Бронштейном он сделал ничьи, а в 16-м, предпоследнем, туре добился выигрышной позиции с лидером турнира П. Кересом.

«Петросян выигрывает! Двадцатилетний мастер будет чемпионом СССР», — гудели зрители. Действительно, если бы Петросян выиграл эту партию, то он на пол-очка обошел бы Кереса, а в последнем туре

ему предстояла встреча с аутсайдером — мастером Терпуговым... Волнение зрителей передалось молодому мастеру — он допустил неточность, которой отлично воспользовался Керес, добившись ничьей. В результате Петросян разделил 2—3-е места с Е. Геллером, уступив ставшему чемпионом П. Кересу пол-очка. Значимость этого успеха усиливал тот факт, что чемпионат был отборочным к очередному циклу розыгрыша первенства мира — Петросян вместе с другими победителями получил право на участие в межзональном турнире.

Межзональный турнир 1952 г. в Стокгольме вошел в историю как триумф советской шахматной школы. Пять первых мест в этом турнире давали право на участие в турнире претендентов, и все пять первых мест заняли советские шахматисты! Победителем турнира стал находившийся в исключительной спортивной форме гроссмейстер А. Котов — 16,5 очка из 20 возможных, 2—3-е места разделили Петросян и Тайманов — 13,5 очка, четвертым финишировал Геллер — 13 очков, 5—8-е места разделили Авербах, Глиго-

рич, Сабо и Штальберг, но у советского мастера были лучшие показатели по таблице коэффициентов. Советская шахматная организация по результатам межзонального турнира получила солидное квалификационное пополнение в виде четырех международных гроссмейстеров — Петросяна, Тайманова, Геллера и Авербаха. Кстати, длинную дистанцию (20 туров) межзонального турнира Петросян прошел без поражений.

Существует мнение, что турнир претендентов 1953 г. Петросян провел слишком осторожно и потому, якобы, занял лишь 5-е место. Журналист Виктор Васильев пишет, что вернувшегося после этого турнира в Москву Петросяна «встретило молчаливое осуждение». Очень сомнительно, что осуждающие были правы. Исходя из элементарной объективности, 5-е место Петросяна в первом в его жизни турнире претендентов следует считать выдающимся достижением — ведь позади остались 10 великолепных гроссмейстеров, а впереди были действительно самые сильные гроссмейстеры (за исключением Ботвинника) того времени —

Смыслов, Бронштейн, Керес и Решевский.

Относительной неудачей быстро прогрессирувавшего гроссмейстера следовало, вероятно, считать дележ 4—5-го мест в финале первенства СССР 1953 г., но, с другой стороны, — 12,5 очка из 19 возможных, без единого поражения, — свидетельство продолжавшегося роста надежности его «бастионов».

Умение не проигрывать или почти не проигрывать в турнирах на высших шахматных уровнях далеко не всегда обеспечивает высокое место в турнирной таблице. И не Петросян придумал турнирную тактику, основанную на принципе — не проигрывать фаворитам, то есть претендующим на места в верхней половине таблицы, и набирать максимум возможных очков против аутсайдеров. Эта тактика сильных будет существовать, пока будет существовать в шахматах спортивный фактор, несмотря на сетования критиков — сторонников шахматного боя с открытым забралом. Для того чтобы совершенствовать это самое искусство борьбы с аутсайдерами, гроссмейстеры позволяют себе

сыграть один-другой второстепенный турнир раскованно, т. е. переступая грань дозволенного риска. Очевидно, таким турниром в преддверии грядущих ответственных боев был для Петросяна международный турнир в Белграде в 1954 г., где он разделил 4—5-е места (при 20 участниках) с гроссмейстером Ивковым и проиграл три партии.

Начался 1955 г., который знаменовал собой начало решающего, хотя и затянувшегося на восемь лет, штурма Петросяном главного шахматного пика.

Прежде всего нужно было вновь завоевывать право на участие в межзональном турнире, отборочным к которому был финал XXII первенства страны. В числе участников этого турнира, превосходившего по силе предстоящий межзональный турнир, стартовали Ботвинник, Смыслов, Керес, Тайманов, Геллер, Спасский и другие опытнейшие турнирные бойцы. В итоге Петросян разделил 3—6-е места с Ботвинником, Спасским, Иливицким, уступив разделившим 1—2-е места Геллеру и Смыслову пол-очка. На этом чемпионате, как и на предыдущем,

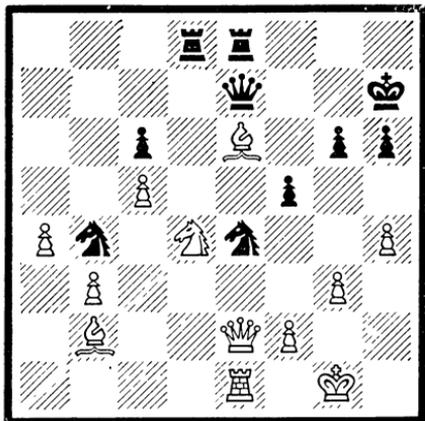
он не потерпел ни одного поражения.

А когда на межзональном турнире в шведском городе Гетеборге Петросян провел без поражений еще 20 поединков, шутники стали поговаривать о переименовании «железного Тиграна», «в железобетонного Тиграна». Несмотря на отсутствие нулей в турнирной таблице, Петросян стал в Гетеборге лишь четвертым (1-й — Бронштейн, 2-й — Керес, 3-й — Панно), и хотя право на участие в турнире претендентов было получено, обилие сделанных ничьих не настраивало на оптимистическую волну в предстоящем соревновании сильнейших гроссмейстеров мира — ведь там 27-летнего гроссмейстера могло устроить только первое место.

В прессе опять появились упреки в излишнем миролюбии и осторожности, и, словно в ответ на это, на страницах периодических шахматных изданий промелькнула многоходовая изящнейшая комбинация, проведенная Петросяном на турнире в Гетеборге в партии с аргентинцем Гимаром.

46. h5!! (делая этот ответственный ход, надо было посчитать «всего лишь» на

15 ходов вперед) 46... Л: d4 (естественная и вынужденная реакция) 47. hg+ Кр: g6 48. С: f5+! Кр: f5 49. Фh5+ Кре6 50. Фg4+ Крд5 (если 50... Крf7, то 51. С: d4 с угрозой 52. Фg7+) 51. Фf5+ Фе5 52. Фd7+ Кр: c5 53. Лс1+ Кс3 54. Л: c3+ Крb6 55. a5+ Кр: a5 (не лучше и 55... Крb5 из-за

56. Фb7+, а на 55... Кра6 решало 56. Л: c6+!) 56. Фа7+ Крb5 (56... Ка6 57. b4+!) 57. Фb7+ Кра5 58. Лс1 (грозит Ла1+) 58... Лd1+ 59. Л: d1 Ф: b2 60. Фа7+ Ка6 (а на 60... Крb5 выигрывало 61. Фа4+) 61. b4+!! — именно этот смертельный удар был предусмотрен Петросяном 15 ходов тому назад! 61...

Кр : b4 62. Фб6+. Черные сдались.

Турниром неиспользованных возможностей стал для Петросяна Амстердамский турнир гроссмейстеров — претендентов на мировую корону. Два очка в конечном итоге отделили его от занявшего первое место В. Смыслова. И это были именно те два очка, которые он «подарил» своим противникам на старте. Некоторые специалисты объяснили тогда этот срыв «ломкой стилия» — якобы Петросян переходит к более агрессивной манере игры, и при этом неизбежны издержки... Внимательный анализ партий Амстердамского турнира показывает, что стилю своему изменять Петросян не пытался, просто ему фатально не везло, а невезение, как правило, не объясняется никакими теориями. Чем, например, объяснить, что, начисто переиграв Бронштейна и добившись абсолютно выигрышной позиции, Петросян, имея запас времени (а Бронштейн был в цейтноте) «подставил» ферзя? Труднообъяснимы и ничьи в первом круге со Смысловым и Спасским — обе партии были абсолютно безнадежны у

противников Петросяна, но всегда выдержанному «железному Тиграну» почему-то в этих поединках изменила именно выдержка...

Так или иначе, но предстояло начинать все сначала. И он начал...

Очередной чемпионат СССР отборочным к первенству мира не был и потому, подобно Белградскому турниру 1954 г., Петросян провел его раскованно, показав лишь седьмой результат (при 22 участниках). К первенству страны 1958 г. относиться надо было уже в высшей степени серьезно: с него начинался ставший уже привычным для Петросяна отборочный цикл к первенству мира. Упорнейшая борьба разгорелась в том чемпионате за четыре путевки на межзональный турнир. За тур до конца турнирную таблицу возглавили набравшие равное количество очков Петросян и Таль. Нетрудно объяснить миролюбие Петросяна в последнем туре — ничья гарантировала ему выход в заветную четверку, да и силы были на исходе. Не возражал против ничьей в последнем туре и Таль, но его противник Б. Спасский был настроен толь-

ко на победу и, казалось, должен был ее добиться, но при доигрывании совершил непостижимую ошибку и... Таль стал чемпионом. Это была вторая подряд его победа в чемпионатах страны. Двукратный чемпион СССР, демонстрирующий исключительно острую, переходящую порой грань дозволенного риска игру, был полным творческим антиподом Петросяна. Таль находился на колоссальном подъеме, его тактическое мастерство казалось недостижимым, и весь цикл отбора 1958—1959 гг. к матчу с чемпионом мира прошел под знаком его неудержимого натиска. Таль победил и в межзональном турнире в Портороже (Петросян разделил 3—4-е места) и с блеском выиграл турнир претендентов, где у Петросяна тоже был определенный прогресс—он занял чистое 3-е место (вторым был П. Керес).

В промежутке между межзональным турниром и турниром претендентов Петросян успел внести серьезную коррективу в свои «отношения» с Талем, впервые став чемпионом СССР—Таль со Спасским, разделившие 2—3-е

места, отстали от чего на целое очко. В большей статье об итогах XXVI чемпионата СССР гроссмейстер Д. Бронштейн писал: «Впервые он сумел так сильно и так ровно провести весь турнир, причем качество его партий исключительно высокое. Если Петросяну удастся сохранить такую блестящую спортивную форму, то он будет одним из главных претендентов на право оспаривать мировое первенство в единоборстве».

Прогноз Бронштейна оказался пророческим...

Превосходно провел Петросян финал XXVIII первенства страны—отборочного к первенству мира. Он вновь выиграл титул сильнейшего шахматиста СССР.

Следующий этап—межзональный турнир. Он состоялся в 1962 г. в Стокгольме и завершился триумфом 19-летнего Бобби Фишера. Не проиграв ни одной партии, американец набрал 17,5 очка из 22 возможных. Из 23 участников турнира только еще один шахматист сумел избежать поражений. Конечно, это был Петросян—с 15 очками он разделил 2—3-е места с Геллером. В послетурнирном ин-

тервью Бобби признался, что в предстоящем турнире претендентов он очень высоко расценивает шансы Петросяна. «Чего он так боится рисковать? — удивленно пожимая плечами, говорил Фишер. — При его таланте, умении оценить обстановку, считать варианты!»

Турнир претендентов, проходивший на экзотическом острове Кюрасао, расставил все на свои места. Герой Стокгольма Фишер занял лишь 4-е место, а 1-е место и право играть матч с Ботвинником завоевал Петросян. И этот турнир турниров советский гроссмейстер провел без единого поражения, набрав 17,5 очка из 27 возможных. Хотя разделившие 2—3-е места Керес и Геллер отстали всего на пол-очка, в закономерности успеха победителя сомневающихся не было. «Его редчайший талант признают даже те, кому не совсем нравится манера игры московского гроссмейстера, — писал по окончании «битвы при Кюрасао» гроссмейстер А. Котов. — Вряд ли во всем мире найдешь другого шахматиста, у которого «кривая» шахматных успехов была бы столь ровной...»

Да, статистика шахматных выступлений Петросяна уникальна. 317 партий сыграл он в финалах чемпионатов СССР, межзональных турнирах и турнирах претендентов за период с 1952 по 1962 г. Только 18 поражений потерпел в этих соревнованиях, зато ровно 100 раз праздновал победу. В оригинальной книжке «Как побеждали Бобби Фишера», вышедшей в США в 1974 г., автор ее, мастер Э. Меднис, восторгается великолепной, на его взгляд, «статистикой Фишера», у которого соотношение побед и поражений за 15 гроссмейстерских лет составило 5:1 (в счет идут и турниры сравнительно слабые). У миролюбивого Петросяна этот показатель за 10 гроссмейстерских лет выше — 5,5:1.

23 марта 1963 г. на сцену Московского театра эстрады поднялись два выдающихся советских гроссмейстера — чемпион мира Михаил Ботвинник и победитель многоступенчатого отборочного цикла Тигран Петросян. Очередной матч на звание чемпиона мира начался. Для Ботвинника это был уже седьмой матч на таком уровне. Поэтому естественно, что в 1-й партии, несмотря на

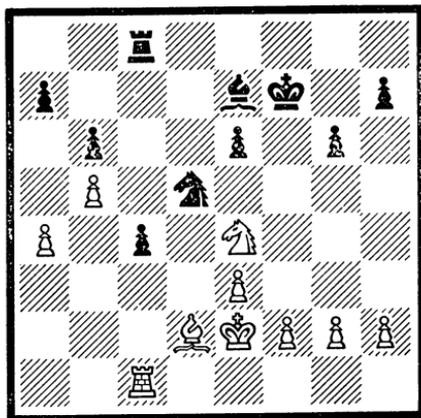
то, что белый цвет принадлежал претенденту, его намерения не были агрессивными. Борьба за инициативу ему мешали волнение, связанное с переполненным зрительным залом, и, главное, стартовая робость перед огромным шахматным авторитетом Ботвинника. Безобидное для черных дебютное построение, примененное Петросяном, позволило Ботвиннику перехватить инициативу. Вдобавок претендент угодил в цейтнот, что в его практике случалось чрезвычайно редко, и, допустив серьезную позиционную ошибку, позволил чемпиону мира несколькими тактическими ударами эффектно закончить партию.

Поражение на сильных шахматистов зачастую действует отрезвляюще. Защита Петросяна во 2-й партии матча была поистине героической (вспомните Нимцовича), и хотя партия закончилась вничью, стратегическое мастерство и тактическая изобретательность претендента свидетельствовали о его высочайшем шахматном потенциале.

В 3-й партии роли переменялись. Долгую и изнурительную защиту вел уже Ботвин-

ник, разыгравший черными Новоиндийскую защиту. Только после 86-го хода чемпион мира облегченно вздохнул — ничья! Защита Петросяна, игравшего черными 4-ю партию, была менее изнурительной, но не менее точной — ничья после 24 ходов.

5-я партия оказалась первым очень тревожным сигналом для Ботвинника. Петросян провел ее, как говорится, на одном дыхании: безобидный на первый взгляд дебютный вариант, виртуозное стратегическое маневрирование, отличная эндшпильная техника! Впрочем, хрестоматийное окончание 5-й партии нужно посмотреть.

25. Сс3! (Петросян наметил следующую перестройку: поставить коня на d2, пешку на g3, а затем провести e4, получая ясное преимущество в связи с неисправимо слабой пешкой черных c4) 25... Са3 26. Лс2 К:с3 27. Л:с3 Сб4 28. Лс2 Кре7 29. Кd2 с3? (по мнению Петросяна, ладейный эндшпиль, возникающий после 29... С:d2 30. Кр:d2 Лd8+ 31. Крс3 Лd1, давал черным возможность упорной обороны) 30. Ке4 Са5 31. Крд3 Лd8+ 32. Крс4 Лd1 33. К:с3 Лh1? (проблематичные шансы на ничью оставлял черным размен слона на коня, теперь же все кончено) 34. Ке4 Л:h2 35. Крд4 Крд7 36. g3 Сб4 37. Кре5 Лh5+ 38. Крf6 Се7+ 39. Крг7 e5 40. Лс6 Лh1 41. Крf7 Ла1 42. Ле6 Сd8 43. Лd6+ Крс8 44. Кре8 Сс7 45. Лс6 Лd1 (на 45... Л:a4 решало 46. Кg5) 46. Кg5 Лd8+ 47. Крf7 Лd7+ 48. Крг8. Черные сдались.

После сравнительно быстрой ничьей в 6-й партии Петросян с большим вдохновением провел 7-ю. Применяв белыми «коронный дебют» Ботвинника — английское начало, он показал, что владеет этим дебютом тоже в совершенстве. Защищая свой ферзевый

фланг, Ботвинник «пропустил» маленькую комбинацию Петросяна, в результате которой остался без качества. Техника реализации преимущества, продемонстрированная претендентом, была безупречна. Петросян вышел вперед — 4:3.

Дебютная новинка, примененная Ботвинником в 8-й партии, не смутила претендента, сумевшего найти остроумный план нейтрализации инициативы противника, — ничья.

На грани поражения был Ботвинник в 9-й партии. Однако при реализации позиционного преимущества Петросян опрометчиво разменял ферзей, и Ботвинник, остроумно пожертвовав пешку, перевел игру в ничейное ладейное окончание.

Тщетно пытался Ботвинник использовать свой небольшой позиционный перевес в 10-й партии матча. Защита Петросяна и на этот раз была на уровне «героической». Ничьи зафиксированы в 11, 12 и 13-й партиях. В каждой из них была упорнейшая стратегическая борьба, длившаяся по 40 — 50 ходов, но защита черных уравновешивала агрессивные устремления белых. 7:6.

В 14-й партии оба соперни-

ка показали себя выдающимися стратегами. Партия осталась неоконченной, в несколько более перспективной позиции у Ботвинника, но с большими шансами на ничью у Петросяна. В день доигрывания Петросян совершил едва заметную, но, как оказалось, неоправдываемую ошибку — и чемпион мира уравнил счет в матче.

Тяжелое психологическое поражение потерпел Ботвинник в 15-й партии. Играя черными досконально изученную им защиту Грюнфельда, чемпион мира, столкнувшись с дебютной заготовкой Петросяна, сыграл неточно и получил худшее окончание, которое Петросян провел со свойственными ему академизмом и выдержкой. Создалось впечатление, что после этой партии оставшаяся часть матча Ботвинник играл как-то обреченно.

16 и 17-я партии, протекавшие под знаком инициативы претендента, завершились ничейным результатом, а когда Петросян, играя черными, сумел победить в 18-й партии, стало ясно, что судьба матча решена. Эта партия была отложена в сложном положении с обоюдными шансами, но

при доигрывании славящийся аналитическим мастерством Ботвинник допустил серьезную позиционную ошибку (сказалась, вероятно, усталость от напряженного матча), после которой у белых буквально «рассыпался» ферзевой фланг, а черная кавалерия захватила всю доску. Счет стал 10:8.

Деморализованный Ботвинник не лучшим образом провел и следующую, 19-ю, партию. Имея в отложенной позиции шансы на ничью, он сделал ход, значительно облегчающий задачу Петросяна. 11:8.

Последнюю попытку исправить положение в матче предпринял Ботвинник в 20-й партии, но бороться с вдохновенным Петросяном было уже очень трудно — сделав несколько великолепных защитительных ходов, он уравнил шансы и на 22-м ходу добился ничьей.

21 и 22-я партии, закончившиеся вничью, были уже формальностью. Матч со счетом 12,5:9,5 выиграл Петросян. Первый советский чемпион мира, владевший мировой короной без малого 15 лет, сдал свои полномочия достойному сопернику.

О стиле девятого чемпиона мира многое уже сказано в предыдущем тексте, и чтобы больше к нему не возвращаться, приведем на этот счет три авторитетнейших мнения.

«Петросяна принято сравнивать с Капабланкой. На мой взгляд, это сравнение, за исключением того, что у обоих в таблицах много ничьих и почти нет проигрышей, не выдерживает никакой критики... Петросян прежде всего является Петросяном — шахматистом своего стиля, своего направления». — Ю. Авербах.

«Петросян — шахматист, поразительно чутко ощущающий опасность и умеющий ее предупредить... У Петросяна — техника Капабланки, а чутье опасности — Шлехтера». — М. Таль.

«Петросян прежде всего беспокоится о своей безопасности, о лишении своего противника возможности нападать. Делает он это артистически, без всякого напряжения, попросту интуитивно». — М. Ботвинник.

Шахматное царствование Петросяна не было безоблачным. Именно в этот период на шахматном горизонте ярко засияла звезда Бориса Спасского. Молодой гроссмейстер

очень практично провел борьбу во внутрисоюзном отборе и, выйдя в межзональный турнир, разделил в нем 1—4-е места. Новую систему отбора претендентов (матчи претендов) Спасский прошел еще более уверенно, выиграв матчи у Кереса, Геллера и Таля, и получил право на матч с чемпионом мира.

Матч Петросян — Спасский 1966 г. показал, что время Спасского еще не пришло. Больше того, в некоторых партиях шахматный мир увидел своего чемпиона в новом качестве. Острейшей борьбе в 7, 10 и 12-й партиях позавидовали бы даже романтики добрых старых времен, и, как ни странно, возмутителем спокойствия был Петросян.

Итог матча 12,5:11,5 в пользу Петросяна можно считать одинаково почетным для чемпиона и претендента.

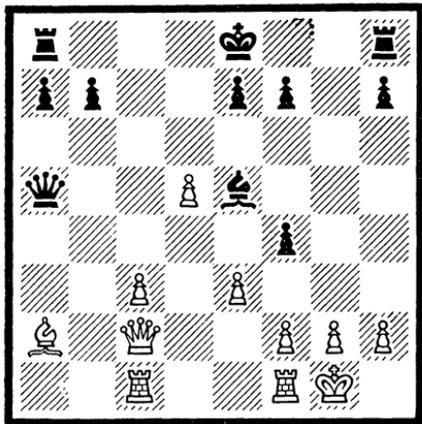
Настойчивый Спасский повторил свою героическую «эпопею» и в следующем цикле розыгрыша первенства мира. Перед матчем Петросян — Спасский 1969 г. великолепно раскрыл в одном из интервью М. Ботвинник: «Чтобы победить Петросяна, нужно быть

теоретически отлично подготовленным, продумать комплекс дебютных схем, которые могли бы поставить чемпиона в затруднительное положение, заставить его считать варианты. Тогда бы чемпиону мира пришлось тратить много времени и сил, что сократило бы его ресурсы на позиционное маневрирование.

Такая глубокая «подсказка» была отлично реализована Спасским — и он в напряженнейшем матче, победив со счетом 12,5:10,5, отвоевал мировую корону у Петросяна. Кроме отличной игры Спасского, была и другая причина поражения Петросяна, которую он раскрыл спустя 8 лет после утраты чемпионского звания. Вопрос журналиста: «Как вы сами считаете, когда вы лучше играли — в звании чемпиона мира или сегодня?» Ответ Петросяна: «Разумеется, когда был чемпионом. Но если вы хотите спросить, когда я играл сильнее всего за свою шахматную карьеру, то это будет период с 1958 по 1965 г., то есть в годы борьбы за шахматную корону. Меня вдохновляла сама борьба, а когда человек завоевал желаемое, пыл остывает. Это

неизбежно». Не сомневаясь в искренности Петросяна, хотелось бы этот ответ чуточку дополнить: когда человек теряет желаемое, пыл появляется вновь, если этот человек — Петросян. Только вновь появившимся пылом можно объяснить его свежую и творческую игру в чемпионате страны 1969 г., где экс-чемпион мира разделил 1—2-е места с гроссмейстером Л. Полугаевским, а затем уверенно победил в дополнительном матче со счетом 3,5:1,5, став в очередной раз чемпионом Советского Союза. В серии претендентских матчей 1971 г. Петросян дошел до финала, и только находившийся в расцвете своего таланта Бобби Фишер сумел остановить его на подступах к шахматному трону. В матче с американцем до 5-й партии включительно шла борьба равных; в дальнейшей борьбе нервов 28-летний Бобби оказался крепче... Но никогда не забудет Фишер разгрома, учиненного ему Петросяном во 2-й партии (см. диаграмму).

19. с4! (оригинальное вступление к последующей атаке) 19... fe 20. с5! Фd2 (черные идут «во все тяжкие»,

понимая безысходность своей позиции) 21. Фa4+ Kpf8 (несколько лучше было 21... Kpd8) 22. Лcd1 Фе2 23. d6 Фh5 24. f4! e2 25. fe edФ 26. Л:d1 Ф:e5 27. Лf1! (несмотря на лишнее качество, спасения черным нет) 27... f6 28.

Фb3 (грозит мат на поле f7) 28... Kpg7 29. Фf7+ Kph6 30. de f5 (если 30... Лаg8, то 31. Сb1!) 31. Л:f5! Фd4+ 32. Kph1. Черные сдались. Грандиозный разгром!

Перешагнувший 50-летний рубеж Петросян прочно входит в мировую шахматную элиту. Он по-прежнему занимает призовые места в турнирах самого высокого ранга, по-прежнему присматривается к мировой короне. Говорят, что с годами становится все труднее и труднее рассчитывать варианты. Что ж, с этим можно согласиться. Но никто не станет отрицать, что с годами отполировывается до самой высокой чистоты шахматная интуиция, которая всегда была основным критерием недюжинной шахматной силы Тиграна Петросяна.

СПАССКИЙ

Когда речь идет о ленинградцах рождения 30-х годов, перед глазами всегда возникают героический блокированный Ленинград, невиданное мужество его защитников и изможденные лица детей, запечатленные бесстрашной кинохроникой военных лет...

Десятый чемпион мира по шахматам Борис Васильевич Спасский родился в Ленинграде 30 января 1937 г., то есть к началу Великой Отечествен-

ной войны ему было четыре с половиной. Маленькому Боре повезло — он вместе со своим старшим братом Жорой попал в число детей, эвакуированных из Ленинграда еще до наступления блокады. Правда, первый и третий эшелоны попали под безжалостную фашистскую бомбежку, но братья Спасские ехали во втором. Потом был детдом в селе Коршаки Кировской области — здесь Боря впервые увидел шахматную доску и подсмотрел первый шахматный урок, преподанный его брату. Впервые в детдоме Боря узнал и что такое голод, а когда к нему прибавились зимние холода, приехала мать — Екатерина Петровна Спасская — и увезла братьев на подмосковную станцию Первомайскую, где семья увеличилась еще на одного человека — родилась сестра Ира.

В Подмоскowie Боря начал ходить в школу, любил чистописание и стихи, пел в самодеятельности. Особенно его трогала песня «Прощай, любимый город», которая воскрешала перед детским воображением сказочный облик Ленинграда. Возвращение состоялось летом 1946 г. В один из

дней того лета Боря вместе с братом приехал в ЦПКиО и случайно попал в шахматный павильон. Как зачарованные разглядывали они склонившихся над шахматными столиками мужчин, передвигавших красивые деревянные фигуры по черно-белым полям шахматных досок. А потом каждый день в девять утра 9-летний Спасский занимал свое место «на колбасе» двенадцатого трамвая и направлялся в ЦПКиО.

Первым его шахматным крещением был блиц-турнир. Проиграл все партии. Безутешно плакал. Взрослые успокаивали: «Ничего, еще научишься!» Наблюдая, учился. Дома стал обыгрывать брата, который в отместку лупил победителя и вскоре вообще перестал с ним играть.

Кончилось лето, ЦПКиО закрыли. Пришел во Дорец пионеров. Повезло и здесь. Встретил великолепного шахматного педагога — Владимира Григорьевича Зака. Спустя много лет Спасский вспомнит: «Владимир Григорьевич был моим первым учителем. Ему я обязан не только как шахматист. Благородный, сердечный человек, он учил меня

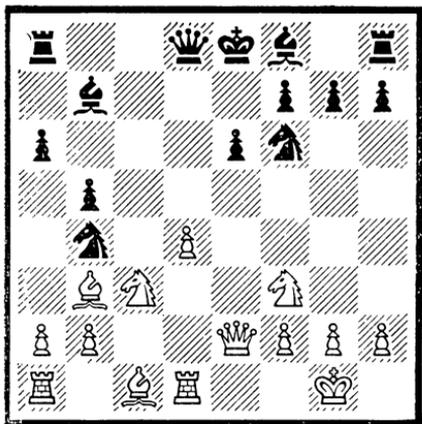
превыше всего ценить в отношениях между людьми сердечность и благородство. Возможно, ему трудно было со мной, упрямым шкетом, звонистым малым».

Недюжинные шахматные способности Бориса стали проявляться как-то сразу: меньше чем за год он прошел путь от самого низа квалификационной лестницы до первого разряда. В 1948 г. для одаренного мальчика, жившего в трудных материальных условиях, его наставниками была выхлопотана государственная стипендия.

В одном из номеров журнала «Шахматы в СССР» за 1948 г. В.Зак писал: «Большое будущее у отличника учебы, одиннадцатилетнего ученика 5-го класса 174-й школы Бориса Спасского. Борис — один из самых сильных юных первокатегорников страны. В полуфинале недавно проходившего юношеского первенства РСФСР Борис занял 2-е место, отстав от победителя — кандидата в мастера спора Крогуиса — всего на пол-очка».

Очередной успех ждал Бориса в юношеском чемпионате Ленинграда 1949 г.: он, будучи пятиклассником, разде-

лил 1—2-е места с солидным десятиклассником Сашей Геллером. Больше того, ниже обоих победителей в турнирной таблице оказался игравший вне конкурса опытный мастер Кириллов. Прекрасная победа была одержана Спасским в том памятном турнире над перворазрядником С. Автономовым.

Позиция, изображенная на диаграмме, несмотря на некоторую отсталость черных (Автономова) в развитии, кажется все же довольно прочной. Спасский поучительным образом доказывает, что это не так.

12. d5! Kb:d5 (на взятие другой фигурой решает 13.

a3) 13. Cg5! Ce7 14. C:f6 gf 15. K:d5 C:d5 16. C:d5 ed 17. Kd4 Kpf8 18. Kf5 h5 (если 18... Ла7, то 19. Фе3! В случае 18... Сс5 — 19. b4! Сb6 20. Л:d5!) 19. Л:d5! Ф:d5 20. Ф:e7+ Kpg8 21. Ф:f6. Черные сдались.

Летом 1949 г. Борису была доверена третья доска юношеской команды Ленинграда на Всесоюзных соревнованиях. Ленинградцы тогда с большим отрывом от занявшей второе место команды украинских школьников вышли на первое место. Большую лепту в общий успех внес и Спасский. На его игру обратил внимание маститый шахматный мастер и педагог П. А. Романовский, мнение которого было весьма лестным для Спасского: «Вызывает удивление игра самого молодого ленинградца — Спасского. Планомерно и спокойно нащупывает он объекты для позиционного давления, стараясь перевести при удобном случае борьбу в лучший эндшпиль. У него прекрасная позиционная интуиция, но он не любит остроты».

Юный Спасский оказался в центре внимания специалистов. С легкой руки Романов-

ского почти все они отмечали у него неприязнь к острым позициям. И, пожалуй, только один Е. Загорянский, после того как ленинградец в юношеском командном первенстве страны 1951 г., играя на 2-й доске, набрал 8,5 из 9, дал ему почти идеальную характеристику: «Спасский — разносторонний шахматист. Его корректная, немного суховатая игра всегда логична, но и тактическими ударами его не удивишь. В окончаниях он также чувствует себя уверенно». Истина, как всегда, находилась где-то посередине. 13-летний кандидат в мастера не мог не иметь недостатков...

Активно участвовать в соревнованиях со взрослыми Спасский начал в 1952 г., с рижского четвертьфинала XX чемпионата СССР, где ему для выхода в полуфинал не хватило пол-очка. Зато в чемпионате родного города он занял второе место, вслед за гроссмейстером М. Таймановым, но был впереди занявшего третье место гроссмейстера Г. Левенфиша и ряда опытных мастеров. Понимая, что стратег в нем явно преобладает над тактиком, и намереваясь повисить свои тактические кон-

диции, вице-чемпион Ленинграда заключает творческий союз с великолепным комбинационным мастером Александром Толушем. Оба они, вместе со Смысловым, Болеславским и Петросяном, в январе 1953 г. приняли участие в Бухарестском международном турнире. Эффект дружества «сработал» отлично: Толуш занял 1-е место и завоевал титул международного гроссмейстера, Спасский разделил 4—6-е места с гроссмейстерами Болеславским и Сабо (вторым был Петросян, третьим — Смыслов) и выполнил норматив международного мастера, а следовательно, автоматически стал мастером спорта СССР.

«Приятной неожиданностью, — писали после окончания Бухарестского турнира А. Лилиенталь и В. Симагин, — был блестящий успех Бориса Спасского. Разумеется, все и раньше слыхали о достижениях ленинградского школьника. Но характер его творчества, видимо, оценивался не совсем точно. Стихия молодого мастера, на наш взгляд, — это острые, сложные позиции». Очевидно, под благотворным влиянием Толуша раскрылась

еще одна грань таланта Спасского — комбинационный дар. Чувствовалось, что наступает пора выхода Спасского на широкую международную арену. Для этого необходимы были успехи во внутрисоюзных турнирах, и Спасский начинает разбег...

Без видимого напряжения, демонстрируя свои универсальные способности, он занимает 1-е место во Всесоюзном турнире мастеров и сильнейших кандидатов в мастера — 12,5 очка из 15 возможных. Не так легко, но достаточно уверенно занял Спасский 4-е место в полуфинале XXII первенства СССР, дававшее ему право на участие в финале чемпионата страны. Для шахматной биографии будущего чемпиона мира это был знаменательный факт, так как финал XXII первенства являлся отборочным к межзональному турниру первенства мира.

XXII чемпионат СССР, проходивший в феврале — марте 1955 г. в Москве, собрал очень именитую «компанию». Раскованно и непринужденно вел борьбу на этом турнире Спасский. В партии с гроссмейстером Авербахом, например,

он применил острейший королевский гамбит; содержательными были его победные партии с Геллером, Таймановым и Симагиным, оригинальными — ничьи с Ботвинником и Кересом. Несмотря на три поражения (от участников, находящихся в нижней половине турнирной таблицы), итоговые 11,5 очка из 19 и делаж 3—6-го мест с Ботвинником, Петросяном и Иливицким открывали дорогу на межзональный турнир.

1955 г. в жизни Спасского можно назвать годом первой заявки на самую большую шахматную высоту. В содержание «заявки», помимо XXII чемпионата СССР, входили юношеское первенство мира и, конечно, межзональный турнир в Гетеборге... 8 августа Спасского чествовали в Антверпене по поводу его победы на юношеском первенстве мира, а 15 августа он уже сидел за шахматным столиком в Гетеборге, где ему предстояло провести 20 партий с сильнейшими шахматистами мира. Столь значительное испытание на выносливость 18-летний шахматист выдержал с честью: разделив 7—9-е места с гроссмейстером Пиль-

ником (Аргентина) и мастером Филипом (Чехословакия), он вошел в «девятку» получив право на участие в турнире претендентов, а значит, и на звание международного гроссмейстера.

В турнире претендентов Спасский сыграл превосходно, ибо дележ 3—7-го мест (1-е место досталось Смыслову, 2-е — Кересу) означал, что он — не просто гроссмейстер, а отличный гроссмейстер. Наравне с ним в турнирной таблице стояли такие корифеи шахмат, как Бронштейн, Геллер, Петросян. Никто не мог тогда подумать, что самому молодому гроссмейстеру мира предстоит быть за бортом отбора претендента на матч с чемпионом мира долгих восемь лет...

Все началось с XXV юбилейного чемпионата страны, отборочного к первенству мира. После 10 туров Спасский возглавлял турнирную таблицу с 7 очками из 9 возможных. И хотя только первые четыре места давали право на межзональный турнир, для сомнений в успехе повода не было — тем более, что неудачно начал турнир один из основных конкурентов, чем-

пион страны предыдущего года М. Таль. Турнир проводился на родине Таля, в Риге. Безграничный оптимизм рижского гроссмейстера, его необычный талант и поддержка «родных стен» сделали невероятное: Таль стал выигрывать партию за партией и буквально ворвался в лидирующую группу, внеся смятение в ряды конкурентов. В этой напряженной обстановке нервы Спасского не выдержали, и темпы его движения вперед несколько снизились.

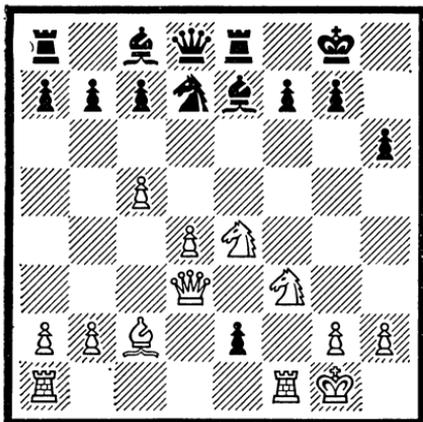
Перед последним туром на места в первой четверке претендовали лишь пятеро: Петросян и Таль — 11,5 очка, Бронштейн — 11, Авербах и Спасский — 10,5. Спасский, понимая, что осторожные Петросян и Авербах — в последнем туре они играли друг с другом — завершат свою партию ничьей, считал себя обязанным играть на выигрыш с Талем, так как в случае ничьей ему совсем не хотелось играть матч с Авербахом за место в межзональном турнире. Благоприятный счет в личных встречах с Талем, белый цвет фигур настраивали ленинградца на оптимистичный лад. Партия между самы-

ми молодыми советскими гроссмейстерами была, действительно, исключительно интересной и осталась неоконченной в позиции, где белым предстояло искать выигрыш. Одной ночи для исчерпывающего анализа оказалось недостаточно. При доигрывании, не видя в лучшей позиции конкретных путей к победе, Спасский перешел грань дозволенного риска и проиграл. В межзональный турнир попал Авербах...

В XXVI чемпионате СССР, проходившем в начале 1959 г. в Тбилиси и не уступающем по именитости предыдущему чемпионату, нервных ситуаций, связанных с отбором, не было. Спасский играл там ярко и надежно, но «родные стены» оказались еще надежнее, — и чемпионом стал уроженец Тбилиси Тигран Петросян. Спасский разделил 2—3-е места с Талем, оставив позади Тайманова, Холмова, Полугаевского, Авербаха, Кереса, Геллера, Бронштейна и других. Это был безусловный успех, вселявший в поклонников ленинградского гроссмейстера надежды на «отборочный» 1961 г.

В родном для Спасского

Ленинграде проходил финал чемпионата страны 1960 г. Он еще не был отборочным, и можно было позволить себе риск и эксперимент. Результат не был блестящим, скорее наоборот — он разделил 9—10-е места (при 20 участниках) с Крогиусом, но несколько отлично проведенных партий не давали повода для пессимизма. В духе классиков шахматного романтизма был побежден Бронштейн.

Последний ход Бронштейна: 14... e2? (правильнее 14... Kf8) 15. Kd6! Kf8 (очарователен вариант, задуманный Спасским: 15... efФ+ 16. Л: f1 Kf6 17. К: f7 Кр: f7 18. Ke5+ Kpg8 19. Фh7+ К: h7 20. Сb3+

и мат в два хода) 16. К: f7!
efФ+ 17. Л: f1 Cf5 (жест от-
чаяния) 18. Ф: f5 Фd7 19. Фf4
Cf6 20. К3e5 Фе7 21. Сb3 С: e5
22. К: e5+ Крh7 23. Фе4+.
Черные сдались, так как по-
сле 23... Крh8 следует 24.
Л: f8+!

Сразу же после чемпиона-
та страны Спасский вместе с
Бронштейном вылетели в Мар-
дель-Плату (Аргентина), где
приняли участие в весьма
сильном международном тур-
нире. Турнир ознаменовался
своеобразной гонкой, устроен-
ной Спасским и Фишером.
Оба они стали победителями,
показав блестящий результат:
13,5 из 15 возможных. Мор-
альным победителем оказал-
ся Спасский — он победил
Фишера в личной встрече,
применив «некорректный» ко-
рлевский гамбит.

Москва. Январь 1961 г.
Долгожданный XXVIII чемпио-
нат. Снова лишь четверем «сча-
стливчикам» уготована участь
продолжить борьбу за миро-
вую шахматную корону. И
снова в последнем туре чет-
вертая путевка разыгрывает-
ся в партии Спасского. Его
противник — дебютант чемпио-
ната львовский мастер Лео-
нид Штейн, набравший столь-

ко же очков, сколько Спас-
ский. В случае ничьей им пред-
стоит дополнительный матч за
«место под солнцем». Но
Спасского это не устраивает,
он хочет обязательно побе-
дить, несмотря на то, что иг-
рает черными. Выбранный им
вариант Испанской партии яв-
но не солиден, и Штейн это
доказывает. Партия отклады-
вается. Выигрыш Штейна в от-
ложенной позиции далеко не
очевиден — ему нужно играть
очень точно. Но расстроенный
Спасский сдает партию без до-
игрывания. В межзональный
турнир входит Штейн...

Вскоре после окончания
трагического для Спасского
чемпионата началось его твор-
ческое содружество с gros-
смейстером Игорем Захаро-
вичем Бондаревским, который
спустя пять лет раскрыл не-
которые тайны их подготов-
ки в небольшой книжке «Бо-
рис Спасский штурмует
Олимп». В частности, там бы-
ло и такое признание: «Углу-
бив свое понимание позиции,
уделив значительное внимание
стратегии и развитию техники
в эндшпиле, Б. Спасский су-
мел провести, что не менее
важно, и психологическую пе-
рестройку. Он постепенно ста-

новился волевым бойцом, непременно стремящимся к победе, когда это необходимо». Уже следующий, XXIX, чемпионат СССР показал, что тренер и его подопечный находятся на правильном пути — Спасский впервые стал чемпионом страны.

Отбор на межзональный турнир 1964 г. Спасскому пришлось проходить в три приёма: сначала он занял 2-е место в полуфинале первенства СССР, затем в финале разделил 1—3-е места с гроссмейстерами Холмовым и Штейном, и только потом, участвуя в зональном матч-турнире семи советских шахматистов и заняв в нём 1-е место, он стал полноправным участником межзонального турнира.

Надо ли говорить, что на всех этих этапах зрители увидели обновленного Спасского: к его шахматным достоинствам прибавились практическая и психологическая устойчивость.

Амстердамский межзональный турнир 1964 г. оказался соревнованием весьма изнурительным. Во-первых, в нём играли 24 шахматиста, во-вторых, пять часов игры, полтора часа перерыва на ужин

и два часа на последующее доигрывание — регламент более чем плотный. Поражение в первом туре от западногерманского гроссмейстера К. Дарги не вывело Спасского из равновесия. В 6 последующих турах он набрал 4 очка и был доволен таким результатом, так как сыграл со всеми советскими коллегами — Смысловым, Талем, Штейном и Бронштейном. Понимая, что для гарантии выхода в претенденты необходимо эффективный спурт, Спасский сумел выиграть 8 партий подряд и после 14 туров возглавить турнирную таблицу. Дальше можно было играть спокойнее, и в результате Ларсен, Смыслов, Таль и Спасский закончили турнир с одинаковыми показателями, разделив 1—4-е места. Дорога к претендентским матчам (к этому времени турнир претендентов заменили матчами восьми претендентов по олимпийской системе) была открыта...

Претендентом на матч с чемпионом мира может стать только выдающийся шахматист. Это аксиома. Но даже из претендентов можно выделить особые личности, которые по

своему классу и популярности не уступают чемпионам мира. Таким был советский гроссмейстер Пауль Керес (1916—1975). Во всех первых пяти турнирах претендентов участвовал этот замечательный шахматист — дважды был вторым, дважды делил второе место и один раз был четвертым (поразительная стабильность). Конечно же, иметь такого противника в первом же претендентском матче не очень желательно. Казалось, сама судьба увивала терниями путь Спасского к шахматному трону. Десять партий отводилось претендентам в четвертьфинальных матчах для выяснения отношений. Все десять сыграли Керес со Спасским. Перед последней Спасский вел — 5:4. В последней партии Керес, игравший белыми, бросился в решительный бой, и Спасский этот бой принял. То была последняя партия «великого Кереса» в претендентских соревнованиях — он проиграл достойному противнику (4:6).

Полуфинальный матч Спасский играл с Геллером, который в первом матче разгромил экс-чемпиона мира Смыслова со счетом 5,5:2,5. И ес-

ли в матче с Кересом Спасский продемонстрировал удивительное стратегическое мастерство, то в матче с Геллером все увидели Спасского — яркого тактика. Не ожидавший такого преобразования партнера Геллер проиграл матч почти без борьбы — 2,5:5,5.

В это самое время с другой стороны к финальному претендентскому матчу двинулся экс-чемпион мира Михаил Таль. В четвертьфинальном матче он разгромил венгерского гроссмейстера Л. Портиша (5,5:2,5), а в полуфинале не без труда одолел датчанина Б. Ларсена (5,5:4,5).

Финальный матч претендентов Спасский — Таль проходил в ноябре 1965 г. в Тбилиси. Большого подарка для темпераментных грузинских болельщиков быть не могло. Тем более, что в преддверии матча Таль пообещал: «Скучных партий в этом матче не будет». Если он имел в виду острые тактические поединки, то ошибся. Только во второй партии матча Спасский дал почву для комбинационной фантазии Талья. В остальных партиях шла глубокая стратегическая борьба

ба, в которой Спасский оказался сильнее. Он победил со счетом 7:4 (матч игрался на большинство из 12 партий). «Финальный матч претендентов ясно показал огромную роль психологии в подобных соревнованиях. Психологически правильно построив борьбу, Борису Спасскому удалось добиться блистательной победы с убедительным счетом», — эта лаконичная и точная оценка тбилисского успеха Спасского принадлежит гроссмейстеру Ю. Авербаху.

Сцена Московского театра эстрады после трехлетнего перерыва вновь стала местом заключительного акта мировой шахматной драмы. Низвергнувший Ботвинника Петросян приготовился к защите своего титула от притязаний прошедшего «огонь и медные трубы» претендента. До начала матча большинство специалистов прогнозировало успех Спасского — слишком уж впечатляюще расправился он со своими противниками в претендентском цикле. Однако начало матча показало, что к чемпиону мира претендент ключей не подобрал: первые 6 партий прошли в осторожной, полной профилактических

мер, борьбе, а в 7-й партии «взорвался» Петросян, игравший черными, и одержал великолепную победу. Выигрыш Петросяном 10-й партии, казалось, закрепил его перевес. Успешный спурт Спасского (выигрыши 13 и 19-й партий) снова вселил надежду в сердца его поклонников, но их ждало разочарование в 20 и 22-й партиях. Выиграв эти встречи, Петросян набрал 12 очков, гарантирующих неприкосновенность его титула.

Поражение в матче с Петросяном со счетом 11,5:12,5 не только не обескуражило Спасского, а скорее, как свидетельствовали последующие события, оказалось положительным раздражителем для очередного отборочного цикла, который обещал быть легче предыдущего, ибо начался для него сразу с претендентских матчей.

Через полтора месяца после своего матча Петросян и Спасский были приглашены принять участие в турнире на «кубок Пятигорского», организатором которого был известный американский виолончелист Пятигорский, а участниками, помимо советского дуэта, — гроссмейстеры Фишер,

Ларсен, Портиш, Решевский, Найдорф, Ивков, Доннер и Унцикер.

Легко и вдохновенно провел Спасский этот уникальный двухкруговой турнир в американском городе Санта-Моника. Без единого поражения, набрав 11,5 очка, он занял первое место. На пол-очка отстал 23-летний Бобби Фишер. Очень рассчитывавший на победу в этом турнире, он проиграл свой микроматч Спасскому со счетом 0,5 : 1,5. Петросян в Санта-Монике оказался лишь шестым.

Претендентские матчи 1968 г. Спасский провел еще более блистательно, чем в 1965 г. В четвертьфинальном и полуфинальном матчах он с одинаковым счетом (5,5 : 2,5) разгромил Геллера и Ларсена, а в финальном матче, показав в высшей степени разностороннюю игру, — Корчного (6,5 : 3,5).

1-я же партия второго матча за звание чемпиона мира между Петросяном и Спасским закончилась поражением претендента, игравшего белыми фигурами. Результат был не совсем логичен, так как в отложенной позиции Спасский при анализе нашел ничью,

но при доигрывании ему померещился еще более простой путь к ничьей, который оказался путем к поражению. Учитывая «непробиваемость» Петросяна, было от чего расстраиваться. Но Спасский продолжил борьбу как ни в чем не бывало. Во 2-й партии он применил против чемпиона мира дерзкую защиту Тарраша, то есть добровольно пошел на создание в своем лагере центральной изолированной пешки ради получения живой фигурной игры. Выбор дебюта оказался психологически правильным. Петросян действовал нерешительно, и Спасский получил даже чуть лучший эндшпиль, который закончился вничью на 62-м ходу.

Минимальное преимущество после дебюта (Сицилианская защита) пытался использовать Спасский в 3-й партии, но лишний раз убедился в непогрешимости техники защиты чемпиона мира.

4-я партия — вновь защита Тарраша. На этот раз Петросян играл более агрессивно, чем во 2-й партии, но в несвойственной ему манере — ценой ослабления пешечной структуры. Спасскому удалось перевести партию в русло ост-

рой тактической борьбы. В цейтноте чемпион мира допустил решающую ошибку — и претендент сравнял счет.

Вдохновенно провел Спасский следующую партию. В популярном тогда варианте ферзевого гамбита он применил новое продолжение, заставшее игравшего черными Петросяна врасплох. После эффектной жертвы белыми ферзя, видя неизбежность больших материальных потерь, Петросян признал себя побежденным.

6-я и 7-я партии были сравнительно спокойными и завершились мирно. Новый удар ждал Петросяна в 8-й партии. Еще не выйдя из дебюта, он сделал один неосторожный ход и после эффектного ответа Спасского остался без качества. Имея пешку за качество и довольно прочную позицию, чемпион мира отчаянно защищался, но спасти партию не смог...

При счете 5:3 в пользу Спасского настала очередь Петросяна проявить мужество, присущие ему выдержку и высочайший класс. Так и было. На отрезке матча с 9-й по 16-ю партии все увидели Петросяна — образцового шах-

матного борца. В 9-й партии ему удалось, не без помощи, правда, противника, упорной защитой спасти безнадежную позицию. Это вдохновило Петросяна, и следующие две партии прошли под знаком его сильнейшего давления. 10-я партия матча была выиграна Петросяном посредством отличных стратегических действий после неточно разыгранного Спасским дебюта. Претендент неточно разыграл дебют и в 11-й партии, и чемпион мира довольно точно осуществил реализацию позиционного перевеса.

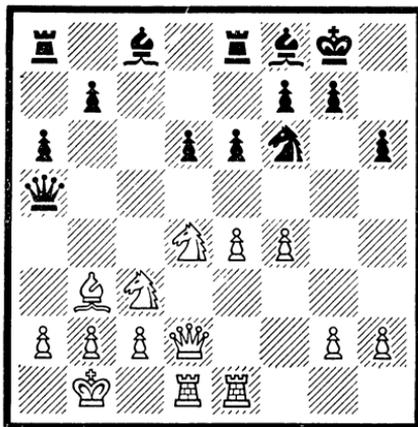
К 12-й партии Спасскому удалось прийти в себя и показать высочайший класс шахматного защитника — ничья. В 13-й партии оба противника решили, вероятно, сделать передышку — ничья после 25 ходов. Драматично сложилась борьба в 14-й партии. Получив определенный дебютный перевес, Петросян одним ходом поставил свою позицию на грань катастрофы, но Спасский не воспользовался подвернувшимся шансом. Добившись все же уравнивания, претендент перед откладыванием партии сделал самоубийственный ход, и Петросяну при до-

игрывании предстояло реализовать свое преимущество. Однако в ходе доигрывания чемпион мира угодил в довольно хитрую ловушку — и партия закончилась вничью. После относительно «бескровных» ничьих в 15 и 16-й партиях Спасский дал бой чемпиону мира в 17-й встрече. Чувствуя некоторую неуверенность своего противника, он на 21-м ходу отклонил предложенную ничью, хотя позиция его была ничуть не лучше, и оказался прав. На 32-м ходу Петросян, не выдержав напряжения борьбы, допустил непоправимую ошибку и в возникшем безнадежном для черных эндшпиле потерпел поражение. Спасский вышел вперед — 9:8. Боевой дух Петросяна был поколеблен.

Очередная «дискуссия» на тему «защита Тарраша» в 18-й партии матча подтвердила глубину проникновения в нее претендента и закончилась миром.

4 июня 1969 г. болельщикам, переполнившим Московский театр эстрады, довелось увидеть эксцентричный и эффектный спектакль, главным действующим лицом которого в 19-й партии матча

был Борис Спасский. После хода Петросяна 14... Cf8 на доске возникла более или менее типичная сицилианская позиция. И здесь началось...

15. g4! Пехотинец ценой своей жизни прокладывает дорогу для тяжелых фигур 15... K:g4 (жертву, разумеется, можно было и не принимать, но пешечная атака, поддержанная фигурами, была все равно неотразима) 16. Фg2 Kf6 17. Лg1 Cd7 18. f5! Kph8 19. Лd1 Фd8 (черные спешно перебрасывают для защиты ферзя, но уже поздно) 20. fe 21. e5! (еще один пехотинец падает жертвой, окончательно разрушая крепость

черных) 21... de 22. Ke4 Kh5 (если 22... ed, то 23. K:f6 g5 24. Фh3 Ле7 25. Л:g5 Сg7 26. Л:g7 Кр:g7 27. Лg1+ с быстрым матом, а в случае 22... К:e4 решает 23. Л:f8+) 23. Фg6!! ed 24. Kg5! Черные сдались (после 24... hg белые выигрывали посредством 25. Ф:h5+ Крг8 26. Фf7+ Крh8 27. Лf3).

После столь сокрушительного поражения «железный Тигран» нашел в себе силы, чтобы в классической позиционной борьбе одолеть рвущегося к шахматной короне претендента в 20-й партии матча, но это уже была его «лебединая песня». В 21-й встрече неудачен, вероятно, выбор дебюта (Испанская партия) чемпионом мира — много ярких побед одержал в нем белыми претендент. И этот раз не был исключением... Партия осталась неоконченной с двумя лишними пешками у Спасского; реализация преимущества не представляла для претендента особого труда—11,5:9,5.

Петросян упорно боролся до конца матча, но спокойная тактика Спасского, не идущего теперь уже ни на какие неясные осложнения, делала все попытки его тщетными. В не-

свойственной ему рискованной манере играл Петросян черными 23-ю партию матча. Это позволило Спасскому, не переходя грань дозволенного риска, выиграть пешку и отложить партию с большими шансами на победу. Но доигрывания не было. Спасский предложил ничью, не принять которую Петросян не мог, признав тем самым свое поражение со счетом 10,5:12,5.

17 июня 1969 г. шахматный трон занял десятый чемпион мира — Борис Спасский.

Не успев остыть от самого главного успеха в своей шахматной биографии, Спасский принимает участие в довольно представительном турнире в Сан-Хуане (Пуэрто-Рико) и легко берет первый приз, выиграв принципиальный поединок у сильнейшего гроссмейстера Западной Европы Б. Ларсена. В том же 1969 г. он включается в сильнейший по составу турнир на Мальорке (Испания) и, хотя и не проигрывает ни одной партии, занимает лишь 5-е место (1-е — Ларсен, 2-е — Петросян). Это послужило сигналом к необходимому отдыху, который был прерван 29 марта 1970 г. начавшимся в Белгра-

де «матчем века». Так назвали журналисты беспрецедентный в истории шахмат матч между сборной командой СССР, состоявшей из десяти выдающихся гроссмейстеров, и сборной остального мира. Ажиотаж вокруг матча был настолько велик, что в Белград прибыл, прервав свое очередное добровольное заторничество, Роберт Фишер, который, по замыслу организаторов, должен был возглавить сборную «остального мира». Однако имевший больше формальных прав на первую доску Ларсен категорически отказался ее уступить... Вместо ожидаемой с громадным интересом битвы между Спасским и Фишером состоялся микроматч Спасский — Ларсен, закончившийся со счетом 1,5:1,5, но победа, одержанная Спасским во 2-й партии, очаровала весь шахматный мир. Общий итог четырех туров матча — 20,5:19,5 в пользу СССР.

Спустя несколько месяцев на Мировой Олимпиаде в городе Зигене (ФРГ) интриговавший шахматную общественность поединок Спасский — Фишер наконец-то состоялся. В условиях перепол-

ненного зрителями турнирного зала, в нервной и небезошибочной борьбе Спасский переиграл Фишера в тактических осложнениях и одержал важнейшую принципиальную победу. Вероятно, это поражение самолюбивого американца сыграло не последнюю роль в его решении включиться в отборочный к первенству мира цикл, завершившийся, как известно, его триумфом. Фишер получил право на матч с чемпионом мира и победил Спасского, но об этом в следующей главе...

Проиграв титул чемпиона мира, Спасский отнюдь не потерял надежд на его возвращение. В 1973 г. он после 12-летнего перерыва становится чемпионом СССР, выиграв это звание в исключительно сильном по составу турнире. Он одержал победу и в первом матче претендентского цикла 1974 г. над американским гроссмейстером Р. Бирном. Но полуфинальный матч с 23-летним Анатолием Карповым оказался для него крушением надежд. Счет 4:1 (ничьих было шесть, но они не учитывались) — свидетельство полного превосходства новой шахматной звезды.

После поражения от Карпова игра экс-чемпиона мира несколько потускнела. Однако в претендентском цикле 1977 г. все увидели возрожденного Спасского. Он с блеском дошел до финального матча, но преодолеть этот последний барьер на пути к поединку с чемпионом мира не смог.

До сих пор Борис Спасский активно выступает в международных соревнованиях и почти всегда его место — в верхней половине турнирной таблицы, независимо от квалификации турнира, но первых и даже вторых мест почти нет. Почему? Возможно, уже на-

ступил критический возраст. Но скорее всего причина в другом. Спасскому, однажды вкусившему радость преодоления самого главного шахматного пика, прошедшему перед этим жесточайшие отборочные баталии, которые он как-то назвал «кругами дантова ада», и испытывавшему горечь низвержения с Олимпа, очень трудно настроить себя на повторный штурм и связанную с ним изнурительную и бескромиссную борьбу. А без настроения, без настоящей спортивной злости путь к наивысшим успехам в шахматах закрыт...

ФИШЕР

У дверей Бруклинского шахматного клуба появился худенький мальчишка. На пути у него встал строгий швейцар, требуя входной билет. Ни билета, ни денег на билет у Бобби Фишера не было. Было лишь страстное желание поиграть в шахматы с солидными и респектабельными дядями. И когда какой-то завсегдатай клуба расщедрился на входную плату, Бобби нетерпеливо вбежал в зал и за-

нял место за шахматной доской.

Вскоре «шустрый малыш», как его окрестили взрослые посетители клуба, заиграл в шахматы поразительно сильно. Обыгранные им «дяди», конфузясь, чесали затылки, удивленно разводили руками и, без надежды на успех, но уже с любопытством, начинали следующую партию... С десяти лет Бобби ощутил в кармане заманчивый звон монет — это были призы за бесчисленные победы в клубных блицтурнирах, устраиваемых каждую пятницу. Благотворное участие в развитии юного таланта принял председатель клуба Кармин Нигро. «Он помог мне больше, чем кто-либо другой», — говорил впоследствии Бобби.

Законы шахматного развития неумолимы: если в Нью-Йорке появляется восходящая шахматная звезда, то не миновать ей Манхэттенского шахматного клуба, который еще в далеком 1886 г. был местом банкета в честь коронации первого чемпиона мира В. Стейница, а впоследствии местом многочисленных побед в легких и турнирных партиях второго чемпиона мира

Эм. Ласкера и третьего чемпиона мира Х. Р. Капабланки... Когда 12-летний Бобби появился в Манхэттенском шахматном клубе, он был, по свидетельству очевидцев, малосрослым мальчуганом с лицом херувима. «Херувимчик» уже через год после своего появления в манхэттенских клубных стенах показал острые шахматные зубки, завоевав титулы юношеского чемпиона Нью-Йорка и США.

При появлении в сфере человеческой деятельности, будь то наука, искусство или спорт, яркого дарования принято анализировать его истоки.

В 1932 г. дочь безработного американского закройщика 19-летняя Регина Вендер обратилась к Советскому правительству с просьбой предоставить ей возможность получить медицинское образование в СССР. Ответ на просьбу был утвердительным, и с 1933 по 1938 г. Регина Вендер училась в Первом московском медицинском институте и закончила его с отличием. По возвращении на родину она вышла замуж за эмигранта из Германии, биофизика по профессии Герхарда Фишера, который в 1945 г. оставил жену

с шестилетней Джоан и двухлетним Бобби. Спустя четыре года его величеству случало (в который раз!) суждено было сыграть решающую роль в появлении шахматной суперзвезды. Джоан получила от владельца магазина в Бруклине «приз постоянной покупательницы» — комплект шахмат с приложенными к нему правилами игры. Брат и сестра вместе изучили эти правила...

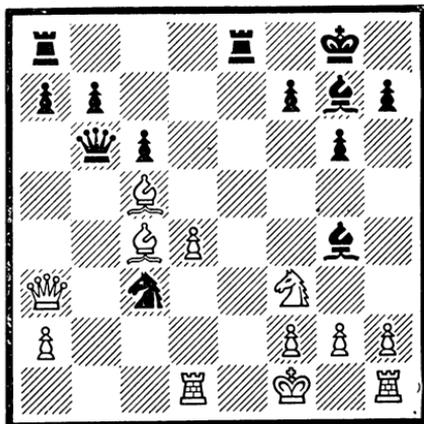
Шахматы постепенно вытеснили из жизни Бобби все остальное, в том числе и школу. До сих пор в актовом зале школы, которую Фишер так и не окончил, на самом видном месте висит его портрет, и до сих пор его школьные учителя, вероятно, не могут забыть высказывания уже почти взрослого Бобби: «Наши школы — прибежище кретиннов, а преподают там совершенные ничтожества». А между тем в школе всячески поощряли шахматное увлечение Бобби. Школьными дисциплинами он особенно не интересовался, хотя числился средним учеником, зато во всех спортивных соревнованиях проявлял невероятную решимость победить во что бы то ни ста-

ло. «Родись он поблизости от плавательного бассейна, — вспоминает один из его учителей, — быть бы ему сейчас чемпионом по плаванию. Да вот подвернулись шахматы». Его однокашники помнят, как носился он с торчащими из кармана номерами журнала «Шахматы в СССР».

Итак, шахматы и только шахматы! Еще совсем мальчишкой Фишер понял, что без систематической работы над ними успех не придет. Понял Бобби и то, что самая нужная и качественная шахматная литература — советская, а чтобы ее максимально осваивать, необходимо знание русского языка, к изучению которого он незамедлительно приступил.

В первом в своей жизни серьезном взрослом турнире Бобби сыграл в 1956 г. Это был Нью-Йоркский турнир на кубок Розенвальда. Победителем турнира стал, как и ожидалось, выдающийся американский гроссмейстер С. Решевский, вторым пришел к финишу молодой гроссмейстер А. Бисгайер, а Фишер вместе с опытным мастером Г. Сейдменом оказался лишь на 8—9-м местах (4,5 очка из 10 воз-

можных). Конечно, успешным такое выступление считать было нельзя, но победа, одержанная 13-летним Бобби над одним из сильнейших шахматистов США того времени — мастером Дональдом Бирном, обошла всю мировую шахматную печать.

Позиция, изображенной на диаграмме, предшествовала шестиходовая тактическая перепалка, в которой Фишер оказался явно дальновиднее: 17... Се6! (Ход, фактически заканчивающий борьбу. Если белые сыграют 18. Сd3, то после 18... Кb5! черные сохраняют лишнюю пешку и значительно лучшую позицию. Ход 18. С:е6? приводит к сперто-

му мату: 18... Фb5+ 19. Kpg1
Ke2+ 20. Kpf1 Kg3++ 21.
Kpg1 Фf1+ 22. Л:f1
Ke2x.) 18. С:b6 С:c4+ 19.
Kpg1 Ke2+ 20. Kpf1 К:d4+
21. Kpg1 Ke2+ 22. Kpf1 Кс3+
23. Kpg1 ab 24. Фb4 Ла4 25.
Ф:b6 К:d1 26. h3 Л:a2 27.
Kph2 К:f2 28. Ле1 Л:e1 29.
Фd8+ Cf8 30. К:e1 Cd5 31.
Kf3 Ke4 32. Фb8 b5 33. h4 h5
34. Ke5 Kpg7 35. Kpg1 Cc5+
36. Kpf1 Kg3+ 37. Kpe1 Cb4+
38. Kpd1 Cb3+ 39. Kpc1 Ke2+
40. Kpb1 Кс3+ 41. Kpc1 Лс2x.

В первом полугодии следующего года Фишер еще один раз выигрывает чемпионат США среди юношей, а во втором полугодии — открытый чемпионат США среди... взрослых. Начавшиеся было сомнения некоторых солидных мастеров относительно справедливости его первого крупного успеха (в открытом чемпионате Фишер разделил 1—2-е места с Бисгайером и стал победителем по так называемым коэффициентам) быстро развеялись после того, как Бобби накануне своего пятидесятилетия выиграл национальный чемпионат США, опередив в нем самого Решевского. Успех был колоссальным, так как национальный

чемпионат США считался оборочным к межзональному турниру — одному из этапов первенства мира. В пятнадцатилетнем возрасте попасть в межзональный — это ли не сенсация!

Со всех концов мира сыплются приглашения принять участие в турнирах или выступить с сеансами одновременной игры. Есть приглашения в Канаду, и в Аргентину. Англия ждет Фишера на традиционный Гастингский турнир. Советский Союз не ограничивается приглашением, но и гарантирует оплату всех расходов по поездке. Не надо было обладать большой проницательностью, чтобы понять, куда в первую очередь поедет Бобби. Вместе с сестрой он направляется в СССР. В Москве Джоан и Бобби проводили время по-разному: Джоан знакомилась с достопримечательностями столицы, а Бобби дневал и ночевал в Центральном шахматном клубе...

В числе фаворитов IV межзонального турнира, состоявшегося в августе — сентябре в Портороже (Югославия). Фишер не значился. На шесть первых мест, дающих право участвовать в турнире восьми

претендентов на мировую корону (Смыслов и Керес включались в турнир автоматически, на основании предыдущих успехов), было достаточное количество более чем авторитетных кандидатов. Решительно, изобретательно и рационально вел борьбу чемпион США. Со всеми советскими гроссмейстерами он сделал ничьи, разгромил Ларсена, поволновал своих болельщиков, применив в партии последнего тура с опытным Глигоричем сверхострый вариант Сицилианской защиты, но все же добился ничьей. В итоге новая сенсация: дележ 5—6-го мест, выход в турнир претендентов и звание международного гроссмейстера в возрасте пятнадцати лет — подобного не было ни до, ни после Фишера...

Роберт (настала пора называть его по-взрослому) Фишер очень рассчитывал на успех в турнире претендентов и ни от кого этого не скрывал. Поэтому 1959 г. он посвятил интенсивной практической подготовке. Была одержана принципиальная победа на очередном чемпионате США, и теперь уже мало кто сомневался, что занявший 2-е

место Решевский — отныне не первая доска Америки. Весной состоялись два выступления Фишера в Южной Америке. На турнире в Мар-Дель-Плата он разделил 3—4-е места с югославским гроссмейстером Б. Ивковым, пропустив вперед гроссмейстеров Найдорфа и Пахмана, а на турнире в Сант-Яго результат американца оказался просто посредственным — дележ 4—6-го мест (впереди были Ивков, Пахман и Пильник). Оба эти турнира — весьма средние по квалификации, и результаты в них претендента на мировое первенство могли породить только скепсис.

Реабилитация 16-летнего американского чемпиона состоялась через месяц после Сант-Яго, на сильнейшем по составу турнире в Цюрихе, организованном в честь 150-летия старейшего в Европе Цюрихского шахматного общества. До последнего тура боролся Фишер в этом соревновании за первое место, но досадное поражение в предпоследнем туре от швейцарского мастера Д. Келлера решающим образом повлияло на его притязания. 1-е место занял двухкратный чемпион

СССР Михаил Таль, на пол-очка отстал один из сильнейших гроссмейстеров Европы С. Глигорич. Фишер разделил 3—4-е места с постоянным участником претендентских турниров П. Кересом. Это был настоящий успех!

Оценивая шансы участников накануне турнира претендентов, Таль сказал, что «для столь трудного турнира Фишер еще слишком молод».

В первом же туре соревнования претендентов, начавшегося 6 сентября 1959 г. в югославском городе Блде, предсказание Талья было поставлено под сомнение: Фишер в отличном стиле выиграл черными у одного из фаворитов турнира — Кереса, а сам Таль в упорном поединке проиграл Смыслову. Но последующие события развеяли возникшие иллюзии. Во втором туре Фишер был переигран по всем статьям Петросяном, в третьем — ничья с Бенко дала возможность ему быстро оправиться от поражения и в четвертом туре великолепно победить Глигорича, но два рядовых поражения, от Олафсона и Талья, расставили все на свои места. Еще три круга советские гроссмейстеры вели

борьбу за первое место между собой; Фишеру была отведена роль «регулирующего»: проиграв свой микроматч Талю со счетом 0:4 и добившись ничьей — 2:2 в микроматче с Кересом, он предоставил «зеленую улицу» будущему чемпиону мира (Керес занял 2-е место, уступив Талю 1,5 очка).

«Фишер идет вперед семимильными шагами и с каждым годом совершенствуется во всех областях шахматного искусства», — писал после окончания турнира претендентов гроссмейстер А. Котов. Немало дифирамбов в адрес юного Фишера содержали высказывания и других крупных специалистов, считавших его дележ 5—6-го мест в турнире претендентов симптоматичным с точки зрения большого шахматного будущего. Молодость свойственна самоуверенности, и Фишер был, разумеется, раздосадован своей первой и, на его взгляд, неудачной попыткой.

Традиционной победой недавнего претендента на мировую корону завершился чемпионат США 1959—1960 гг., а через два месяца состоялось знакомство Фишера с еще

одним выдающимся советским гроссмейстером — Борисом Спасским: на международном турнире в Мар-Дель-Плата оба они продемонстрировали полное превосходство над остальными участниками и разделили первый и второй призы с результатом 13,5 очка из 15 возможных (третьим к финишу пришел Д. Бронштейн — 11,5 очка). Огорчительной для Фишера была лишь его партия со Спасским, применившим рискованный королевский гамбит и тем не менее одержавшим победу. Возвратившись в СССР, Спасский в статье о турнире в Мар-Дель-Плата нарисовал весьма симпатичный шахматный портрет своего американского коллеги: «В шахматы Роберт способен играть в любое время дня и ночи. Часто его можно видеть за блицпартиями... после утомительного вечернего доигрывания. Блицчемпион США играет с удовольствием и азартом. Единственное, что в области шахмат Фишер делает без удовольствия, — это проигрывает. Тогда фигуры мгновенно расставляются заново для реванша... Р. Фишер обладает огромными шахматными знаниями. Интерес его к шахмат-

ной литературе, особенно советской, поразителен... Любимый шахматист Фишера — Х. Р. Капабланка».

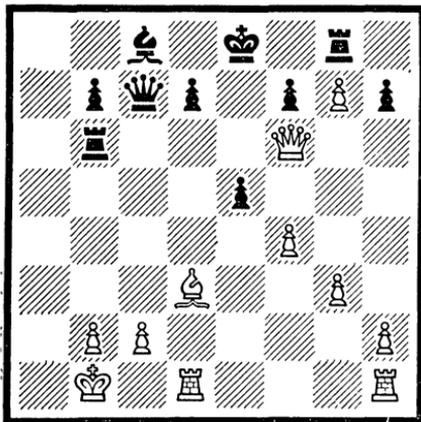
На фоне более или менее ровного шахматного пути Роберта Фишера была только одна из ряда вон выходящая неудача — дележ 13—14-го мест на турнире в Буэнос-Айресе в 1960 г. В девятнадцати партиях ему удалось тогда одержать лишь три победы при пяти поражениях. Может быть, с целью реабилитации себя в глазах любителей шахмат Фишер сразу же после Буэнос-Айреса согласился возглавить команду США на Мировой Олимпиаде в Лейпциге, хотя никогда не был поклонником командной борьбы, и внес большой вклад в общий успех своей команды — второе место после команды СССР.

В конце 1960 г. в четвертый раз подряд Фишер стал чемпионом США. Немаловажное значение в подготовке его к межзональному турниру 1962 г. имел матч Фишер — Решевский, организованный шахматными меценатами — супругами Пятигорскими. Дело в том, что гроссмейстер Решевский никак не мог смириться с ролью второго шахматиста

США, считая, что в турнирах, благодаря молодости и напору, Фишер может его опережать, но в матче... Матч, действительно, закончился с ничейным счетом — 5,5 : 5,5, хотя и раньше срока, так как Фишеру не понравилось поведение... организаторов матча. Трудно определить виноватых в этом инциденте, но результатом матча Решевский остался, вероятно, доволен, ибо удерживал равновесие из последних сил.

Прекрасные шахматные организаторы живут в Югославии. В этом лишний раз убедился Фишер, когда узнал, что на международный турнир в Блед прибывают (вместе с ним) шесть из восьми участников последнего турнира претендентов. И не напрасно турнир 1961 г. в Бледице был назван тогда «турниром века». Интереснейшая борьба за первое место развернулась между успевшим стать экс-чемпионом мира Талем и Фишером. Оба молодых гроссмейстера находились в прекрасной спортивной форме и гонка, устроенная ими, оказалась непосильной для Кереса, Петросяна, Глигорича, Геллера и других. Первым финишировал

Таль — 14,5 очка из 19, Фишер стал вторым призером, но без поражений прошел весь турнир только один он, и, что самое главное, против четырех советских гроссмейстеров он набрал 3,5 очка, победив, наконец-то, в личной встрече Талья. Финал этого поединка Фишер провел в стиле Талья.

Только что сделав ход 22... e5, Таль, очевидно, надеялся на 23. Ф : e5 + Ф : e5 24. fe Л : g7 с некоторыми шансами на ничью. Но его ожидал «сюрприз»... 23. fe! Л : f6 24. ef (грозит С : h7, от чего нет защиты) 24... Фc5 25. С : h7 Фg5 26. С : g8 Ф : f6 (гибнет главная проходная пешка белых, но в возникшей позиции

две ладьи намного сильнее ферзя) 27. Лhf1 Ф:g7 28. С:f7+ Кpd8 29. Се6 Фh6 30. С:d7 С:d7 31. Лf7 Ф:h2 32. Л1:d7+, и белые постепенно реализовали свое большое преимущество.

У межзональный турнир в Стокгольме логически завершил период интенсивной подготовки и турнирных баталий молодого американского чемпиона. Мало того, что Фишер занял 1-е место. Поражали сопутствующие этому успеху показатели: 17,5 очка из 22 возможных, то есть 80% от возможного количества очков; на 2,5 очка отстали от победителя разделившие 2—3-е места Петросян и Геллер. «Мы видели на этот раз очень высокого, но совсем взрослого парня, старающегося сдерживать свойственные ему резкие порывистые жесты и движения. Выяснилось, что прежде пищу для журналов давало в основном обычное ребячество, которое прошло и кануло в вечность», — писал по поводу стокгольмского успеха Фишера мастер Л. Абрамов.

Межзональные турниры — состязания, как правило, с очень неровным составом, и успех в них часто зависит от

результатов встреч с аутсайдерами, «расправляться» с которыми равнозначные гроссмейстеры умеют по-разному. В Стокгольме против десяти участников, замкнувших турнирную таблицу, Фишер набрал 9,5 очка, и это обстоятельство определило его весьма ощутимый отрыв от остальных призеров. На турнирах претендентов аутсайдеры тоже есть, но класс их игры не позволяет столь «беспощадной расправы». Поэтому на острове Кюрасао, где проводился турнир претендентов 1962 г., задача Фишера была намного сложнее, чем в Стокгольме.

Турнир на Кюрасао завершился убедительной победой советского гроссмейстера Тиграна Петросяна. 2—3-е места разделили П. Керес и Е. Геллер.

Исходя из законов объективной логики, четвертое место Роберта Фишера на турнире претендентов можно было считать успехом, но западная печать и, конечно, сам Фишер были разочарованы. На турнире специалисты сумели разглядеть и недостатки в игре американца: крайне ограниченный дебютный репертуар,

облегчающий подготовку к партии с ним, и небрежность в простых позициях, связанную с самонадеянностью. Недостатки эти были легко исправимы, и следующий отборочный цикл к первенству мира мог оказаться для Фишера удачнее предыдущего, но чемпион США (этот привычный для себя титул он выиграл в 1963 г. с результатом 11 очков из 11 возможных) рассудил по-своему. Он решил игнорировать первенство мира, считая непригодными методы отбора, разработанные ФИДЕ. С разных сторон (от разных меценатов) поступали ему предложения, предусматривавшие гонорары в тысячи долларов за его участие в VI межзональном турнире в Амстердаме, но в Голландию американский гроссмейстер так и не приехал...

Возвращение Фишера к шахматам на высшем уровне состоялось осенью 1965 г., но и здесь не обошлось без приключений. Госдепартамент США отказал ему в разрешении выехать в республику Кубу, где в столице, Гаване, разыгрывался Мемориал Капабланки. Неизвестно, что руководило Фишером — шахмат-

ный голод или желание показать свою независимость от госдепартамента, но участником турнира в Гаване он стал. Свои партии он играл по телефону-телетайпу из шахматного клуба имени Маршалла в Нью-Йорке. Это беспрецедентное «новшество» принесло Фишеру лишь дележ 2—4-го мест с Геллером и Ивковым. Три поражения (от Холмова, Геллера и Ивкова) потерпел он в Гаване, но зато выиграл прекрасную позиционную партию у победителя турнира экс-чемпиона мира В. Смыслова.

Вскоре состоялся чемпионат США 1965—1966 гг., на котором Фишер потерпел два поражения — от Р. Бирна и С. Решевского, но остальным девяти участникам выделил лишь пол-очка, завоевав в седьмой раз звание чемпиона.

Шахматный бум начался в США, когда летом 1966 г. в Санта-Монику на кубок Пятигорского прибыли сильнейшие гроссмейстеры мира, в том числе чемпион мира Петросян; второй шахматист мира, победитель последнего претендентского цикла Спасский; самоуверенный и бесстрашный шахматный боец Ларсен; по-

бедитель многих международных турниров маститый Найдорф; один из сильнейших европейских гроссмейстеров Портиш и другие. Фишер, до последнего момента державший организаторов турнира в неведении о своем участии, к восторгу американских болельщиков, тоже включился в это соревнование. Первый круг (турнир проводился в два круга) кончился для кумира американцев плачевно — 3,5 очка из 9 возможных. Неужели он потерял свою шахматную мощь? Категорический ответ на этот вопрос был получен во втором круге, в котором Фишер набрал 7,5 очка из 9 и в итоге занял второе место, отстав всего на пол-очка от Спасского. Окрыленный успехом (ведь чемпион мира Петросян остался далеко позади), Роберт Фишер возглавил американскую сборную на XVII Мировой Олимпиаде в Гаване, где показал лучший результат на первой доске (15 очков из 17), а его команда, благодаря столь весомому вкладу лидера, заняла, как и в 1960 г., почетное второе место, уступив лишь сборной СССР.

Многое сулил Фишеру 1967 г., но...

В начале года он одержал уверенную победу в небольшом и сильном по составу (Смыслов, Геллер, Ларсен и др.) турнире в Монте-Карло. Восхищенный мастерством Фишера, гроссмейстер Геллер поделился своими впечатлениями на страницах периодической печати: «Действия Фишера на шахматной доске напоминают работу превосходно запрограммированной машины. Ходы его рациональны, постоянно преследуют конкретные цели. Дебютный репертуар американца довольно ограничен, но разработан тщательно». Летом неугомонный американец завоевал первый приз в югославском городе Скопле.

И вот VII межзональный турнир в Сусе (Тунис). Отличный старт — 8,5 очка из 10 возможных. Но с основными своими конкурентами Фишер так и не сыграл. Регламент турнира шел вразрез с религиозными убеждениями, которых придерживался Фишер. В возникшем конфликте судейская коллегия не смогла найти «золотой середины», и похоже, что Фишер к этому не стремился. К огорчению всего шахматного мира, религиозные чувства

Фишера оказались выше его желания продолжать борьбу за мировое первенство. Так и остались в его турнирной таблице 8,5 очка...

А победителем турнира в Сусе стал датский гроссмейстер Бент Ларсен, набравший 15,5 очка из 21 возможного. В послетурнирном интервью победитель категорически заявил, что «Фишер никогда не станет чемпионом мира, потому что всегда боится проиграть партию...»

Дальнейшие события, казалось, подтверждали прогноз Ларсена, но не по причине боязни Фишера проигрышей, а по другой. На Мировой шахматной Олимпиаде 1968 г. в Лугано он покинул свою команду из-за неудовлетворительной, на его взгляд, освещенности турнирного зала, а затем в начале 1969 г. категорически отказался от участия в чемпионате США, который был отборочным к очередному первенству мира. Такое добровольное исключение себя из мирового отбора сравнивалось некоторыми шахматными историками со странным уходом из шахмат в прошлом веке гениального Пола Морфи. Но в отличие от Морфи

Фишер чередовал уходы из шахмат с возвращениями, которые, как правило, свидетельствовали о его титанической работе в «домашней лаборатории». Короче говоря, к началу 1970 г. Фишер был во всеоружии, и когда ему предложили первую доску в команде «остального мира» в матче против сборной команды СССР в Белграде, он без колебаний дал согласие. Удивившую всех согласованность показал американец и дальше. Перед самым началом «матча века» он согласился уступить первую доску Ларсену, считавшему себя более достойным роли лидера.

Пользуясь некоторой растерянностью Петросяна, связанной с неожиданной «переменной декорацией», Фишер, демонстрируя отличную дебютную подготовку и прекрасную спортивную форму, выиграл у «труднопробиваемого» советского гроссмейстера две партии подряд, а в 3 и 4-й партиях идеально отработанной защитой добился ничьих. Довольный произведенным эффектом, Фишер задержался в Югославии и сыграл в «турнире мира» в Ровине — Загребе. И снова его ожидал успех:

набрав 13 очков из 18 возможных, он опередил разделивших 2—5-е места Глигорича, Горта, Смыслова и Корчного на целых два очка!

Через два месяца после югославского турне Фишер принял участие в турнире, проводимом в городе, где десять лет назад потерпел самую большую неудачу в своей шахматной карьере. На этот раз буэносайресские болельщики увидели нового, фантастически сильного Фишера. Его результат был феноменальным: 15 очков из 17 возможных. На 3,5 очка отстал от него второй призер — советский гроссмейстер В. Тукмаков, и еще дальше были гроссмейстеры Панно, Георгиу, Найдорф, Смыслов, Решевский и другие.

В ряду колоссальных достижений Фишера в 1970 г. была только одна, но очень ощутимая для его самолюбия, трещина: на Мировой Олимпиаде в Зигене, выступая на первой доске за США, он потерпел принципиальное поражение от чемпиона мира Бориса Спасского, и счет их личных результативных встреч возрос до 3:0 в пользу советского гроссмейстера...

Понимая, что наконец-то в США появился гроссмейстер, способный бороться за мировую корону с советскими шахматистами, новый исполнительный директор шахматной федерации США Эд Эдмондсон делал все возможное, чтобы ФИДЕ допустила Фишера в межзональный турнир взамен одного из победителей отборочного и первенству мира чемпионата США. Старания Эдмондсона и добровольный отказ Бенко (в пользу Фишера) от своего права на участие в межзональном турнире открыли Фишеру путь на Мальорку, где 8 ноября 1970 г. стартовал VIII межзональный турнир. Выше всяких похвал провел это соревнование Фишер. Его результат — 18,5 очка из 23 возможных — на 3,5 (!) очка превышал результаты разделивших 2—4-е места Геллера, Ларсена, Хюбнера. «Убедительная победа Фишера на Мальорке, — писал по окончании турнира чехословацкий гроссмейстер М. Филип, — напоминает успехи Алехина в его лучшие годы и, без сомнения, доказывает, что американский гроссмейстер должен рассматриваться как главный фаворит в пред-

стоящих матчах претендентов».

Матчи претендентского цикла 1971 г. создали Фишеру ореол непревзойденного шахматного гения. Четвертьфинальный матч с Таймановым и полуфинальный матч с Ларсеном он завершил с одинаковым результатом — 6:0 (матчи игрались на большинство из 10 партий). Насколько объективны и закономерны эти результаты, можно спорить, но доводы некоторых обозревателей об упущенных возможностях Тайманова и Ларсена не уменьшают эффекта от рекордов американского гроссмейстера.

Сенсационно завершился и финальный матч Фишера с экс-чемпионом мира Петросяном. Этот матч проводился в Буэнос-Айресе на большинство из 12 партий. Ажиотаж вокруг матча был невиданный. И пресса, и телевидение Аргентины относились к нему как к событию № 1. Участников матча и их помощников принял президент Аргентины. На пресс-конференции в присутствии журналистов многих стран Фишер заявил, что победит Петросяна, а затем и Спасского.

Первые пять партий матча поставили под сомнение обещание Фишера: несмотря на равный счет — 2,5:2,5, Петросян имел безусловный игровой перевес. Добившись значительно лучшей позиции в 1-й партии, он допустил досадную ошибку и проиграл; во 2-й партии Фишер был разгромлен «по всем статьям», в 3-й партии Петросян, имея лучшие шансы, просмотрел троекратное повторение позиции — ничья. После боевых ничьих в 4 и 5-й партиях Петросян неожиданно слабо провел 6-ю и, проиграв ее, как говорят спортсмены, «сломался». Фишер победил и в остальных трех партиях, закончив матч досрочно со счетом 6,5:2,5.

Минуло двадцать лет с той поры, как восьмилетний Бобби пересек порог Бруклинского шахматного клуба. Остались позади годы первых побед и неудач, годы шахматного мужания и наступления шахматной зрелости. Чтобы стать чемпионом мира, оставалось преодолеть последнюю высоту, носящую название «Борис Спасский». Ни разу не удавалось Фишеру победить этого великолепного гроссмейстера и трижды приходи-

лось подписывать бланки о капитуляции. Это обстоятельство, безусловно, нервировало Фишера, снижало его уверенность в окончательном успехе.

1 июля 1972 г. в столице Исландии Рейкьявике было назначено открытие матча Спасский — Фишер, а 2 июля должна была играть первая партия. Но ни на открытие, ни на игру Фишер не явился. Это было вопиющим нарушением правил ФИДЕ, а значит, и весьма веским поводом для дисквалификации претендента. Однако либеральное отношение к этому поступку со стороны ФИДЕ и чемпиона мира Спасского, жаждавшего сразиться с интереснейшим противником, сделало матч возможным, что оказалось крупной психологической победой Фишера, явно спекулировавшего на своем громадном шахматном авторитете.

Первая партия матча, начавшегося... 11 июля, ознаменовалась первой дебютной новинкой Фишера в одном из вариантов защиты Нимцовича. Добившись черными равного окончания, американец неосмотрительно взял слона белой пешку, которая оказа-

лась «данайским даром». Спасский еще за одну пешку выиграл слона и уверенно реализовал преимущество.

Во 2-й партии Фишер применил «новинку» другого рода: он просто не явился на игру, и ему было засчитано поражение.

При счете 2:0 в пользу чемпиона мира Фишер потребовал, чтобы 3-я партия игралась в закрытом помещении. Спасский, желая, как ему казалось, спасти матч от срыва, согласился. Одержав такую своеобразную моральную победу, Фишер закрепил ее победой на шахматной доске: слишком робко и неуверенно действовал Спасский белыми против острого варианта Индийской защиты, примененной противником.

Впоследствии Спасский признавался, что он никак не мог избавиться от неприятного ощущения «форы», полученной во 2-й партии.

Новое неожиданное продолжение за черных в Сицилианской защите продемонстрировал Спасский в 4-й партии матча и после шаблонной реакции Фишера получил большой позиционный перевес. В один момент чемпион мира

мог осуществить прозаический переход в эндшпиль, в котором Фишеру вряд ли удалось бы спастись, но Спасский играл на атаку, и в возникших осложнениях Фишеру удалось выйти «сухим из воды» — ничья.

Проиграв дебютное сражение в 5-й партии, Спасский усугубил свое положение просмотром на 27-м ходу и после эффектного тактического удара черных признал себя побежденным. Счет в матче стал 2,5 : 2,5.

Ход борьбы в 6-й партии еще раз подтвердил отличную дебютную подготовку претендента. В апробированном Спасским варианте Фишер заготовил существенное усиление. В последующей борьбе претендент превосходно использовал едва заметные упущения чемпиона и завершил партию неотразимой атакой на черного короля.

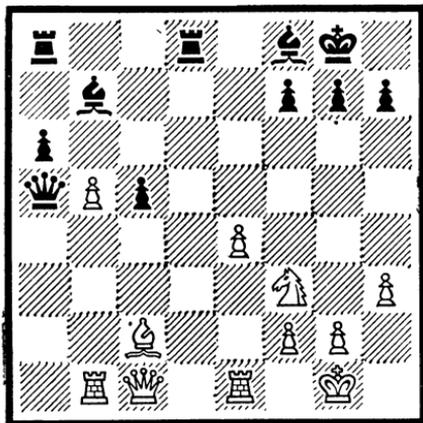
В 7-й партии Спасский бросился отыгрываться, но играл слишком рискованно и спас пол-очка благодаря тому, что Фишер рано уверовал в свою победу...

Худшей партией Спасского в матче была 8-я. Добившись черными по дебюту равной позиции, советский гроссмей-

стер провел сомнительную жертву качества за пешку, а затем допустил элементарный просмотр и проиграл, в сущности, без борьбы.

9-я партия завершилась ничьей, которая требовалась обоим противникам для передышки от предыдущих волнений.

Эlegantная и неожиданная комбинация Фишера решила исход борьбы в 10-й партии.

26. Сb3!! (сильнейшее продолжение, требующее исключительно точного расчета) 26... ab 27. Ff4 Ld7 (на ход 27... c4 Фишер заготовил 28. С : c4!) 28. Ke5 Fc7 29. Lbd1! (в этом ходе все дело; красив вари-

ант: 29... Л: d1 30. С: f7+ Крh8
31. Кg6+! с матом) 29... Ле7
30. С: f7+ Л: f7 31. Ф: f7+
Ф: f7 32. К: f7 С: e4 33.
Л: e4 Кр: f7 34. Лd7+
Крf6 35. Лb7 (матери-
альные завоевания белых не
столь уж значительны, но ак-
тивность их ладей определяет
перевес) 35... Ла1+ 36. Крh2
Cd6+ 37. g3 b4 38. Крg2 h5
(более упорным был ход 38...
Крf5) 39. Лb6 Лd1 40. Крf3
Крf7 41. Крe2 Лd5 42. f4 g6
43. g4 hg 44. hg g5 45. f5 Ce5
46. Лb5! Крf6 47. Ле: b4 Cd4
48. Лb6+ Крe5 49. Крf3! Лd8
50. Лb8 Лd7 51. Л4b7 Лd6 52.
Л7b6 Лd7 53. Лg6, и белые
выиграли. Окончание проведе-
но Фишером виртуозно!

В 11-й партии красивую по-
беду в излюбленном Фишером
варианте Сицилианской защи-
ты одержал Спасский. Разрыв
в счете сохранился до двух
очков и сохранился после сле-
дующей, 12-й, партии, которая
закончилась вничью, когда
оба противника исчерпали все
ресурсы борьбы. Одной из
самых напряженных партий
матча была 13-я, в которой
Фишер применил защиту Але-
хина и смело принял пожерт-
вованную Спасским пешку. Пар-
тия проходила далеко не без-

ошибочно, но последним в
глубоком эндшпиле (на 69-м
ходу) ошибся Спасский. Раз-
рыв в счете возрос до трех
очков.

Партии матча с 14-й по
20-ю закончились вничью. Это
были ничьи, насыщенные пол-
нокровной борьбой, в которой
инициатива была на стороне
Спасского, но Фишер исклю-
чительно умело нейтрализовыв-
вал агрессивные устремления
противника.

Перед 21-й партией счет
матча стал 11,5:8,5 в пользу
претендента, то есть в четы-
рех оставшихся по регламенту
встречах ему достаточно было
набрать одно очко. В 21-й
партии игравшему белыми
Спасскому преимущества по-
лучить не удалось. Партия дол-
жна была закончиться вничью,
но Спасский, избегая ничейных
вариантов, избрал рискован-
ный путь, который привел его
к поражению. Окончательный
счет матча — 12,5:8,5.

Окончательный счет матча
12,5:8,5, хотя и отражал пре-
восходство американского
гроссмейстера, но остался в
шахматной истории запятнан-
ным «ложкой дегтя» — недо-
стойной чемпиона денежно-
психологической возней, уст-

роенной Фишером в начале матча.

Впервые в истории шахмат чемпионом мира стал уроженец США. Был в этой связи и соответствующий резонанс. Мэр Нью-Йорка Линдсей издал закон, по которому пятница 22 сентября 1972 г. значилась «днем Бобби Фишера». Президент США Никсон послал Фишеру телеграмму, в которой пожелал счастья «абсолютному чемпиону труднейшей игры в мире» и пригласил его в Белый дом. К всеобщему удивлению американцев, это приглашение хозяина Белого дома чемпион мира отклонил.

А затем началась традиционная для Фишера пора затворничества. Первый и весьма тревожный сигнал от нового чемпиона мира поступил спустя почти два года после его коронации. Конгресс ФИДЕ, собравшийся в июне 1974 г., получил телеграмму Фишера, содержащую ультимативные требования о пересмотре регламента матча на первенство мира. Американец требовал, чтобы матч проводился без ограничения количества партий до 10 побед одного из противников, но при счете результативных встреч

9:9 чемпион мира сохранял свое звание. Конечно, столь кардинальное изменение регламента борьбы за шахматный трон, да еще в тот момент, когда претендентов на поединок с чемпионом мира осталось лишь двое, было несвоевременным и необоснованным. Однако огромный авторитет чемпиона мира оказал гипнотизирующее действие на большинство конгрессменов, и они, после еще одного внеочередного конгресса, в марте 1975 г. приняли его «ультиматум» почти полностью. Лишь пункт, касающийся счета 9:9, не был включен в регламент, но этого оказалось достаточно для окончательного отказа Фишера от защиты своего звания.

Чемпионом мира стал победитель претендентского цикла советский гроссмейстер Анатолий Карпов.

До сей поры не прекращается дискуссия об истинных причинах решения Фишера не играть с Карповым. В этой связи особого внимания заслуживает, на наш взгляд, мнение двух бывших тренеров Фишера американских гроссмейстеров Р. Бирна и Л. Эванса, которые считают, что главным

побудительным мотивом поведения Фишера был страх. «С тех пор, как Бобби вплотную приблизился к шахматному Олимпу, в его душу вселился ранее не свойственный ему страх перед поражением, и если в Рейкьявике он сумел преодолеть этот страх, после того как почувствовал, что вывел Спасского из душевного равновесия, то теперь перед ним стоит значительно более сложная в психологическом отношении задача» (выдержка из статьи Эванса, опубликован-

ной в конце января 1975 г. в вашингтонском еженедельнике «Потомак»). В той же статье Эванс отметил, что «Карпов непонятен Фишеру как человек и шахматист, а Бобби не любит ничего непонятного — оно его раздражает и нервирует...»

Мнение мнением, но факт остается фактом: преждевременный уход Роберта Фишера — трудновосполнимая потеря для мирового шахматного искусства.

КАРПОВ

23 мая 1951 г. южноуральский город Златоуст, славящийся великолепными умельцами-металлургами, стал местом рождения умельца совсем другого вида искусства, может быть, не столь «горячего», как металлургическое, но сложности и прелести необычайной.

С шахматами четырехлетнего Толю познакомил отец — Евгений Степанович Карпов, инженер — машиностроитель, большой любитель шахмат.

Уроки отца были закреплены практически в «дворовых» шахматных битвах, а когда Толя стал первоклассником, противника, равного себе, даже среди старших ребят, найти ему было уже не легко. Потом, как это часто бывает, увлечение сына стало доставлять немало забот маме, Нине Григорьевне, которой неоднократно приходилось вечерами буквально вырывать маленького сына из объятий шахматных страстей во взрослом шахматном кружке Дворца спорта металлургического завода.

Любовь одаренного мальчика к шахматам оказалась безответной — девятилетний Толя завоевал почетный титул чемпиона Челябинской области среди школьников. В этом же возрасте он выполнил в Златоусте норматив первого разряда, присваивать который удивленные взрослые почему-то не торопились... Первую всесоюзную известность принес Толе Карпову... десятый номер журнала «Шахматы в СССР» за 1961 г., где была напечатана небольшая заметка о заключительном этапе Всероссийских юношеских соревнований в городе Борови-

чи Новгородской области. Заметка иллюстрировалась фотографией малыша, который не был ни победителем турнира, ни даже призером. Причину появления фотографии проясняли два предложения: «Общее внимание привлекла игра десятилетнего Толи Карпова из Златоуста. Набрав 5 очков, он выполнил норму первого разряда».

Шахматная организация РСФСР — самая крупная в Советском Союзе, а значит, и в мире. Все автономные республики, края, области и округа Российской Федерации, а их около девяноста, проводят серии своих соревнований, победители которых едут «на Россию», то есть на отборочные соревнования российского масштаба, и так каждый год. Шахматисты Челябинской области в российских соревнованиях всегда котируются довольно высоко. Поэтому, когда в январе 1963 г. 11-летний Толя Карпов разделил 2—4-е места с опытными кандидатами в мастера в чемпионате Челябинской области, выполнив при этом норму кандидата в мастера, его прирожденный талант стал признанным фактом.

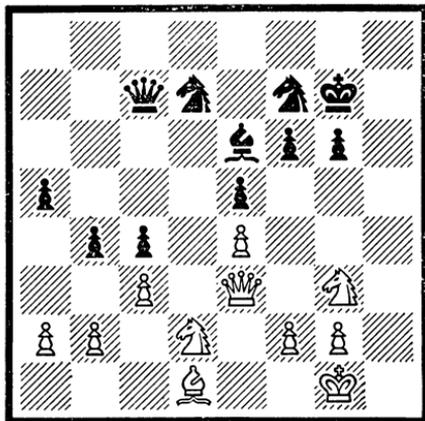
Подлинный талант всегда оригинален. Разглядеть и распознать его, особенно на начальной стадии, бывает не просто. Символично, что на первой же сессии «школы Ботвинника», созданной в 1963 г., присутствовал Толя Карпов. Но патриарх советских шахмат не увидел тогда ничего особенного в игре маленького глазастого мальчугана, находившегося явно не в ладах с теорией дебютов. Мнение Ботвинника о заурядности Толи Карпова подтвердил учебный сеанс одновременной игры, в котором Ботвинник легко переиграл Толю в дебюте, но в середине партии «зевнул» ферзя на ладью, и все же добился ничьей. Впоследствии Карпов раскрыл истинную причину этой «дезинформировавшей» Ботвинника ничьей: «Когда я увидел, что гроссмейстер зевает ферзя, то обратился к мастеру, ассистенту Ботвинника, чтобы тот предложил сеансеру взять ход назад. Экс-чемпион мира отказался, и тогда я, не желая получать «незаконное» очко, умышленно допустил ответный просмотр, приведший к ничьей».

В 1965 г. семья Карповых в связи с переводом Евгения

Степановича на новое место работы переехала в Тулу. Тульская шахматная организация с большим удовольствием приняла в свои ряды юного, быстро прогрессирующего кандидата в мастера, а когда он был приглашен в Ленинград для участия в турнире с мастерской нормой, командировала вместе с ним в качестве секунданта опытного шахматного мастера Анатолия Мацукевича. Турнир в Ленинграде проводился по шевенингенской системе: пять опытных мастеров экзаменовали пятых молодых кандидатов в мастера, которым предстояло сыграть по три партии с каждым из экзаменаторов. До сих пор Анатолий Карпов с удовольствием вспоминает партию, выигранную черными у опытного мастера, известного в стране тренера и методиста Г. И. Равинского (см. диаграмму).

30... Кс5 (после этого хода у белых возникают некоторые проблемы, но, кажется, вполне разрешимые...) 31. b3 (почти вынужденное продолжение, так как после вторжения черного коня на «d3» пешку b2 двигать будет поздно; например, 31... Кd3 32. b3 cb 33.

Ф: d3 ba! Недостаточен и ход 31. Сс2 из-за 31... b3 32. Сb1 ba 33. С: a2 Кd3) 31... cb 32. ab Фb6 33. Kgf1 Кd6 34. c4? (ошибка в трудной позиции; после 34. cb реализовать позиционный перевес черным

было бы сложнее) 34... Фс6! 35. Сс2 a4! 36. ba (пустить пешку черных на a3 равносильно капитуляции) 36... С: c4 37. Kg3 Cf7 38. a5 Фb5 39. f4 (арония) 39... Ф: a5 40. fe Фа1+ 41. Kpf2 Ф: e5 42. Kf3 Фb2! 43. Ф: c5 b3 44. Кd4 bc. Белые сдались, так как на 45. К: c2 решает 45... Кс4.

К технике реализации позиционного преимущества, продемонстрированной Кар-

повым в приведенном окончании, вполне годится эпитет «капабланковская». 10 очков набрал Карпов в пятнадцати поединках с мастерами. Играл он настолько рационально и прочно, что строгие экзаменаторы не смогли выиграть у него ни одной партии. Так Ленинград стал местом рождения мастера Анатолия Карпова.

В канун нового 1967 г. два юных советских мастера — 17-летний минчанин Витя Купрейчик и 15-летний Толя Карпов — приехали на международный турнир в чехословацкий город Тршинец, чтобы встретиться со своими сверстниками — юными шахматистами (так был переведен текст пригласительной телеграммы Москве), но увидели перед собой взрослых шахматистов, среди которых были уже известные чехословацкие мастера: Августин, Блатный, Смейкал, Купка. Закалка, полученная во внутрисоюзных турнирах, оказалась исключительно качественной. Набрав 11 очков из 13 возможных (без единого поражения), первым к финишу пришел Карпов. Купрейчик разделил 2—3-е места с Купкой, отстав от победителя на

1,5 очка. Похоже, что это свое первое выступление за рубежом Карпов принял за постоянно действующий эталон.

Следующий 1968 г. Карпов встретил тоже за границей. Турнир проходил в Гронингене (Голландия), и участвовали в нем сильнейшие юниоры (до 21 года) европейских стран. Полуфинал и финал этого турнира Карпов провел без поражений и, хотя в полуфинале разделил 2—3-е места, в финале (7 туров по швейцарской системе), набрав 5,5 очка, уверенно занял 1-е место. Будущие гроссмейстеры — венгр А. Йоха (впоследствии изменивший фамилию на Адорьян) и голландец Я. Тимман не сумели составить серьезной конкуренции советскому шахматисту. К сожалению, только через год традиционный турнир юниоров в Гронингене получил статус чемпионата Европы среди юниоров, а его победитель стал удостоиваться звания международного мастера. Карпов же в 1968 г. международным мастером не стал...

Летом 1968 г. Карпов закончил тульскую школу № 20 с золотой медалью — более убедительного ответа на во-

прос о его умении совмещать учебу и шахматы не могло быть, а осенью стал студентом механико-математического факультета Московского университета.

Была еще одна золотая медаль, которой очень недоставало советской шахматной организации, — медаль чемпионки мира среди юношей. В 1955 г. Борис Спасский завоевал этот почетный титул, но затем юношеская корона стала доставаться только иностранцам.

Очередной юношеский чемпионат мира должен был состояться в 1969 г.

Подготовка к нему началась, конечно, заранее. Участвовать в столь ответственном соревновании мог только один представитель нашей страны, а достойных претендентов было четверо: ереванец Р. Ваганян, харьковчанин М. Штейнберг, львовянин А. Белявский и А. Карпов. Им и предстояло в матч-турнире определить самого достойного. В последний момент от участия в турнире отказался Белявский, и три юных мастера разыграли шестикруговое состязание. Право ехать на юношеское первенство ми-

ра в Стокгольм получил Карпов.

Осенью 1968 г. состоялось знакомство Карпова с ленинградским гроссмейстером Семеном Абрамовичем Фурманом. Этому способствовало их совместное участие в сборной команде Вооруженных Сил, в которой Карпову была доверена первая юношеская доска. Трудно переоценить роль Фурмана в последующем взлете Карпова. Общепринятое понятие «тренер и ученик» годилось для этого дуэта лишь на первых порах. Скорее это было содружество выдающегося дебютного теоретика и исследователя с удивительно изобретательным экспериментатором, обладающим врожденной практической хваткой и прекрасными аналитическими способностями.

Чемпионат мира среди юношей в Стокгольме завершился убедительной победой Анатолия Карпова; в полуфинале и финале он сыграл в общей сложности 17 партий, из которых 12 выиграл и ни одной не проиграл. Такой успех автоматически давал квалификационное повышение — звание международного мастера.

«Своей победой в турнире, — писал впоследствии Карпов, — я в большой мере обязан тому, что был хорошо и всесторонне подготовлен к нему Семеном Абрамовичем Фурманом, который помог мне разобраться во многих шахматных премудростях и подсказал, как выстроить стройную систему изучения игры».

В разных областях России живут шахматные мастера. Многие из них никогда не участвовали в международных турнирах. Да, собственно говоря, у них нет на это времени. Шахматы для них — лишь хобби, есть еще и основная работа. Но в своей матушке-России они играют с удовольствием, и класс их игры отменный. Есть в России и именитые мастера, посвятившие себя в основном шахматам. Когда те и другие сходятся в финале, сражение получается яростным и бескомпромиссным. Вот почему чемпионаты РСФСР всегда вызывают большой интерес.

Как международного мастера и юношеского чемпиона мира Анатолия Карпова допустили в финал личного первенства РСФСР 1970 г., являв-

шегося одновременно и полуфиналом чемпионата СССР. Он достойно провел свое первое финальное всероссийское сражение и стал чемпионом РСФСР.

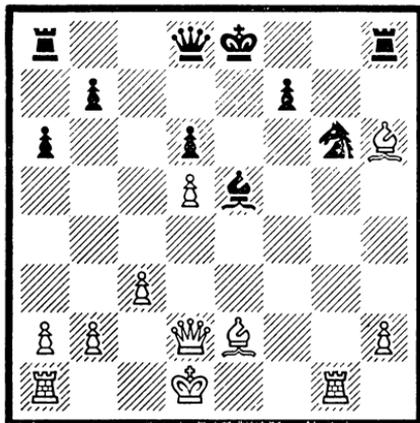
Советская шахматная общественность с большим интересом ожидала выступления чемпиона мира среди юношей и «взрослого» чемпиона России в 38-м чемпионате СССР, тем более, что после победы в первенстве РСФСР он успел изменить мастерское звание на гроссмейстерское, отлично выступив на международном турнире в Каракасе. Изменил Карпов и место своей учебы — он стал студентом экономического факультета Ленинградского университета. Причины этого шага легко объяснимы: во-первых, совмещать математику с шахматами на высоком уровне значительно сложнее, чем экономикой (это мнение самого Карпова), во-вторых, в Ленинграде жил Фурман, а постоянство контакта с таким тренером было для Карпова необходимо.

В своем первом чемпионате СССР Карпов сыграл хорошо, а для первого раза — подходя к его результату с об-

щепринятыми мерками — от- лично. Но в том-то и дело, что «общепринятые мерки» в данном случае поклонников таланта Карпова не устраива- ли. В 1970 г. был годом блис- тательного возвращения в шах- маты после полуторагодового затворничества выдающегося американского гроссмейстера Роберта Фишера. В то же вре- мя в нашей стране молодого шахматиста, равнозначного по яркости таланта Фишеру, вро- де бы не было.

Словно отвечая на трево- гу советской спортивной об- щественности, Карпов во вто- рой половине 1971 г. начал решительное вторжение в ря- ды мировой шахматной элиты. Вначале, как бы для разбега, он занял 4-е место в финале 39-го чемпионата СССР, опе- редив одиннадцать гроссмей- стеров (Штейна, Тайманова, Полугаевского, Геллера, Брон- штейна и др.). А Мемориал Алехина в Москве, собравший восемнадцать сильнейших гроссмейстеров во главе с чемпионом мира Борисом Спасским, сделал Карпова главной шахматной надеждой СССР. Ни одного поражения не потерпел он в том вели- колепном турнире, а среди

его выигранных партий осо- бенно выделялась победа над чехословацким гроссмейсте- ром В. Гортом.

В позиции на диаграмме у белых (Карпова) лишняя пеш- ка, но кажется, что у черных есть за нее компенсация: гро- зит 22... Фh4, а в случае 22. Сg5 — у черных достаточно активная позиция после 22... Фb6. 23. Се3 Фс7! Удивитель- но, что для реализации пере- веса Карпову потребовалось всего двенадцать ходов.

22. Лg4! Фf6 23. h4! Фf5 24. Лb4! (теперь невозможна длинная рокировка из-за 25. Сg4) 24... Cf6 25. h5 Ke7 (пос- ле 25... Ke5 черные оставались

без фигуры: 26. Лf4) 26. Лf4
Фe5 27. Лf3! («работоспособ-
ность» этой ладьи поразитель-
на!) 27... К:d5 28. Лd3 Л:h6
29. Л:d5 (конечно, не 29.
Ф:h6 ввиду 29... Сg5) 29... Фe4
30. Лd3!! (своеобразный двой-
ной удар: под угрозой ладья
черных, которым нужно защи-
щаться и от 31. Ле3) 30... Фh1+
31. Крс2 Ф:a1 32. Ф:h6 Се5
33. Фg5! Черные сдались.

Не удивительно, что пар-
тия Карпов — Горт была при-
знана лучшей на Мемориале
Алехина, а набранные Карпо-
вым 11 очков означали дележ
1—2-го мест с другим совет-
ским гроссмейстером — Ле-
онидом Штейном.

Успех ожидал Карпова и
на традиционном рождествен-
ском турнире 1971/72 г. в
Гастингсе, где он также разде-
лил 1—2-е места. Комменти-
руя это достижение молодого
советского гроссмейстера,
шахматный обозреватель газе-
ты «Санди Таймс» Александер
решился на осторожное про-
рочество: «Карпов, возможно,
будет тем гроссмейстером,
который в 1975 или 1978 гг.
станет оспаривать шахматную
корону у Спасского или Фи-
шера».

В сентябре 1972 г., выиг-

рав в Рейкьявике матч у Спас-
ского, место на мировом
шахматном троне занял Фи-
шер. У Карпова появилась
конкретная цель, официаль-
ный путь к которой ему пред-
стояло начать с межзональ-
ного турнира.

Перед межзональным тур-
ниром Карпов сыграл в не-
скольких соревнованиях, сре-
ди которых особое значение
имели два: XX всемирная
Олимпиада в югославском го-
роде Скопле и международ-
ный турнир в Сан-Антонио
(США). 13 очков из 15 воз-
можных принес Карпов нашей
сборной, занявшей первое мес-
то на Олимпиаде и выдержав-
шей отчаянную конкуренцию
со стороны венгерской коман-
ды. Карпов в Скопле был
лишь первым запасным, то есть
выдающихся шахматистов в
числе его противников не бы-
ло, но качество его игры все
же не могло не вызвать вос-
хищения. «Если быть совсем
честным, то только сейчас, в
Скопле, я понял, что Карпов
действительно способен на
наивысшие достижения. Он и
раньше показывал отличные
результаты, но в творческом
отношении его игра меня не
впечатляла. Теперь я чисто по-

шахматному восхищаюсь партиями Карпова», — слова эти принадлежат Михаилу Талю.

Популярность шахмат в США всегда поддерживалась благодаря меценатам. «Меценатствующих» миллионеров прибавилось после триумфа Фишера в Рейкьявике. В конце 1972 г. техасский миллионер Чорч организовал на свои средства большой шахматный турнир в Сан-Антонио. Фишера Чорч пригласить не решился, избежав таким образом лишних расходов, но Европа была представлена сверхавторитетными именами: Петросян, Керес, Портиш, Глигорич, Горт, Ларсен и Карпов. Участвовал в турнире и бразильский «шахматный Пеле» — Э. Мекинг. Победителями турнира стали трое: Карпов, Петросян и Портиш, набравшие по 10,5 очка из 15. Турнир в Сан-Антонио удостоил своим вниманием Фишер. Он появился во время последнего тура, поднялся на сцену, где поздоровался с каждым из участников, и очень быстро исчез. Не привело ли чемпиона мира в турнирный зал любопытство, связанное с личностью Карпова!? Ведь остальные участники турнира в Сан-

Антонио были ему хорошо знакомы...

Эксперты, скомплектовавшие межзональные турниры 1973 г. в Ленинграде и Петрополисе (Бразилия), вероятно, в чем-то ошиблись. В ленинградский турнир были включены пять претендентов предыдущего розыгрыша первенства мира: Корчной, Ларсен, Хюбнер, Ульман и Тайманов, в Петрополис поехал один — Геллер. В числе участников ленинградского межзонального был и Таль, демонстрировавший в течение двух предшествующих лет исключительно сильную и ровную игру. Короче говоря, уже на первом этапе отбора Карпову предоставилась отличная возможность показать свою истинную шахматную силу.

13,5 очка в семнадцати сыгранных без поражений партиях — таков итог выступления Карпова в первом в его жизни межзональном турнире. Такую же сумму очков удалось набрать только Корчному. Sensацией турнира было третье место и, следовательно, выход в претендентский цикл 45-летнего американского гроссмейстера Р. Бирна.

В Петрополисе определились еще три претендента: Э. Мекинг, Л. Портиш и Л. Полугаевский. В восьмерку претендентов вошли также экс-чемпион мира Б. Спасский и участник финального матча претендентов в предыдущем цикле экс-чемпион мира Т. Петросян. По результатам жеребьевки, проведенной в Москве, противником Карпова в четвертьфинальном матче претендентов оказался Л. Полугаевский.

Все пять представителей нашей страны, получившие право на участие в претендентском цикле 1974 г., выбрали на первых порах один метод подготовки — они решили принять участие в высшей лиге 41-го чемпионата СССР, которая стартовала в начале октября 1973 г. в Москве. Победителем этого представительнейшего чемпионата стал Борис Спасский. В отличие от других претендентов он играл, не заботясь о сохранении дебютных тайн, с полной выкладкой сил. Успех был ему необходим для самоутверждения после утраты мировой короны. Все четыре претендента: Карпов, Полугаевский, Петросян и Корчной — встали

в турнирной таблице вслед за Спасским, отстав от него на одно очко.

Методы тренировки... Многие досужие шахматные тренеры думают, что в этом вопросе им все ясно. Но чем квалифицированнее шахматист, тем сложнее кажется ему эта проблема. Карпов вместе с Фурманом выбрали несколько рискованный метод подготовки к ответственной игре — за полтора месяца до его начала они отправились в Мадрид на очень сильный по составу международный турнир. «Большую часть мадридского турнира я играл, как говорят шахматисты, „на технику“, не особенно выкладываясь, помня о том, что предстоит четвертьфинальный матч претендентов с Полугаевским», — это признание Карпова свидетельствует о достижении им высочайшего шахматного класса накануне претендентского цикла. Ведь от игравшего не в полную силу, но занявшего первое место Карпова значительно отстали великолепные гроссмейстеры — В. Горт, В. Ульман, Л. Портиш, У. Андерссон, У. Браун, Л. Любоевич, О. Панно. Там же, в Мадриде, Карпову как лучше-

му шахматисту 1973 г. был вручен «Шахматный Оскар». До Карпова «Оскары» присуждались Ларсену (1967 г.), Спасскому (1968, 1969 гг.) и Фишеру (1970, 1971, 1972 гг.).

Все матчи претендентов 1974 г. проводились до определенного количества побед: четвертьфинальные — до трех, полуфинальные — до четырех, финальный — до пяти. Общий лимит партий был ограничен соответственно шестнадцатью, двадцатью и двадцатью четырьмя партиями. В случае равного счета по истечении лимитного количества партий должен был бросаться жребий.

Матч Карпов — Полугаевский сразу превратился в принципиальный теоретический диспут, который продолжался до последней партии. Во всех нечетных партиях на ход Полугаевского 1. d4 Карпов разыгрывал защиту Нимцовича, в четырех четных партиях в ответ на ход 1. e4 Полугаевский применял Сицилианскую защиту. Так как партий было всего восемь и матч завершился со счетом 3:0 (без учета ничьих) в пользу Карпова, у многих специалистов сложилось мнение, что и в тео-

ретическом, и в практическом споре победитель оказался сильнее.

На самом деле все было несколько иначе. В дебютной (теоретической) стадии определенного предпочтения заслуживал Полугаевский: белыми он добивался минимального перевеса (а в 5-й партии — подавляющего), черными достигал равенства. Карпов победил в матче в основном благодаря оригинальному и удивительно сильному разыгрыванию миттельшпиля.

Счет 3:0 (но после шести партий) был зафиксирован и в матче Спасский — Бирн, игравшемся в Сан-Хуане (Пуэрто-Рико).

Полуфинальный матч претендентов Спасский — Карпов вызвал огромный накал страстей. Фаворитом матча был Спасский. Семь претендентских матчей сыграл он с 1965 г. и все выиграл, набрав в них 66,4% очков: +25, —5, =31. Из известных специалистов в успех Карпова твердо верил один Ботвинник, который после «непонятого» для некоторых поражения Полугаевского в матче с Карповым заметил: «Точно так же „не-

понятно" он обыграет и Спасского».

12 апреля 1974 г. Спасский и Карпов заняли места друг против друга на сцене ленинградского Дворца культуры имени Дзержинского. Начало матча ничего хорошего Карпову не предвещало — в партии, играя белыми, он потерпел поражение. Расстроенный неудачей своего подопечного, Фурман сумел найти для него ободряющие слова: «Фишер тоже проиграл Спасскому первую партию, но это не помешало ему выиграть матч...»

Во 2-й партии шахматных обозревателей ждал сюрприз. Карпов впервые в своей турнирной практике применил защиту Каро-Канн. Неожиданностью это оказалось и для Спасского, который уже на 17-м ходу предложил ничью, даже не пытаясь использовать выгоды белого цвета своих фигур.

Весьма перспективную позицию получил Спасский, применив в 3-й партии острую Староиндийскую защиту, но достаточно было ему неосмотрительно закрыть центр, чтобы инициатива полностью перешла к Карпову, последующие стратегические действия

которого оказались глубже тактических ухищрений противника. Счет в матче стал равным. Нервная и потому небезошибочная борьба в 4—5-й партиях привела к двум ничейным результатам.

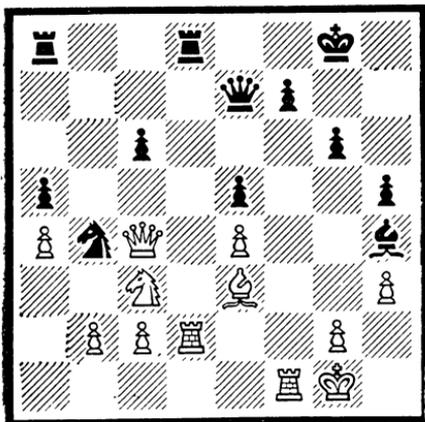
Прекрасно провел Карпов 6-ю партию, в которой Спасский, не добившись ничего по дебюту, переоценил свою позицию, получил худший эндшпиль и, не сумев использовать всех защитительных ресурсов, потерпел поражение. Две последующие ничьи были следствием высочайшего искусства защиты, продемонстрированного Спасским в 7-й партии и Карповым — в 8-й.

Решающей и самой впечатляющей партией матча была 9-я.

С трудом верится, что Спасский, проиграл эту позицию черными в 11 ходов (см. диаграмму).

24. Kb1! (прекрасный маневр; белые не только готовят оттеснение активного коня b4, но и намечают переброску своего коня на королевский фланг) 24... Фb7 25. Kph2! Kpg7 26. c3 Ka6 27. Ле2! (типичный «карповский» ход — размены в данный момент ни к чему) 27...

Лf8 28. Кd2 Сd8 29. Кf3 f6 30. Лd2 (теперь ладья снова нужна на линии d) 30... Се7 31. Фe6! Лад8 32. Л: d8 С: d8 (не спасало 32... Л: d8 из-за 33. К: e5! Фс7 34. Фf7+ Кph8 35. Ф: e7!) 33. Лd1 Кb8 34. Сс5 Лh8 35. Л: d8! Черные сдались, так как после 35...

Л: d8 решает 36. Се7! Великолепное стратегическое достижение Карпова!

10-я партия проходила под знаком позиционного давления Спасского, но, продемонстрировав большое искусство профилактики (в стиле Петросяна), Карпов сумел добиться ничьей.

11-я, ставшая последней, партия матча закончилась раз-

громом Спасского, допустившего две серьезные ошибки в середине игры. Выиграв матч со счетом 4:1, Карпов вышел в финал претендентского цикла.

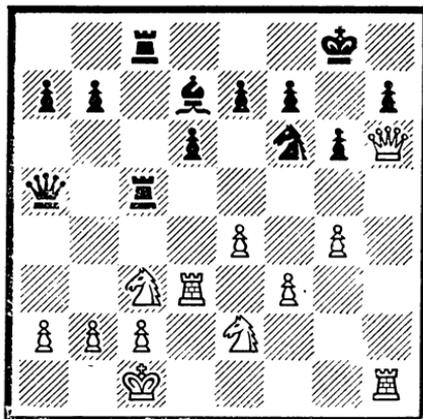
Подробный разбор матча Спасский—Карпов в этом сравнительно коротком очерке сделан намеренно. Именно после победы Карпова в матче над Спасским специалисты поняли, что шахматист, способный выиграть матч у Фишера, появился. Для косвенного сравнения Фишера и Карпова более подходящего эталона, чем Спасский, быть не могло. Фишер победил Спасского со счетом 12,5:8,5, Карпов—7:4 (с учетом ничьих). Иными словами, едва заметные изъяны в универсальном шахматном механизме Спасского были использованы Карповым и Фишером с одинаковой убедительностью.

Для получения права на матч с Фишером Карпову предстояло выиграть матч у гроссмейстера Корчного, который победил в четвертьфинальном и полуфинальном матчах Мекинга и Петросяна.

Финальному матчу претендентов предшествовали два события, происшедшие во французском городе Ницце.

Событием № 1 была XXI Мировая Олимпиада, на которой команду СССР впервые возглавлял Анатолий Карпов. Он легко стал победителем турнира первых досок с превосходным результатом: 12 очков из 14 возможных, а команда СССР на целых 8,5 очка опередила занявшую второе место команду Югославии. Событие № 2 — очередной конгресс ФИДЕ, которому Фишер в ультимативной телеграмме предложил в корне изменить установленный предыдущим конгрессом регламент проведения матча на звание чемпиона мира. Суть предложения Фишера заключалась в проведении безлимитного матча до десяти побед одного из соперников, а в случае счета результативных партий 9:9 чемпион мира по замыслу Фишера, должен был сохранить свое звание. Конгресс принял «Соломоново решение» — проводить матч до десяти побед (без льготы для чемпиона мира), но ограничить лимит партий тридцатью шестью. Узнав об этом решении, Фишер в очередной телеграмме сообщил, что слагает с себя полномочия «чемпиона мира ФИДЕ».

Таким образом, начавшемуся 16 сентября 1974 г. в Москве матчу Карпов — Корчной уготована была участь матча непосредственно на звание чемпиона мира... Лимит, равный 24 партиям, оказался в этом матче использованным полностью. Уже один этот факт свидетельствовал об исключительном напряжении борьбы. Красивейшей партией всего претендентского цикла 1974 г. можно с уверенностью назвать 2-ю партию финального матча, в которой белыми играл Карпов.

20. g5!! (эффектнейшее отвлечение черной ладьи с линии «с»; нельзя играть 20... Kh5 из-за 21. Kf4 Л: g5 22.

Kcd5!) 20... Л: g5 21. Лd5! Л: d5 («арестованная» черная ладья вынуждена привести на решающую атаковую позицию белого коня) 22. К: d5 Ле8 23. Kef4 (теперь угрожает 24. К: f6+ ef 25. Kd5) 23... Сс6 24. e5!! (эффектное перекрытие пятой горизонтали) 24... С: d5 25. ef ef 26. Ф: h7+ Kpf8 27. Фh8+. Черные сдались.

После 17-й партии счет стал 3:0 в пользу Карпова; создавалось впечатление, что в оставшихся семи лимитных партиях ему ничего не грозит. В этот момент Карпов утратил чувство опасности, чем незамедлительно воспользовался противник: он сумел выиграть 19 и 21-ю партии, но большего достичь не смог. Сделав ничьи в трех оставшихся встречах, Карпов стал победителем матча со счетом 3:2.

Что же дальше? Не был ли отказ Фишера от мировой короны просто демонстрацией? Ведь и перед матчем со Спасским он держал всех в состоянии неопределенности. Был созван внеочередной конгресс ФИДЕ, на котором конгрессмены пошли еще на одну уступку — согласились ради Фишера сделать матч безлимитным. Оставалась только

проблема счета 9:9. Фишер молчал. Не получив от него никаких сведений, 3 апреля 1975 г. Международная шахматная федерация провозгласила двенадцатым в истории шахмат чемпионом мира Анатолия Карпова.

Сколь великим оказался потенциальный шахматный заряд Карпова, показали его последующие выступления. Первыми увидели прекрасную игру нового чемпиона мира шахматные болельщики югославских городов Порторожа и Любляны, в которых проходил Мемориал выдающегося югославского гроссмейстера М. Видмара. 12 из 16 участников турнира имели гроссмейстерские звания. Чемпион мира финишировал первым — 11 очков из 15 (без поражений). На очко от победителя отстал Глигорич, далее были гроссмейстеры: Горт, Рибли, Фурман, Парма, Партиш и др.

Через два месяца, в конце августа 1975 г., в Милане стартовал турнир двенадцати гроссмейстеров, среди которых были два экс-чемпиона мира — Петросян и Таль, неоднократные претенденты на мировую корону — Ларсен, Партиш, Глигорич, а также ро-

весники Карпова — сильные и перспективные Любоевич (Югославия) и Андерссон (Швеция). Формула турнира была довольно оригинальной: сначала круговой турнир, затем матчи по олимпийской системе четырех победителей кругового турнира. Промежуточный финиш выиграл Портиш, опередивший на пол-очка Карпова, Петросяна и Любоевича. Полуфинальный матч (4 партии) с Петросяном Карпов сыграл вничью — этого было достаточно для выхода в финал, благодаря лучшему показателю по таблице коэффициентов в круговом турнире. В финальном матче Карпов выиграл у Портиша: +1, —0, =5 и стал победителем Миланского турнира.

Март 1976 г. «Турнир солидарности» в югославском городе Скопле. Результат чемпиона мира великолепен: проведя 15 поединков, в основном с гроссмейстерами, он одержал десять побед при пяти ничьих. Через полтора месяца после Скопле Карпов побеждает в двухкруговом матч-турнире, посвященном 75-летию Эйве. Это соревнование четырех гроссмейстеров проводилось в Амстердаме.

Итог выглядел так: 1-е место — Карпов: 4 из 6 (без поражений); 2-е — Браун: 3; 3—4-е — Олафссон и Тимман: по 2,5 очка.

Самым главным турниром 1976 г. стал для Карпова, конечно, 44-й чемпионат СССР. За выступлением его в этом чемпионате с интересом следили не только наши, но и западные специалисты, прекрасно понимая, что победить в таком турнире «по заказу» (а Карпов наверняка поставил перед собой такую задачу) может только феноменальный шахматист. Несмотря на вялый старт, связанный, вероятно, с отсутствием в тот момент спортивной формы (бывает такое и у чемпионов мира), Карпов сумел взять себя в руки и отличным финишем — 6 очков из 7 — обеспечить себе желанный титул чемпиона СССР. На очко от Карпова стал занявший второе место Балашов, на полтора очка — Петросян и Полугаевский.

Восхищение шахматного мира турнирными победами Карпова продолжалось. 13 гроссмейстеров, 1 международный мастер и 2 национальных мастера собрались в марте 1977 г. в Бат-Лаутерберге

(ФРГ). Результат Карпова и стиль его побед вновь были выше всяких похвал: 12 очков из 15 возможных (без единого поражения) — 1-е место. Занявший 2-е место один из сильнейших гроссмейстеров Запада Я. Тимман отстал на 2 очка. Участник турнира в Бат-Лаутерберге английский гроссмейстер Р. Кин в советском шахматном еженедельнике «64» поделился своими впечатлениями о чемпионе мира: «После турнира я взял у Карпова интервью для журнала „Спектейтор“. Он сказал, что будет вполне удовлетворен, если сумеет сохранить звание чемпиона мира в течение 6—9 лет. Я, однако, не верю, что в этот период кто-нибудь сможет сравниться с Карповым как в практической шахматной силе, так и в скорости реакции и невероятной быстроте игры... Добавлю, что со времен АLEXИНА — я имею в виду период конца 20-х — начала 30-х годов — Карпов единственный чемпион мира, который выигрывает подряд все сильнейшие турниры...» Через месяц после Бат-Лаутерберга, на командном первенстве Европы в Москве, Кин стал свидетелем и

одним из «виновников» нового удивительного достижения Карпова. Выступая на первой доске советской команды, Карпов сыграл пять партий с «первыми досками» других стран (Л. Портишем, Л. Любоевичем, Я. Смейкалом, Ф. Георгиу и Р. Кином) и всех победил.

Выдающимися были победы Карпова еще в двух турнирах 1977 г.: почти гроссмейстерском турнире в Лас-Пальмасе (12 побед, 3 ничьи) и чисто гроссмейстерском в Тилбурге (8 очков в 11 партиях с сильнейшими гроссмейстерами мира).

О турнирных победах Карпова можно писать до бесконечности, тем более, что их количество неудержимо растет. Однако трижды чемпионом мира он стал, в конечном счете, после побед в матчах. Во всех этих матчах его соперником был В. Корчной.

Матч 1978 г. в филиппинском городе Багио вначале проходил при безоговорочном превосходстве Карпова. После 27 партий (лимит их был не ограничен, и матч игрался до 6 побед одного из противников) чемпион мира вел со счетом 5:2. И тут началось

непредвиденное. «Я оказался в невыгодной психологической ситуации, — сказал после матча Карпов в беседе с корреспондентом ТАСС. — Мне было что терять, а соперник, видимо смирившись с поражением, стал играть раскованно. К этому периоду особенно начало сказываться утомление». И не удивительно: матч длился 93 дня в атмосфере громадного нервного напряжения, нагнетаемого Корчным и его «командой».

Претенденту к 32-й партии удалось отыграть 3 очка, но эта партия оказалась для него роковой. Окончательный счет матча — 6 : 5 в пользу Карпова. Победа, достигнутая с минимальным перевесом, не принесла ему полного удовлетворения, и потому спустя три года в новом матче с Корчным, местом проведения которого был итальянский город Мерано, чемпион мира сделал все, чтобы доказать неправомысленность счета матча в Багио. Всего восемнадцать партий длилось сопротивление претендента, агония которого началась уже после первых двух партий, закончившихся его сокрушительными поражениями. Спортивный итог матча — 6 : 2

в пользу Карпова. Что касается творческого итога, то, пожалуй, ярче всех его подвел ветеран шахмат, знавший лично почти всех чемпионов мира и сыгравший с ними не одну партию, — аргентинский гроссмейстер М. Найдорф: «Я должен извиниться перед Карповым. До сих пор я считал его точным шахматным роботом. В Мерано проявилась его гениальность. То, что он делает, можно сравнить с игрой Капабланки в период его высшей славы. Я отношу Анатолия к лучшим шахматистам истории».

С 1980 г. Анатолий Карпов редактирует самый популярный в мире шахматный журнал «64». Как член ЦК ВЛКСМ он ведет большую работу по популяризации шахмат среди молодежи, продолжает заниматься экономической наукой, являясь аспирантом МГУ... «Владеющий временем» — так назвал интересный очерк о Карпове ленинградский журналист Алексей Самойлов. И действительно, для того чтобы надежно удерживать мировую корону, выигрывать один крупный турнир за другим, активно участвовать в общественной жизни страны,

заниматься наукой, одного только, даже громадного, таланта мало — надо иметь еще один дар, называемый искусством владения временем. Очевидно, этот дар и помогает Анатолию Карпову быть самым играющим из всех чемпионов мира.

Символично, что именно Карпов, соединивший в своем

творчестве все лучшее, чем владели его предшественники на шахматном Олимпе, стал победителем Юбилейного 50-го чемпионата нашей страны. Это соревнование завершилось в апреле 1983 г., а в июле ведомая чемпионом мира команда Москвы выиграла золотые медали чемпионов Спартакиады народов СССР. К защите своего титула в 1984 г. Анатолий Карпов приближается во всеоружии.

Прелесть шахмат заключается в том, что, подобно музыкальным произведениям, шахматные партии можно разыгрывать спустя много лет после их создания. В двенадцати приведенных ниже партиях — по одной яркой победе каждого чемпиона мира. Пар-

тии не прокомментированы автором отнюдь не потому, что «комментарии излишни», а по той причине, что самостоятельное изучение нюансов творчества чемпионов мира — самый надежный путь к шахматному совершенствованию...

СТЕЙНИЦ — БАРДЕЛЕБЕН

Гастингс, 1895

1. e4 e5 2. Kf3 Kc6 3. Cc4 Cc5 4. c3 Kf6 5. d4 ed 6. cd Cb4+ 7. Kc3 d5 8. ed K:d5 9. 0—0 Ce6 10. Cg5 Ce7 11. C:d5 C:d5 12. K:d5 Ф:d5 13. C:e7 K:e7 14. Ле1 f6 15. Фе2 Фd7 16. Лас1 c6 17. d5 cd 18. Kd4 Kpf7 19. Ке6 Лhc8 20. Фg4 g6 21. Kg5+ Кре8 22. Л:e7+ Kpf8 23. Лf7+ Kpg8 24. Лg7+ Kph8 25. Л:h7+ Черные сдались.

ПИЛЬСБЕРИ — ЛАСКЕР

Петербург, 1896

1. d4 d5 2. c4 e6 3. Kc3 Kf6 4. Kf3 c5 5. Cg5 cd 6. Ф:d4 Kc6 7. Фh4 Ce7 8. 0—0—0 Фа5 9. e3 Cd7 10. Kpb1 h6 11. cd ed 12. Kd4 0—0 13. C:f6 C:f6 14. Фh5 K:d4 15. ed Ce6 16. f4 Лас8 17. f5 Л:c3 18. fe Ла3 19. ef+ Л:f7 20. ба Фb6+ 21. Cb5 Ф:b5+ 22. Кра1 Лс7 23. Лd2 Лс4 24. Лhd1 Лс3 25. Фf5 Фс4 26. Kpb2 Л:a3 27. Фе6+ Kph7 28. Кр:a3 Фс3+ 29. Кра4 b5+ 30. Кр:b5 Фс4+ 31. Кра5 Cd8+ Белые сдались.

КАПАБЛАНКА — СТЕЙНЕР

Лос-Анжелос, 1933

1. e4 e5 2. Kf3 Kc6 3. Kc3 Kf6 4. Cb5 Cb4 5. 0—0 0—0 6. d3 d6 7. Cg5 C:c3 8. bc Ke7 9. Kh4 c6 10. Cc4 Ce6 11. C:f6 gf 12. C:e6 fe 13. Фg4+ Kpf7 14. f4 Лg8 15. Фh5+ Kpg7 16. fe de 17. Л:f6 Kp:f6 18. Лf1+ Kf5 19. К:f5 ef 20. Л:f5+ Кре 7 21. Фf7+ Kpd6 22. Лf6+ Kpc5 23. Ф:b7 Фb6 24. Л:c6+ Ф:c6 25. Фb4x.

ГЕЛЛЕР — ЭЙВЕ

Цюрих, 1953

1. d4 Kf6 2. c4 e6 3. Kc3 Cb4 4. e3 c5 5. a3 C:c3+ 6. bc b6 7. Cd3 Cb7 8. f3 Kc6 9. Ke2 0—0 10. 0—0 Ka5 11. e4 Ke8 12. Kg3 cd 13. cd Лc8 14. f4 К:c4 15. f5 f6 16. Лf4 b5 17. Лh4 Фb6 18. e5 К:e5 19. fe К:d3 20. Ф:d3 Ф:e6 21. Ф:h7+ Kpf7 22. Ch6 Лh8 23. Ф:h8 Лc2 24. Лc1 Л:g2+ 25. Kpf1 Фb3 26. Кре1 Фf3. Белые сдались.

АЛЕХИН — НИМЦОВИЧ

Блед, 1931

1. e4 e6 2. d4 d5 3. Kc3 Cb4 4. Ke2 de 5. a3 C:c3+ 6. К:c3 f5 7. f3 ef 8. Ф:f3 Ф:d4 9. Фg3 Kf6 10. Ф:g7 Фе5+ 11. Ce2 Лg8 12. Фh6 Лg6 13. Фh4 Cd7 14. Cg5 Cc6 15. 0—0—0 C:g2 16. Лhe1 Ce4 17. Ch5 К:h5 18. Лd8+ Kpf7 19. Ф:h5. Черные сдались.

ДЕНКЕР — БОТВИННИК

Радиоматч СССР — США.
Москва — Нью-Йорк, 1945

1. d4 d5 2. c4 e6 3. Kc3 c6 4. Kf3 Kf6 5. Cg5 dc 6. e4 b5 7. e5 h6 8. Ch4 g5 9. К:g5 hg 10. C:g5 Kbd7 11. ef Cb7 12. Ce2 Фb6. 13. 0—0 0—0—0 14. a4 b4 15. Ke4 c5 16. Фb1 Фc7 17. Kg3 cd 18. C:c4 Фc6 19. f3 d3 20. Фc1 Cc5+ 21. Kph1 Фd6 22. Фf4 Л:h2+ 23. Кp:h2 Лh8+ 24. Фh4 Л:h4+ 25. C:h4 Фf4. Белые сдались.

СМЫСЛОВ — КОТТНАУЭР

Гронинген, 1946

1. e4 c5 2. Kf3 d6 3. d4 cd
 4. K:d4 Kf6 5. Kc3 a6 6. Ce2
 e6 7. 0—0 b5 8. Cf3 Ла7 9.
 Фе2 Лс7 10. Лд1 Kbd7 11. а4
 ба 12. К:а4 Сb7 13. e5 К:e5
 14. С:b7 Л:b7 15. Ф:a6 Фb8
 16. Kc6 К:c6 17. Ф:c6+ Kd7
 18. Kc5 dc 19. Cf4 Cd6 20.
 С:d6 Лb6 21. Ф:d7+. Чер-
 ные сдались.

БОБОЦОВ — ТАЛЬ

Варна, 1958

1. d4 Kf6 2. c4 g6 3. Kc3
 Cg7 4. e4 d6 5. f3 0—0 6.
 Kge2 c5 7. Ce3 Kbd7 8. Фd2
 а6 9. 0—0—0 Фа5 10. Kpb1
 b5 11. Kd5 К:d5 12. Ф:a5
 К:e3 13. Лс1 К:c4 14. Л:c4
 bc 15. Kc1 Лb8 16. С:c4 Kb6
 17. Сb3 С:d4 18. Фd2 Cg7
 19. Ke2 c4 20. Cc2 c3 21. Фd3
 cb 22. Kd4 Cd7 23. Лd1 Лf c8
 24. Сb3 Ка4 25. С:a4 С:a4
 26. Kb3 Лс3 27. Ф:a6 С:b3
 28. ab Лbс8 29. Фа3 Лс1+ 30.
 Л:c1 Л:c1+. Белые сдались.

ПЕТРОСЯН — БАЛАШОВ

Москва, 1974

1. c4 Kf6 2. Kc3 e6 3. d4
 Сb4 4. e3 c5 5. Cd3 d5 6. Kf3
 0—0 7. 0—0 dc 8. С:c4 Kc6
 9. Cd3 cd 10. ed Ce7 11. Ле1
 b6 12. а3 Сb7 13. Cc2 Лс8 14.
 Фd3 Ле8 15. d5 ed 16. Cg5
 Ке4 17. К:e4 de 18. Ф:e4 g6
 19. Фh4 Фс7 20. Сb3 h5 21.
 Фе4 Kpg7 22. С:f7 Кр:f7 23.
 Ch6 Фd6 24. Фс4+ Kpf6 25.
 Лад1 Kd4 26. Ф:d4 Ф:d4
 27. Л:d4 Лс5 28. h4. Черные
 сдались.

ЛАРСЕН — СПАССКИЙ

Белград, 1970

1. b3 e5 2. Сb2 Kc6 3. c4
 Kf6 4. Kf3 e4 5. Kd4 Cc5 6.
 К:c6 dc 7. e3 Cf5 8. Фс2 Фе7
 9. Ce2 0—0—0 10. f4 Kg4 11.
 g3 h5 12. h3 h4 13. hg hg 14.
 Лg1 Лh1 15. Л:h1 g2 16. Лf1
 Фh4+ 17. Kpd1 gfФ+. Белые
 сдались.

УНЦИКЕР — ФИШЕР

Варна, 1962

1. e4 c5 2. Kf3 d6 3. d4 cd
 4. K:d4 Kf6 5. Kc3 a6 6. Ce2
 e5 7. Kb3 Ce6 8. 0—0 Kbd7 9.
 f4 Фс7 10. f5 Cc4 11. a4 Ce7
 12. Ce3 0—0 13. a5 b5 14. ab
 K:b6 15. C:b6 Ф:b6+ 16.
 Kph1 Cb5 17. C:b5 ab 18. Kd5
 K:d5 19. Ф:d5 Ла4 20. c3 Фа6
 21. h3 Лс8 22. Лfe1 h6 23.
 Kph2 Cg5 24. g3 Фа7 25. Kpg2
 Ла2 26. Kpf1 Л:c3. Белые сда-
 лись.

КАРПОВ — ЛЮБОЕВИЧ

Турин, 1982

1. e4 c5 2. Kf3 d6 3. d4
 Kf6 4. Kc3 cd 5. K:d4 a6 6.
 Ce2 e6 7. f4 Фс7 8. 0—0 b5
 9. Cf3 Cb7 10. e5 de 11. fe
 Kfd7 12. Cf4 b4 13. Ke4 K:e5
 14. Kph1 Ce7 15. Kg5 C:g5 16.
 C:b7 Ф:b7 17. C:e5 0—0
 18. Фg4 Фе7 19. Фg3 Лс8 20.
 Cd6 Фd7 21. Лад1 f6 22. C:b8
 Ла:b8 23. h4 C:h4 24.
 Ф:h4 Лс4 25. Фg3 Лbc8 26.
 Kf5 Фа7 27. Kd6 Л4c5 28. Фh3.
 Черные сдались.

СОДЕРЖАНИЕ

СТЕЙНИЦ	5	СМЫСЛОВ	106
ЛАСКЕР	20	ТАЛЬ	120
КАПАБЛАНКА	39	ПЕТРОСЯН	138
АЛЕХИН	57	СПАССКИЙ	155
ЭЙВЕ	73	ФИШЕР	172
БОТВИННИК	90	КАРПОВ	191

Иосиф Львович Каган
«ИЗБРАННИКИ КАИССЫ»

Редактор Д. И. Шехтер
Художник Е. Д. Семенов
Художественный редактор Л. Н. Дегтярев
Технический редактор Э. С. Иванова
Корректор В. М. Фофанова
ИБ № 1251

Сдано в набор 25.04.83. Подписано в печать 31.08.83. Е00403. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типограф. № 1. Гарнитура журнальная рубл. Печать высокая. Усл. печ. л. 9,45. Усл. кр.-отт. 9,71. Уч.-изд. л. 10,15. Тираж 10 000 экз. Заказ 374. Изд. № 102. Цена 70 коп. Издательство «Карелия», 185610, Петрозаводск; пл. В. И. Ленина, 1. Сортавальская книжная типография Государственного комитета Карельской АССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 186750. Сортавала, Карельская, 42.

Каган И. Л.

К12 Избранники Каиссы/Под ред. М. Е. Тайманова. — Петрозаводск: Карелия, 1983. — 214 с, ил.

Эта книга о двенадцати чемпионах мира по шахматам, об их жизни и тернистом пути к цели, об их изумительных победах и... горестных поражениях.

Автор — по специальности инженер, мастер спорта по шахматам, 18-кратный чемпион Карельской АССР по шахматам.

Очерки рассчитаны на широкий круг читателей. Они доступны и людям, не умеющим играть в шахматы.

К 420200000—087
М127(03)—83 91—83

75.581

70 коп.

ИЗБРАННИКИ КАУССЫ

а. хатан